

КЛУБ · ИМПЕРАТОРСКОГО
ТЕХНИЧЕСКОГО · УЧИЛИЩА
XXV ЛЕТ

Юбилейное издание

Том II

Анатолий Долголаптев

LXX

ПРЕЗИДЕНТ

Москва
2019

УДК 323
ББК 66.3
Д 64

Долголаптев А. В.

Д 64 Президент: юбилейное издание. Том II. – М.:
ИПО «У Никитских ворот», 2019. – 152 с.

ISBN 978-5-00095-803-2

УДК 323
ББК 66.3

ISBN 978-5-00095-803-2

© Долголаптев А.В., 2019
© Оформление. ИПО
«У Никитских ворот», 2019

Даже зная, что чужой опыт почти никому и почти никогда не нужен, тщу себя надеждой на понимание чувств инженера, неумышленно оказавшегося в политическом эпицентре супернеординарных поворотов в судьбе Родины.

Все политическое писалось реактивно на события чрезвычайные по скорости, сложности и остроте, и все-таки читатель обнаружит в текстах фундаментальные позиции патриотизма и ответственности, присущие русской инженерии, и, особенно, большинству бауманских питомцев.

Вот поэтому-то мы, члены Клуба, вместе и дороги друг другу, чем противостояим бурно прогрессирующим вокруг эгоизму и бесчестью. И неслучайны родившиеся в застольях лозунги Клуба:

«ЗА ОТЕЧЕСТВО И КАЖДОГО ИЗ НАС!»

и

«НАМ ХОРОШО ВМЕСТЕ!»

Примечательны и клубные уставные положения (хранящиеся в единственном экземпляре в голове Президента):

– обращения друг к другу – «Мой (-я,-и) дорогой (-ая,-ие)!»

– каждый член Клуба имеет право обратиться к ЛЮБОМУ члену Клуба с ЛЮБЫМ вопросом и ПОЛУЧИТ ответ по существу и т.д и т.п., в том числе внеочередное телефонное соединение секретаршами сановных членов Клуба с одноклубниками.

Проверено, что не противоречат чувственным принципам и духу Клуба появившиеся также в тостах-экспромтах неполитические «Три притчи о главном» (о любви, о которой обязательно пишет каждый клубный графоман, считая себя ее знатоком).

Признаюсь, любезный читатель, что без участия в коллективном сотворении в Клубе чуда человеческого общения президентская жизнь состоялась бы тусклее и не потянулась бы президентская рука к перу.

Спасибо, мои дорогие!

Президент Клуба Императорского Технического Училища
Анатолий Долголаптев

Часть I

ПОЛИТИКА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сергей Глазьев

Долгие годы многие политики и публицисты обращали свои взоры на то бедственное положение, в каком оказалась Россия в результате однобокого и вульгарного монетаристского подхода к экономике, возобладавшего в руководящих умах. Речь шла о том, как противостоять разрушению всего лучшего, что было создано в нашей стране, о поисках альтернативной экономической политики, отвечающей интересам России.

Среди тех, кто активно, и, что особенно важно, конструктивно критиковал искусственно навязанную нам монетаристскую модель и предлагал иные, реалистичные пути развития, был и Анатолий Долголаптев. Я говорю «был» в том смысле, что, как явствует из хронологии статей, вошедших в эту книгу, он целый период своей жизни посвятил именно борьбе с порочным экономическим курсом. Без преувеличения можно сказать, что А. Долголаптев находился в авангарде этой борьбы. И его статьи оказали большое воздействие на общественное мнение, способствовали осознанию пагубности для России вульгарных монетаристских идей.

Хотя монетаризм начала 90-х еще продолжает «править бал» в официальной политике, это не более чем «объявлять мертвеца». В умах подавляющего большинства людей с ним покончено безвозвратно. Настало время переходить от критики к созиданию. И Анатолий Долголаптев оказался одним из первых, кто поставил сегодня проблему экономического будущего России в принципиально иной плоскости. Отвечая на главный вопрос: «Какими путями должна развиваться Россия в наступающем тысячелетии?», он предложил, по всей видимости, единственную концептуальную идею, реализация которой может вновь вывести нашу страну в число ведущих мировых держав.

Эта идея образно выражена в самом названии книги – «Быть ли России «тигром»?» – страной, динамично развивающейся на основе высоких технологий. На первый взгляд, такая постановка вопроса не актуальна. Ведь именно этот сектор усилиями монетаристов понес наибольшие потери, уступив первенство колониально-сырьевой составляющей. Но поистине «камень, который отвергли строители, тот самый сделался главой угла».

Предложения А. Долголаптева глубоки и убедительно обоснованны. В данном случае отчетливо проявился сплав серьезного политика, экономиста-практика и крупного ученого, каким является А. Долголаптев. Эта многогранность, широта и комплексность мышления, присущая лучшим российским технократам, позволили ему сформулировать поистине прорывную для России концепцию развития в новом веке. Но несомненно, важную роль сыграл и полученный Анатолием Васильевичем на посту руководителя крупнейшего научно-технического региона России – Московской области.

Эта концепция отнюдь не носит умозрительного характера. Предложен ясный и четкий механизм ее реализации: российские высокие технологии – в обмен на инвестиции! Иначе говоря, хватит нам, как в былые времена, по принципу «собаки на сене» хранить в тайне выдающиеся достижения российской науки и инженерии, реализовать которые нам не по карману. Пора использовать самый передовой научно-технический потенциал страны в мировом финансовом обороте.

Выдвигая эту концепцию, Анатолий Долголаптев показал себя и как незаурядный геополитик. Ибо в свете сказанного четко определяется место России в мировой системе разделения труда. В первую очередь имеется в виду взаимодействие нашей страны с «тиграми» – государствами Восточной Азии. Именно они особенно восприимчивы к российским высоким технологиям и остро нуждаются в них. И они же могут и готовы инвестировать миллиарды долларов в нашу экономику. Нельзя не отметить еще один важный геополитический аспект. Речь идет о возврате к многополярному миру, в котором не может быть единой сверхдержавы, в котором экономическую (и военную, кстати) мощь Запада будут уравнивать Россия и страны Азии. От себя хотел бы добавить значимость этого подхода и для арабского мира.

Высота геополитического взгляда не должна заслонять важность предложений А. Долголаптева для всех жителей России. А его концепция позволит оборонно-промышленному комплексу возродиться в новом качестве и производить гражданскую продукцию на основе новейших военных разработок.

Мы познакомились с Анатолием Васильевичем в сложный период формирования и становления Совета Федерации. В те непростые годы Долголаптев был одним из самых заметных членов Верхней палаты, активно отстаивавших идеи федерализма, и особенно бюджетного федерализма. Сегодня он снова одним из первых прозорливо улавливает главные веяния эпохи. И если в совокупности охарактеризовать все собранное под этой обложкой статьи Долголаптева, то их по праву можно назвать своего рода манифестом российских технократов.

*Сборник «Быть ли России “тигром”?»,
сентябрь, 1999 г.*

«ФИЛАДЕЛЬФИЙСКОЕ СИТЕЧКО», ИЛИ ПОСЛЕОКТЯБРЬСКИЙ «КАТЕХИЗИС» РОССИЙСКОГО ЦЕНТРИСТА

«Независимая газета», декабрь 1993 г.

Что произошло с нами в октябре? Мы пережили пролог гражданской войны. Произошла не развязка, а политическая и социальная катастрофа. Октябрь – наше общее национальное поражение, «самострел» незрелой демократии. Если мы остались верны демократическим ценностям, ничего другого не остается, как вернуться на конституционный путь. Подавляющая часть общества и реалистические политики это сознают. В России создавалась своеобразная и тревожная ситуация, когда основные права и свободы граждан уцелели, но правовые гарантии их эфемерны. Президент заявил, что принял на свои плечи ответственность за сохранность свобод. Он правит Россией посредством декретов. Иные из них изменяют на другой лад Основной Закон. Есть над чем призадуматься...

Досрочные парламентские выборы призваны покончить с опасным балансированием на грани авторитаризма. Итоги выборов определяют не только новую правящую коалицию, но, надеюсь, послужат своеобразным пактом восстановления гражданского мира. Возможно, они ослабят травматический шок в обществе после событий 3–4 октября.

Говорят, заодно мы, россияне, должны дать «добро» новой Конституции... Это напоминает библейский сюжет, как Адам «выбирал» себе в жены Еву. У него не было больше никого на примете. Если избиратель 12 декабря не одобрит президентский проект нового Основного Закона, то следствием будет дальнейшее падение авторитета власти. Если проект под сурдинку пройдет, то новый и, скорее всего, мозаичный по политическому спектру состав Федерального Собрания получит в качестве принудительного дара Конституцию, наскоро сочиненную одним из соперничающих политических блоков – фаворитов. Не исключено, что такой парламент с первого часа займется тем, что примется распарывать и заново стегать «шинель», в которую его облачили Собчак и другие самозванные отцы-основатели.

Опасно и намерение продиктовать «сверху» новое федеративное устройство без ратификации его субъектами Федерации. Это «головокружение от успехов» лишь подсыпает порох в пороховницы.

Пологое падение лучше, чем крутое, но не настолько, чтобы принимать его за знамение выздоровления экономики.

Никто не домогается, чтобы правительство явило чудо и экономика враз ожила. Но попреки, которые раздаются со Старой площади по поводу того, что критики не хотят признавать переломных и позитивных тенденций в экономике, не кажутся мне обоснованными. Министр финансов, тонко выстроив порядок цифр, связанных с отношением величины дефицита бюджета к ВВП, темпами инфляции и стабильным курсом рубля к доллару, прорицает усиление тенденции к макроэкономической стабилизации. Его оптимизм живо напомнил ухищрения пропагандистской статистики брежневских времен. На самом-то деле, несмотря на усилия прагматической части правительства, спад в экономике действительно носит структурный характер – только вот в сторону, противоположную той, что загадана. Устояли или меньший ущерб понесли отрасли, производящие сырье, но рушится сложное наукоемкое производство.

Сообщают о фантастически выросших заработках на кондитерских фабриках с допотопным оборудованием. А ведущие

инженеры наших подмосковных НПО, где созданы опережающие подчас и мировой уровень бесценные технологии, со своими 30-тысячными заработками копают огороды на пустошах, чтобы как-то прокормиться. В стране за время шоковых реформ утрачено уже более 40% валового продукта, но несуразным образом держится мизерный, просто завидный для любой страны уровень безработицы. Если реформаторам нипочем упавшая на треть производительность общественного труда, то ради чего они городили огород? Предприниматель, который хочет вкладывать в производство, получает от «винта», потому что кредитная политика сулит ему гарантированное разорение. Лишь золотушный рынок «коротких денег» пока процветает. Как будто есть хоть один прецедент в мире, когда менялы, посредники и рантье вытянули на своих плечах реконструкцию экономики, находящейся в глубоком кризисе.

Ни одна из бывших соцстран, ставших на путь рыночных преобразований, не имеет таких плачевных результатов, как Россия. Где же наше чувство достоинства великороссов?

Вспомним историю всех российских реформ – от Петра Великого до Александра II Освободителя, от Витте до Столыпина и, если на то пошло, Сокольникова с его золотым червонцем и Косыгина – никогда мы не терпели такого незадачливого конфуза, разора и опустошения, как после двух лет насильничанья над экономикой наших радикал-демократов. Несчастьем для страны, заупокойной по нашей горемычной экономике будет такой результат выборов, если радикалы получат мандат на второй тур «шокотерапии», к которому кое-кто, похоже, изготовился.

Ужесточение монетаристского курса не только не вызволит нас из финансовой ямы, но и обернется, того и гляди, распадом инфраструктур народного хозяйства. Нарастающая лавина индустриальных катастроф – неопровержимое подтверждение, что этот губительный процесс уже идет. Если вовремя не хватиться, он станет во многом необратим. Перед лицом этой негипотетической угрозы должны проявить смирение и ответственность все – «шокотерапевты» и прагматики, власти и работодатели, профсоюзы и банкиры. Они должны прийти к соглашению, которое включает самоограничение цен и доходов, стимулирование про-

изводства, в первую очередь за счет более осмысленного ведения приватизации. Речь идет о воскрешении угасающего воспроизводственного процесса в экономике.

Мне видится разительная аналогия между ситуацией в России после октября 1993 года и драматическим кануном НЭПа 1921 года. Наш «кронштадтский мятеж» уже состоялся. Пушки отгремели, форты пали... Напомню, что именно после Кронштадта, посчитавшись картечью со вчерашними единомышленниками, радикал-большевики предприняли свое неожиданное и победоносное экономическое отступление.

Общечеловеческие ценности не котируются на Нью-йоркской фондовой бирже, но все же существуют. Я бы сказал, что они все равно, что сияющий купол храма. А если вам померещилось, что вовсе не купол, а каркас мирового устройства, то воспитанный западный политик не встанет вас разуверять. И это еще одна российская несуразность: от пролетарского интернационализма мы, как из огня в полмя, перемахнули к «общечеловеческим ценностям». Этот горбачевский идеализм пришелся большинству из нас по сердцу. И мы по советской привычке тут же, сгоряча, сделали из этой прекраснодушной доктрины сердцевину, чуть не императив наших национальных целей и интересов. Начали строить храм, читай – здание реальной политики – с позолоты на куполах.

Через это знаменитое «чайное ситечко» из «лучших домов Филадельфии» мы, очень по-провинциальному, и сегодня переживаем наши национальные интересы, чтобы, не дай Бог, не просочились «имперские» субстанции. Вековое благопристойное фарисейство западного политического истеблишмента мы словно приняли за чистую монету. Но на самом-то деле ничего, кроме разумных эгоистических долговременных экономических и геополитических интересов не берется в расчет, когда страны Запада и Востока строят свою действительную политику по отношению к нам и друг к другу. Лишь новая Россия из кожи вон лезет доказать, что нет такой жертвы, какую мы не принесли бы на алтарь «общечеловеческих ценностей» и «мирового порядка». Это можно бы назвать преходящей незрелостью, но, по моим на-

блюдениям, западные собеседники, например, в штаб-квартире Совета Европы в Страсбурге или в госдепе в Вашингтоне уже приноровились и за должное принимают, что люди из российского правительства, как на грех, придерживаются в общении с ними той обходительной манеры, с какой Манилов таял и млеял перед Чичиковым. «А не противоречит ли сия негоция дальнейшим видам России?» И помните, как клялся и божился в ответ честнейший Чичиков?

Насчет «негоции» вспомнилось к месту. Во имя «общечеловеческих ценностей» мы уступили западным компаниям свое лидирующее место и на мировом рынке высокотехнологичных вооружений и, поздно опамятавшись, теперь встали в хвост в очереди. Россия растеряла больше чистого дохода, приняв ложнопацифистскую «схиму», чем взяла займов под проценты у Запада. Вряд ли наши реформаторы затронут эту щекотливую тему в нынешних выборных дебатах.

Старательский лоток и долото – разве это те инструменты, с которыми нация Ломоносова и Королева идет в XXI век?

Наши отцы и деды мыли золото на Колыме, валили лес и рубили обушком антрацит. Этим сырьем страна расплачивалась с Западом за машины и ноу-хау для индустриализации. Сырьевая направленность экспорта не дала нам слишком разбогатеть и все последующие десятилетия. И все-таки к 70-м годам вторая сверхдержава мира накопила крупный интеллектуальный и технологический капитал. Увы, он был своего рода кашеевым кладом за тремя замками – автаркии, гипертрофированной секретности и запрета на предпринимательство. Автору этих строк тоже довелось работать над закрытыми научными темами, связанными с технологиями мирового уровня. Когда грянули наконец реформы и страна открылась миру, у многих из нас зародилась надежда, что она сумеет прибыльно распорядиться своим технологическим сокровищем. Увы, конверсия обернулась своего рода походом обороны на «овощную базу» в лучших традициях директивного производства.

Недолго создать совершенную машину для очистки картофеля, но куда отнести привычные для ВПК 700% накладных расходов?

Люди в оборонке умели все, но меньше всего считать и оборачивать деньги. Государственная концепция конверсии ни при Рыжкове, ни при Гайдаре так и не была создана. А радикальный переход к «рыночному» свободному ценообразованию – и это в условиях-то почти стопроцентного монополизма в промышленности – создал невыносимые условия даже для предприятий, производивших товары, имеющие спрос на рынке. Что же тогда говорить о предприятиях ВПК? Бюджетное финансирование урезали на две трети, лишили оборотных средств и кредитов. Произошло невероятное; владелец лучших производственных фондов страны – государство – с легкой душой выбросил ВПК как балласт за борт, но «шар» все равно не взлетел.

Мы в подмосковном регионе сполна ощутили, какое экономическое бедствие и социальное напряжение создает монетаристский пресс. Нельзя было сидеть сложа руки, когда банкротство грозило самым высокотехнологичным и потенциально высокодоходным фирмам научно-технического комплекса, в котором занято полтора миллиона жителей области. А им, как воздух, требовалась свобода рук для привлечения инвестиций и кредитов из вновь складывающегося в стране рынка капиталов. Последнее возможно лишь на путях приватизации. Московской областной администрации удалось обосновать концепцию, на основе которой распоряжением президента области было разрешено, в порядке эксперимента, начать приватизацию предприятий ВПК. Сегодня мы идем дальше: создаются финансово-промышленные группы.

Все заметней крен правительства в сторону поддержки сырьевых отраслей, которые дают львиную часть экспортной выручки. Эта тенденция, в отсутствие зрелой индустриально-технологической политики, не только не приведет нас в заветное постиндустриальное общество, а, напротив, опрокинет в позавчерашний день. Ведь уже однажды, в начале века, так и не разрешенный правительством конфликт между «сырьевиками» и «промышленниками» не дал российской предпринимательской элите создать основы стабильной власти в стране. Это и стало одной из предпосылок большевистского прорыва.

Когда правительство разрывается между монетаризмом и популизмом, ему не позавидуешь. Весь год правительство наше

словно в аду кипит: по уши завязло в политике. Сначала геркулесова, на много раундов, схватка с парламентом, отбившимся от рук. Потом семинарские занятия в Конституционном совещании. Наконец, сколачивание предвыборных блоков и напористая, отнимающая уйму времени борьба за места в будущей Думе.

Печально, что профессионалов в правительстве вынудили расточать понапрасну свои силы в момент острейшего экономического кризиса. Они невольны. Поэтому, с одной стороны, повторяются заклинания о верности жесткой финансовой политике и решимости унять инфляцию, с другой – уже заново начались предвыборные популистские раздачи необеспеченных денег военным, шахтерам, пенсионерам, другим страждущим. Чередуя раздачи и реквизиции, правительство идет зигзагами к цели, которая сформулирована так, чтобы у клерков в Международном валютном фонде отлегло от сердца. Низкая инфляция, бюджет с приемлемым, по стандартам МВФ, дефицитом, прекращение субсидий и дрейф в сторону мировых цен... Незамысловатая монетаристская схема – и это все, в плане стратегических целей развития, на что мы притязаем? Просматривается и перспектива: максимальная, «обвальная» приватизация как самоцель, а не инструмент повышения эффективности, бойкий рынок недвижимости, ценных бумаг и земельной собственности, и это, представьте, при обещанной стодолларовой (на уровне Гаити) средней зарплате. С должников – векселя, в залоги – собственность акционеров промышленности и хозяйства аграриев, безработных – на грошовые пособия...

Если поразмыслить над этой схемой, то грядет тяжкий для самосознания общества передел достояния страны, но никак не прорисовывается цель – ради чего? Где тут благая путеводная цель, к которой должна стремиться нация, чтобы сделаться сплоченной, вдохновленной? Что проку в том, что у нас народится хоть заваливающий, архаичного и диковатого вида, но собственный российский капитализм? Если качество жизни будет никудышным? Даром что инвесторы из «развитого» капитализма дичатся нас, как зачумленных? Полагаю, новой Думе и новому составу правительства, если на выборах одержат верх прагматичные силы, наконец-то удастся сформулировать стратегические цели нации и реалистические пути их достижения. Как ни коробит это

наших новоявленных дарвинистов – надо осмыслить, обосновать социальный идеал общества. Лишь при этих предварительных условиях переход к предпринимательской экономике оправдан нравственно и послужит воссозданию разрушенной социальной общности соотечественников.

Центристы наши держались на отшибе, но теперь они обязаны действительно выйти из тени. Неправда, что у нас в советское время не было среднего класса, что его, дескать, надо срочно рекрутировать, что бедолага, продающий в ларьке самопальную водку, принадлежит к среднему классу. Потому якобы, что у него есть эта конура. На самом деле он тот же обездоленный.

У нас в России к среднему классу я отнес бы всех высококвалифицированных людей наемного труда. Из этой среды вышла обладеживающая поросль молодых предпринимателей, обладающих не только интеллектом и кругозором, но и не чуждых державным интересам. Наш обнищавший средний класс не стал опорой властьпредержащих. Но именно он по-прежнему держит на своих плечах экономику. Объективно, его интересы тяготеют к центристской политической ориентации, то есть к эволюционному и прагматическому реформированию. Увы, нашей особенностью явилось то, что политические течения сгрудились по радикальным («революционному» и «контрреволюционному») флангам. Политический «центр» так и не стал самостоятельным источником власти и влияния.

«Гражданский союз» (в основном из-за честолюбивых амбиций своих лидеров) не сумел сыграть конструктивной и примирительной роли в ожесточенном, запредельном конфликте Кремля и Белого дома. Теперь, после трагических и отрезвляющих событий октября, наступил новый этап в развитии российского центризма. Наряду с коалицией «Гражданский союз во имя стабильности, справедливости и прогресса» народились и вступили в выборную борьбу новые политические группировки, исповедующие основополагающие консервативные, сиречь центристские ценности. Я имею в виду Партию российского единства и согласия, объединение «Предприниматели за но-

вую Россию», обновляющуюся Демократическую партию, в какой-то мере Аграрную партию и блок Явлинский – Болдырев – Лукин. Эта подвижка политической массы к умеренности и конструктивизму показательна. Вызревает новое качество российской политики – мощный, определяющий ее «центр» с традиционными крыльями – либеральной и социальной направленности.

К «новым» центристам тяготеют и лидеры регионов, которые устали от рывков и метаний. Уже сегодня наиболее организованная часть промышленной и предпринимательской элиты поддержит любое правительство, которое на деле начнет реализацию политики, основные принципы которой можно свести к следующему:

- незамедлительное определение стратегических целей развития России;
- приоритет национального производства и капитала;
- зрелая внешнеполитическая доктрина развития России, обеспечивающая продвижение продукции высоких технологий (ВПК) на зарубежные рынки, преимущественно новых индустриальных стран третьего мира;
- условия для слияния финансового (частного) и промышленного капитала, курс на создание финансово-промышленных групп, особо поощряемых в отраслях, обеспечивающих выживание и развитие экономики России;
- наконец, внесение корректив в приватизацию наукоемких и обладающих первоклассными фондами крупных НПО в составе ВПК и смежных отраслей.

В самом деле, было бы опрометчиво пустить ВПК, задыхающийся без инвестиций, на конверсию, в решето приватизации за ваучеры, за которыми нет ни «живых» денег, ни реальных материальных ресурсов.

Государству важно удерживать, контроль над этой ключевой для национальной безопасности (и не только военной) частью научно-промышленного потенциала. На ближайшие три года, по специально оговоренному перечню, предприятия в составе финансово-промышленных групп должны быть переданы в доверительное управление менеджеров-финансистов и професси-

оналов ВПК, которые создали и хорошо знают эту промышленность.

«Обольщенная и покинутая». В умах многих людей возник именно такой образ России, порвавшей с коммунистическим прошлым. Будто Запад завлек ее на дорогу рыночных реформ, многое сулил и бросил на произвол судьбы. Когда дела у нас пошли вразнос, кое-что в этой сакраментальной трактовке и в самом деле выглядит правдоподобно. Взять хотя бы обещанный (но так и «заятый» Западом) многомиллиардный стабилизационный фонд поддержки рубля. Многие посулы Запада оказались невыполненными. Но нам, думаю, надо забыть о том, чего и не могло быть. И не думать, что весь свет в окошке – Запад. У него своих забот полон рот. Пора жить своим умом и перестать морочить себе голову байками о «цивилизованном поведении» новичка мирового сообщества. Для кого-то, быть может, независимой России всего три года от роду, но для большинства людей, у которых не отшибло историческую память, независимая Россия ведет свой след еще от Куликова поля. Так неужели нам не по силам без списывания из чужих святцев провидеть и внятно сформулировать долгосрочные цели, приоритеты России и пути, к ним ведущие?

«ГОЛЛИСТСКИЙ» СЦЕНАРИЙ ДЛЯ РОССИИ

«Независимая газета», февраль 1994 г.

*Он подходит для реставрации
старого, но не для построения нового*

Россия «выпала» из мирового разделения труда. Ее торговые, платежные, валютные союзы (СЭВ) перестали существовать. СНГ – как экономическое сообщество – по-прежнему в стадии распада.

Открытость российской экономики обернулась еще большей изоляцией от мировых рынков капиталов, товаров и технологий. Доля России в мировой торговле упала до незначительной величины. Отношение с дружественным Западом впору характеризовать как экономическую блокаду. Рынки закрыты, кредиты в основном выдавались на то, чтобы бедные русские столовались в долг у богатого западного фермера. К востоку от Буга создалось экономическое гетто, где даже курсы местных валют, якобы в свободной котировке, подчинены аборигенной, не мировой конъюнктуре.

Запад вправе умыть руки. Ответственность лежит на самих российских реформаторах. Рыночные реформы несовместимы с разрушением основ государственности. Вместо прорыва на Запад экономика оказалась отброшена в новую автаркическую Скифию. Россию «ушли» с мировых рынков и это уменьшает ее шанс участвовать даже на рядовых ролях в замкнутых

экономических группировках постиндустриального мира (Маастрихт, «Тихоокеанское сообщество»). Россию даже не пригласили на «встречу наций» в Сиэтл. Так поступают с «отчисленным» игроком любой лиги. А ведь там, в Сиэтле, главы государств уже на прагматическом, деловом уровне подступались к давней идее Герцена о Тихом океане как «будущем Средиземном море человечества». Изоляция лишает Россию перспектив экономического роста. Внутренних накоплений для модернизации в России нет, ее завидные по любым меркам ресурсы без стартового капитала остаются невостребованными. Прогрессирующее «выпадение» из мирового разделения труда – это и есть провальный и непредвиденный реформаторами итог безоглядной ломки прежней системы.

Перемена экономического и геополитического положения России в мире намного важнее шумной политической потасовки в верхах, на которую отвлечено внимание общества. Именно эта замалчиваемая катастрофа лежит в подоплеке политической и духовной неврастении общества. Если Россия вновь и надолго окажется отлученной от процветающих мировых рынков Москвией, это лишит будущего и новый предпринимательский класс России. Поэтому его кровный интерес состоит в том, чтобы поставить у кормила такую власть, которая заново сомкнет государственную политику и национальные интересы России. Это требует перемены парадигмы власти и коррекции курса реформ.

Лелеемая с горбачевской поры цель «воссоединения с цивилизованным сообществом» (Запад) все-таки достижима, но только, и в этом нет никакого парадокса, через обособление национальных интересов России, отстаиваемых, как и заведено в этом сообществе, умной работой локтями на конкурентных рынках: И экономических, и политических. Ведь там обращаются товары, капиталы и технологии, а не слова, риторика и декларации «нового мышления». И даже если за Россией закрепят именно приставное кресло на «саммитах» семерки, это ни на йоту не изменит, сегодня и на перспективу, положения ее промышленности и предпринимательства в мировом разделении труда. Близкий к нулевому экономический итог для

России визита Билла Клинтона развеял последние иллюзии, если у кого-то они еще теплились. Вашингтонский гость подбодрил реформаторов, а что до всего остального, то от чистого сердца пожелал, в переводе с дипломатического на житейский: «Бог в помощь!..»

Нам как нации никогда не привыкнуть к своей усугубляющейся неприкаянности. Россия вот уже три века как глубоко вовлечена в мировые дела и торговые обмены. И то неладное, что приключилось с державой, глубоко убежден, преходяще. Но никакой перемены судьбы России, «возвращения к корням», как высказался наш президент, не наступит, пока сохраняется политическая нестабильность, зыбкость властных основ, ставшая нашим «штатным» состоянием.

Россия в январе 1994 года представляет собой страну с «незавершенным» государственным переворотом. Подтвердился мой сентябрьский прогноз о недостижимости цели одним рывком перемахнуть от безвластия к действенному авторитаризму. Не такой ли мы получили авторитаризм, который, порушив здание конституционной законности, из обломков строит свой декоративный фасад? Ведь, признаем себе, что и парламентские выборы, и новая Конституция, и правомочность судей, и акты приватизации земли – все носит квазилегитимный и двусмысленный характер. «Просто надо жить дальше». Вот единственное, чем осталось руководствоваться нации и властям после всего тяжкого и непоправимого, что произошло с нами после 21 сентября. Такое сосуществование и гражданское перемирие могут сохраняться ровно столько, сколько продлится нынешний политический пат, в котором, подобно чертополоху, воспроизведено все то же противостояние радикальных флангов. Если воспользоваться сравнением из игры в преферанс, то можно сказать, что радикалы в ситуации, когда стороны сойтись стенка на стенку, подбили президента сыграть рискованный «мизер» (указ №1400) в надежде на политический «прикуп», но цели своей не добились. В прикупе-то оказались две карты «чужой масти» (ЛДПР и КПРФ). А центристам, пытавшимся добиться мировой, намяли бока в чужой драке. Ничего доброго не сулящая стране бескомпромиссность радикалов обоего

толка, заворожившая избирателей, оставила трезвомыслящих центристов при пиковом интересе на выборах. Ветер, верней, политическая ветреность вернулась на «круги своя».

Весь 1993 год был расточительно потрачен радикалами из президентского окружения на то, чтобы отбиться от якобы невыносимых притязаний другой ветви власти на свою долю ответственности за судьбу реформы и самой страны. На самом деле в подоплеке политического неистовства радикалов – тупиковость и непомерные драконовские издержки «шоковой» реформы экономики. Вся наглядная динамика разрушения народного хозяйства, недоумение и скепсис неангажированных западных экспертов-экономистов, казалось бы, подсказывали необходимость разорвать контракт с некомпетентными замороженными «шокотерапевтами». Вместо этого находчивые люди «наверху» ударились в поиск ведьм-виновниц несчастий экономики. И они, конечно, были найдены в обличье «всевластия Советов», «консервативного Верховного Совета», да еще этакого «троцкистского окружения» из числа профессионалов управления, засевавших на всех этажах нового госаппарата. Это печальный пример самоотравления власти мифами, которые она сама же распространяет через телевидение. Многие правительства прибегают к дозированному успокоительному обману населения, проводя жесткие и непопулярные экономические реформы. Но совсем плохи дела той власти, которая использует популистские мифы и наговоры при поиске и отборе альтернатив реальной политике.

С третьей попытки, когда противоборствующие стороны переступили грань насилия, государственный переворот миновал точку возврата. Казалось бы, авторитарный режим народился, и теперь ничто не мешает власти весь свой ресурс бросить на выправление дел в падающей экономике. Но, освободив руки, власть не торопится браться за гуж, потому что в самом ее «алгоритме» от августа 1991 года заложен диктат политики над экономикой. Уверен, у нас главным образом происходит не рыночная, а идеологическая реформация страны, при которой стоимостные начала (эффективность, рентабельность, доходы, накопления, платежный баланс и т.д.) имеют такое же

малое значение, которое они имели для революционеров всех времен.

Главное, «судьбоносное» значение имеют для радикальных реформаторов цели идеологические, доктринерские, конфронтационные. И они все выплыли наружу и уже не прикрываются. Если Ленин и Бухарин в 1918 году пустили на слом товарное производство в России во имя сверхидеи уничтожения «старой мерзости» – частной собственности и ее дочери прибавочной стоимости, то Гайдар и компания преследуют ту же «сверхидею», только с обратным знаком: «в исторически сжатые сроки» вернуть прибавочную стоимость и основные фонды страны в руки нового, «рекрутированного» из разного подвернувшегося под руку люда предпринимательского сословия. Если взглянуть на итоги двух лет радикальной реформы по Гайдару, этого несомненно способного популяризатора монетаристской теории, которого, обознавшись, приняли за нового Сперанского, то действительные цели его реформы в главном достигнуты. Осуществлено насильственное имущественное расслоение общества. Побиты мировые рекорды темпов приватизации собственности, но ни слуху, ни духу об эффективности, притоке капиталов в промышленность, ее структурной перестройке. Сняты препоны для дешевой скупки крупных массивов земельной собственности и наиболее лакомой части основных фондов. Сознательно снято ценовое регулирование в условиях тотально монополизированной структуры хозяйства. Грубое социальное конструирование «по живому» названо отворением «рыночной среды». Это всего лишь слова для легковых. На самом деле вершится перераспределительная реформа. «Либеральные внуки» большевиков и впрямь следуют семейной традиции – отнимать и делить. Эта «реформа» проедает капитал нации, а не увеличивает его. Провоцирует технологическую деградацию промышленности, а не ее структурную модернизацию. Она потворствует губительной тенденции, при которой резкое падение производительности труда сопровождается таким же резким, но уже в десятки раз, неравенством в доходах.

Ни в одной стране, миновавшей стадию индустриализации, ничего подобного не затевалось правительствами. «Умышленный»

экономический спад такого масштаба и качества является на-другательством над нацией и ее здравым смыслом. На выходе из спада, дай-то Бог, где-то на рубеже 1995–1996 годов, мы окажемся не у вожделенного порога постиндустриального общества, но, в замешательстве, не веря глазам своим, увидим проступающие уродливые черты экономики колониального типа. Высокотехнологический сектор и питающая его наука окажутся утрачены.

Мы рискуем уже через три года получить такой расклад национального богатства, когда его будет находиться во владении пяти процентов населения. Разумеется, подобный режим, даже выбравшийся из стагнации в стадию вялого экономического роста, может быть только олигархическим, авторитарным и зависимым. В России с ее традициями, подкрепленными 70-летним социалистическим образом жизни, такого пошиба «раннекапиталистический» и навязанный режим, какой бы фразеологией он ни прикрывался, – не жилец. Запрет «социальной розни» в новой Конституции никакая не преграда для классовых столкновений и национализации. И расклад сил в новом парламенте говорит, что глубокий социальный раскол в обществе нарастает.

Сегодняшний рывок к авторитарной «президентской республике», имевшей какой-то шанс сразу после обвала системы в августе 1991 года, смахивает на попытку вскочить в давно ушедший поезд. А потому мы и получили еще одну разновидность неистребимой советской «незавершенки» – государственный переворот, из горячей фазы перешедший вскоре в холодную.

На мой взгляд, «голлистские» перевороты действительны только в тех исторических обстоятельствах, когда преследуют цели реставрации. Брало ли это в расчет радикальное крыло президентского окружения, без оглядки на новые реальности после выборов принявшееся воплощать «голлистский сценарий» устройства власти в России? И так, всевластный «харизматический» президент, держащий в руках все бразды правления, гарант порядка, неприкосновенности собственности и единства республики. «Совещательный сенат» и несговорчивая, заполненная «маргиналами» Дума, которую не грех время от времени распустить. Недурной сценарий на трудные времена, когда социальная

демагогия как обезболивающее от экономического шока уже не действует. Но насколько он реалистичен?

Напомним, что де Голль вдохнул новую жизнь во французский имперский капитализм, который был подточен социалистическими искушениями масс и парламентскими усобицами партий. За риторикой о «величии Франции» стояла в первую голову забота о конкурентоспособности национальной экономики. Пиночет реставрировал и модернизировал жесткий режим свободного предпринимательства в Чили после социалистических экспериментов Альенде, добивавшегося социальной справедливости ценой разрухи. Напомним, что и большевики после кронштадтского мятежа использовали свою уцелевшую «диктатуру пролетариата» для реставрации товарного уклада (НЭП) и преуспели куда больше, чем с химерой «прямого продуктообмена».

Что, спрашивается, намеревается реставрировать псевдоголландский режим в России 1994 года? Задача-то прямо противоположная; создание нового экономического и социального уклада. И, что особенно важно, в отличие от Франции конца 50-х, у нас в России не политический кризис, а кризис государственности.

Выход России из разрухи и паралича власти требует решений, основанных на совсем другой мере и глубине государственного мышления, чем перелицованный демороссами западный камзол. Если посадить на одну лавку находящихся в фаворе у власти советчиков и аналитиков, которые и завели государственный корабль в непроглядную мглу, вряд ли они сподобятся на откровение: что делать-то? Нет в заводе крупных путеводных государственных идей. Иной раз думаешь, что наш истеблишмент «разночинцев» потерял где-то ключ к ларцу с унаследованной государственной идеей. Леонид Мартынов в малоизвестном стихотворении 70-х годов «Великодержавность», словно в предчувствии нашего сегодняшнего, великороссов, затмения, так поведал о том, что лежало у него на душе о драме власти и ответственности. «А сегодня бы думать хотелось; страсть не идти напролом, убеждений великая зрелость и великая их достославность – вот троны, на которых восседаешь ты. Великодержавность!»

Лишь те, кто «впишется» в эту философскую метафору, благословлены осмыслить и сформулировать российский Новый курс. В основе этой альтернативы должны лежать гражданское согласие не «верхов», а «низов», творческая, а не навязанная национальная цель и торжество права над произволом. А нас хотят осчастливить очередной хитрой придумкой бурбулизианства – простой механической калькой с голлистского Объединения в защиту республики образца 1958 года – президентской партией. И когда господин Костиков пылко говорит о когорте поборников «чистой России», мне как на грех вспоминаются щедринские сарказмы о верноподданнической породе «очищенных». Эта «смесь французского с нижегородским» (к гражданам Минину, Пожарскому и Немцову сказанное не имеет касательства) на поверку окажется партией благонамеренного чиновничества – пародийным гибридом номенклатуры КПСС и «Ротари-клуба».

На мой взгляд, простое удержание власти и проталкивание калечущей общество реформы экономики – слишком нищая цель для такого «величественного» замысла, как российский голлизм. То, что кремлевская канцелярия президента взяла под свой прямой, минуя правительство, контроль силовые и другие важнейшие структуры, – всего лишь аппаратная затея, основанная на ошибочном посыле, что прямое управление – это и есть прорыв к политической и экономической стабилизации. У пенсионера Дэн Сяопина реальной власти в Китае куда больше, чем, если бы на его столе стояла дюжина «прямых» телефонов. Потому что он является дирижером никогда не прекращающегося согласительного процесса во властвующей элите. И благодаря этому с 1978 года народ и власти Поднебесной пребывают в согласии по поводу своих долгосрочных национальных целей.

Для меня как политика стратегический путь остается прежним – либеральное общество, но как ценностная ориентация, а не то, что житейски называется – вынь да положь! А у нас правоверным реформатором сльвет лишь малый, который ни перед чем не остановится. Тот же, для кого утрата 40% валового продукта – неприемлемая цена – «оппортунист», «антиреформатор». Или того хуже – «производственник».

И льющийся с газетных страниц реквием по первым (на пробу) отставленным «шокотерапевтам» наводит на мысль, что это умопомрачение еще не миновало.

Наглядно же мы видим, что персональные замены в правительстве не повлекли перемену курса. Кабинет лихорадочно занимается текущим хозяйственным управлением, отдавая себе отчет, что экономика в отчаянном положении.

...Полагаю, что президент, полнее других изведавший изначальную российскую коллизию между всевластием и безвластием, вряд ли уповаает на то, что в сегодняшней России можно править только декретами и силой. С другой стороны, по новой Конституции, только президент страны обладает прерогативой одной лишь своей политической волей повернуть национальную политику от крайностей радикализма к уравновешенному реформаторскому центризму и закончить бесплодную «титаническую» схватку властей внутри Садового кольца. Он может опереться при этом на российскую провинцию, которая заждалась стабильности. Региональные элиты теперь получили полномочное представительство в высшем эшелоне российской власти через Совет Федерации. Последний должен стать не в архаичном духе «боярской думой», а по-современному «палатой земель», которая в состоянии вести согласительный процесс в России. Вот тогда-то у нас, россияне наконец появится шанс приступить к неотложной повестке дня:

- обуздание инфляции путем картельных, отраслевых и региональных соглашений о самоограничении цен и доходов;
- поддержка внутреннего производства и подготовка предпосылок возобновления экономического роста;
- во внешней политике – поворот к последовательному отстаиванию «эгоистических» национальных интересов России.

И, наконец, взять на себя инициативу выработки долгосрочных национальных целей. Без государственной идеи Россия все равно, что православный дом без иконы. Решиться явить такую зрелую политическую волю, при ожесточенности старых политических счетов и новых свар, от революционного нетерпения и дележа всего и вся перейти к терпеливому труду создания новой

государственности – дело непростое. И именно от этого ответственного, хотя, на мой взгляд, и запоздавшего политического выбора, будет зависеть вся будущность России, ее место в мировом разделении труда в следующем веке, о чем беспокоятся и хлопочут сегодня нации побогаче нашей.

Быть может, такая метаморфоза в российской политике плохо согласуется с нынешними политическими нравами. Но вовсе никчемен и несбыточен – «голлистский сценарий», для которого нет в наличии ни почвы, ни обстоятельств.

КТО ЗА СТАРШЕГО В ДОМЕ СОВЕТСКОЙ ВДОВЫ?

«Независимая газета», сентябрь 1994 г.

Полемические заметки
о российском предпринимательстве

«Если и беднеть нельзя, и богатеть нельзя, что же тогда можно?» (Ле Цзы, V в. до н.э.). Вот исчерпывающая метафора нашего экономического уклада до 1987 года. Уравнительная социальная политика и жесткое администрирование. Знаменитый балансовый метод. И Госплан как макушка пирамиды «единой фабрики». Предпринимательство подавлялось. Формула экономического роста была простой: капвложения плюс живой труд. Между тем Америка, «проедая» три четверти национального дохода, ушла в отрыв. Почему? Один американский экономист признал: мы находились в неведении о подспудных факторах роста. Когда «пересчитали» развитие экономики США между 45-м и 70-ми годами по классической формуле «капвложения плюс живой труд», выявился гигантский остаток, будто неизвестно откуда взявшийся. Величина этого остатка – прямо пропорциональна нашему неведению относительно подлинных источников экономического роста», – резюмировал аналитик.

Конечно, американцы не стали смущать наши марксистские души этим открытием. Потом это назовут «фактором НТР», «постиндустриальным обществом» и т. д.

Вот почему Горбачев повернул от плана к рынку. От плановой дисциплины – к предпринимательству. Он хотел встроиться в мировую экономическую парадигму. Его обнадеживал Китай с его политикой «открытых дверей». Народу было заявлено, что впредь и богатеть, и беднеть можно. Каждому воздастся по труду. И общество восприняло идею социального неравенства как благую и плодоносящую. Удивительно то, что общество показало свою зрелость. Ведущим становился не чиновник, а предприниматель. На этот раз Зося (публика) не предпочла Остапу очкастого энтузиаста-вхутемасовца. Юрский в фильме «Золотой теленок» предвосхитил смену настроений в советском обществе. Потом пошел «форсаж» гайдаровской шокотерапии и чубайсовской приватизации. Сословие предпринимателей рекрутировано с той же резвостью, как хрущевская «кукуруза». Оно достигло молочно-восковой спелости, но не стало «зерном».

Единственный необратимый итог этой «революции сверху» таков: вся ответственность за выживание экономики с плеч государства – единственного совокупного собственника – пала на плечи новых предпринимателей, которые не связаны корпоративной ответственностью. Между тем передача капитала завершается. Не грех призадуматься, что мы получили в итоге.

Мы, граждане, и впрямь не знаем сегодня, кто на самом деле несет ответственность за выживание экономики. Коммерческие банки? Правительство? Бесчисленные «МММ», которые лопаются от денег, но не инвестируют в промышленность, не имеют стратегии и никому не подотчетны... У нас нет Конфиндустрии, нет Дойчебанка, нет генерального соглашения исполнительной власти с предпринимателями и профсоюзами. И это опасно. Такой курс не без оснований определен как анархо-либерализм.

Правительства и Гайдара, и Черномырдина последовательно привержены идее высокой нормы прибыли. Когда эффективность падает, товарные потоки скудеют, а основные фонды превращены в «жмых», из которого выдавливается последнее, правительство не должно потакать алчности монополистов и новых собственников. Высокая норма прибыли в падающей экономике – ненормальность. Ее источники – монополизм и перемещение капитала из производства в сферу обращения. Но ведь

в разросшейся перераспределительной сфере не создается материальное богатство. Посредническому, ростовщическому и торговому капиталу не поздоровится после того, как коллапсируют базовые отрасли и окончательно падет эффективность сырьевого экспорта.

Инвестор не обязан быть святым. Он считает только свою выгоду. Это правительство, как возница, должно работать удилами и поводьями, чтобы инвестор не баловал, а вкладывал средства туда, где интерес общества – в производство. Ведь утрата ½ валового продукта страны – непревзойденное головотяпство – следствие праздного попустительства власти экономическому саморазрушению.

Кто наш предприниматель? Он как новый гривенник, весь блестит и сияет. В глазах людей наемного труда это – некий гибрид купца Рогожина и драйзеровского Фрэнка Каупервуда. Его главное качество, увы, в слабости социального инстинкта. Немногие из этих людей сочтут, что они потерпели личное крушение, если экономика и в самом деле рухнет. И это – вина политиков. Они создали такие противоестественные правила игры, когда рост капиталов – вознаграждение за лидерство в конкурентной борьбе не на рынках товаров, а в присутственных местах за покровительство политиков или аппаратных лихоимцев. Бегство российских капиталов за границу и глухая инвестиционная блокада со стороны серьезного бизнеса Запада – верное свидетельство квазирыночного характера нашего уклада. У нас не действует «аутентичный» рыночный свод правил игры, не в ходу предпринимательская этика, которые делают совместимыми Сингапур и Сиэтл, Токио и Бомбей. Мы очутились в изоляции из-за того, что благое намерение радикального реформирования экономического уклада умудрились совместить во времени с «демонстрацией» государственности.

Оказалось, что головокружительная смена государственного строя не сблизила нас с мировым хозяйством, но, напротив, она отторгла нас от международного рынка.

Российское предпринимательство, исключая промышленников, напоминает ребенка, закормленного пирожными. От такого попечительства только золотуха. Много ли видели наяву, а не

в «ню-васюковских» бизнес-планах и «протоколах намерений», новые, с иголки, заводы, построенные на деньги частных инвесторов? Или пятизвездочные отели? Россия все теперь ввозит, как какой-нибудь Габон, вплоть до сапожного крема. Это верный признак, что у нас в экономике, радениями реформаторов, все не как «у людей» (Китай, Турция, Малайзия). Чубайсовская приватизация подрывает стимулы к долгосрочным капвложениям и структурной перестройке. Зачем строить автозавод и горбатиться, если его можно купить по дешевке за мешок ваучеров? Выходит, вторичный рынок капиталов расцвел у нас раньше, чем нарастил себя первичный рынок – шиворот-навыворот. Это верный путь к продлению депрессии экономики.

Предприниматель – это тот, кто дает людям зарабатывать наемным трудом деньги для того, чтобы они покупали на них товары, которые он производит на рынок. Уровень занятости и доходов для зрелого предпринимательства, в корпоративном плане, так же критически важен, как желанны прибыли.

Давайте задумаемся: что произойдет, когда состоится, лицом к лицу, randevу нового собственника с откупной от Чубайса с коллективом наемных работников, который остался при своем советском менталитете? А ведь половина наших предприятий «перезрели» для локаутов и массовых увольнений. И новые собственники, в большинстве, пойдут на это не колеблясь. У них нет резервного капитала для того, чтобы совместить санаию с социальным попечительством. А задумка во многих случаях проще: не производить больше и жить с оборота капитала, а «сбыть с рук откупную и – на воды!» (М.Е. Салтыков-Щедрин).

И в скудном бюджете России на содержание армии обездоленных нет «заначек». Опять тоже безрассудное «наложение» во времени двух потрясений: тотальной «революционной» смены собственника общенародных основных фондов и массовой безработицы. Это медвежья услуга власти предпринимательскому сословию.

Деиндустриализация идет полным ходом, и наши предприниматели с этим как бы смирились. Угроза утраты и распыления всего высокотехнологичного эшелона промышленности (ВПК) не заставляет трепетать и новообращенных «монетаристов»

в правительстве. Лишь Союз товаропроизводителей не перестает бить в колокола, но творцы «умеренно-жесткого» (читай – безоглядного) антиинфляционного курса невозмутимы. Мол, это усердие звонаря, который старается невпопад. Но если наукоемкая промышленность будет окончательно сброшена реформаторами с «корабля современности», можно наперед сказать, что прибыль от товаров наших предпринимателей на мировом рынке после 2000 года окажется сиротской. «Опрошенная» (газ, нефть, древесина и другие «колониальные товары») экономика оставит их на бобах.

Политика и экономика у нас как неразлучные кумовья. Предприниматель с депутатским значком на лацкане и сановник с чеком на предъявителя под подкладкой пиджака – такова мистерия посткоммунистической России. Теперь идет суэта с созданием «пропредпринимательской» и, разумеется, истинно реформаторской партии («Выбор России»), находящейся, как ни странно, в «оппозиции» к нынешнему кабинету, который в существе, и не изменил курс со времен гайдаровского управления. Эта бесподобная партия, забирающая много правее Билла Клинтона, и впрямь окажется гибридом номенклатуры ЦК КПСС и «Ротари клуба».

Почему же предприниматели готовы протирать штаны в Думе? Потому, что они хотят защитить свой бизнес. Действующее законодательство столь же надежно укрывает их от вероломства и алчного промысла чиновничества, как маскировочная сетка – пехоту от дождя. Это положение, когда предприниматель вынужден сновать между конторкой в офисе и думской трибуной, ненормально. Но здесь-то Запад, оказывается, нам не указ. Из-за «политизации» бизнеса контроль над святыней святынь – финансами – все более сосредоточивается в первопрестольной. 80% банковского оборота – через Москву. Да еще «московские» (думские) политические партии потворствуют стремлению метрополии тянуть бюджетное одеяло на себя. «Образцовый капиталистический город» становится бельмом на глазу российской провинции.

Думаю, предпринимательство в губерниях, на окраинах России и региональные власти острее чувствуют пагубность экономического курса правительства. Тактика последнего в отношениях с регионами незамысловата: им показывают издали

пряник или выписывают необеспеченные чеки. У нас в Совете Федерации есть, худо-бедно, влиятельное меньшинство, отстаивающее интересы крупной промышленности, ВПК как основы финансовой и социальной стабильности большинства регионов. Кто-то скажет, что мы благоволим «красным директорам» и «милитаристам». А «несгибаемые» либералы-реформаторы-де горой за «новых предпринимателей». Эта нелепость муссируется СМИ. Деление субъектов рынка на «красных» и «белых» – такая же глупость, как и «буржуазные железные дороги» ура-большевиков. Мы стоим за унию частного финансового капитала и промышленного истеблишмента, людей, знающих, как системно руководить крупными индустриальными и наукоемкими производствами. Восторги ТВ по поводу образцового цеха копчения колбас («конверсия») на простаивающем ракетостроительном заводе разделить может разве что дикарь.

«Когда множится количество законов, увеличивается и число воров и разбойников». Эту, казалось бы, парадоксальную неразлучность явлений подметил один проницательный китаец, кажется, времен Цинской династии. Карамзинское «воруют...», столь охотно цитируемое объяснение криминализации всей нашей теперешней жизни, в том числе и бизнеса, просто острое словцо, ничего не проясняющее. А стоило бы призадуматься над мудростью «китайского парадокса».

В самом деле, если власть идет по легкому пути, принимая новые и новые указы взамен недействующих, она выставляет напоказ свою слабость и незрелость. И множит, таким образом, число «воров и разбойников».

В этом ряду находится и покушение на «черезвычайку». Уж коли обычные, цивилизованные кодексы законов у нас «не в ходу», то ни городничий, ни околоточный – и суд, и следствие, – как кое-кому мыслится, не дадут уверенности и спокойствия ни инвестору, ни рядовому вкладчику.

Верить ли в будущее нашего предпринимательства? Слепой веры быть не должно. Скажем по-другому: у нас, как у нации, есть мозги, руки, воля и альтруизм – словом, слагаемые предпринимательского, свободного строя жизни. Когда государство не отвечает по обязательствам индивидуума, но и индивидуум, в руках

которого крупное состояние и ресурсы, не дает этому государству сгинуть. Он не помышляет о том, чтобы жить, как раджа среди нищих и потерянных. Это в России-то! Сегодня есть ростки цивилизованного бизнеса, путеводная идея которого – не сверхприбыль, а процветание и развитие России в новые времена.

Если Россия переживет нынешнее лихолетье, то куда наш путь дальше – в постиндустриальное общество? Ведь, помнится, таков был первоначальный порыв либеральных реформаторов. Главный товар и ресурс постиндустриального типа экономики – информация, наукоемкие технологии, ноу-хау. И страны, поспевающие хотя бы на подножку поезда в экономику XXI века, глядишь, не окажутся ее «чернорабочими». Даже в Бразилии и Чили, где в глубинке бедный люд все еще мелет зерна маиса на ручных мельницах, предприниматели проявляют жадный интерес к российским высоким технологиям, особенно аэрокосмическим. Мы же, в Федеральном Собрании, сподобились принять бюджет, отдающий на заклятие наукоемкую индустрию ВПК.

«Ну не нужны гаубицы!» – вразумляет «непонятливых» премьер. Что называется – «срезал». А ведь сотни миллиардов долларов, по мировым ценам, совокупной стоимости основных фондов ВПК и фундаментальной науки не в дедовы гаубицы вбуханы, а в лазерные, космические и прочие технологии «двойного назначения». Вот этот бесценный билет в экономику будущего бестрепетной рукой погашается бюджетным «компостером». Другой, филистерский довод за свертывание финансирования высоких технологий в ВПК незатейлив: никто не зарится на наше добро, с кем это мы собираемся воевать? Это живо напоминает поговорку про цыгана, который поторопился шубу с себя продать.

Предприниматель по своей ключевой роли в обществе – не «цыган» и не филистер. Российское предпринимательство, настало время, должно занять выверенную долгосрочную стратегию конкурентоспособности на внешних рынках. Япония и даже начинавшие с площадки риса Корея, Малайзия нашли и провели в жизнь такие стратегии. Неужто российский бизнес и впрямь увяжется за нашими обмишурившимися горе-«западниками», все еще помышляющими въехать в постиндустриальный рай на запятках «семерки»?

Соблазны «коротких денег» развеиваются, и перспектива «маргинализации» российской экономики беспокоит не только политиков, но и наиболее дальновидных предпринимателей и банкиров. Если говорить без обиняков, Россия на распутье: от индустриального типа экономики к постиндустриальному либо вариант «синицы» – к аграрно-сырьевому, привязанному к мировому хозяйству, как стригунок к тройке «вороних» – США, ЕС, Япония. Последняя, вероятно, с модернизированным Китаем в тандеме. И сейчас мы, россияне, как неприкаянные, с разоренной казной и угасающей экономикой, раскидываем: чем пожертвовать, что выплеснуть – «сливки» или «обрат»? Похоже, склоняются выплеснуть «сливки» – наукоемкую промышленность. В Думе и правительстве складывается лоббистский конгломерат, сделавший, вольно или невольно, выбор в пользу аграрно-сырьевой метаморфозы экономики.

Так легче сегодня стране прокормиться, спору нет. Но давайте видеть и все последствия этого выбора. Наше предпринимательство заведомо выбывает из конкурентной борьбы на емком и перспективном рынке высокотехнологичных товаров и услуг. С рынка вооружений нас уже благополучно выжили. Аграрно-сырьевая парадигма развития экономики исподволь размежует регионы по признаку зажиточности. Процветавшие некогда вотчины ВПК станут зонами прозябания и миграции. Следующий этап – «регионализация» и раздробление единой по конституционному устройству России – на уделы, где транснациональные корпорации поведут себя, как янки на чукотской фактории во времена царя-батюшки.

Ничем не лучше краткосрочные последствия сырьевого «сценария». Устаевающий, но некогда самодостаточный индустриальный и технологический потенциал бывшего СССР становится при таком раскладе своего рода «неликвидом». Денег хватит только на вложения в то, что даст сиюминутный прокорм и твердую валюту от экспорта. Между тем правительство, приободренное затишьем на социальном фронте, запускает слепой механизм банкротств. Он пройдет катком по всей обрабатывающей промышленности. Есть расчеты, что при жестком варианте «оздоровления» число безработных к зиме достигнет 15–16 миллионов человек. Лишь в сырьевых регионах не возникнет нужды в

подножном корме. В сети коммерческих банков, обслуживающих отрасли-погорельцы, пройдет череда банкротств. Платежеспособный спрос населения и субъектов рынка, бойкий только в столице, упадет до ничтожной величины – при мировых ценах почти на все. Депрессия войдет в крутую фазу. А в правительстве будто бы и не чувят грозы. Экономические и социальные потрясения, если все и дальше пойдет по накатанной дорожке, неминуемы. На этот раз они заденут не только бывший госсектор, но и перекинутся на частный, где коммерческий бум миновал. Чем дальше от московских канцелярий, тем больше у людей тревоги, что дела принимают скверный оборот. Очевидно, наступает момент, когда российское предпринимательство, как старший из новоявленных наследников Советской Вдовы, прежней огосударственной экономики, должно сказать веское слово, принять на себя большую долю ответственности за выживание народного хозяйства.

До сих пор экономический курс и его приоритеты самовластно творили, порой конкурируя, команды президента и премьера. У нас, в Совете Федерации, у большинства нарастают сомнения в том, что правительство реалистически представляет происходящее и возможные исходы кризиса. В кругах предпринимателей, Совете губернаторов, Совете товаропроизводителей и отраслевых профсоюзах сейчас вызревает понимание, что надо выработать новую повестку дня для экономики и общества, упреждая спонтанный ход событий, потерю управляемости экономикой. Курс реформ, который вверг народное хозяйство в депрессию и которым, с оглядкой, но продолжает следовать исполнительная власть, не имеет даже малого запаса прочности. Стало быть, надо, отбросив мелкие политические счёты и интриги, помочь исполнительной власти выдюжить, расширить базу принятия решений и круг институтов, ответственных за исход дел. Не новые программы нужны, их мы начитались вдоволь, а новый механизм выработки ответственной экономической политики в режиме реального времени. Тройственный круг ответственных – Центр – Территории – Национальный Бизнес.

ПЕРЕУЧЕТ В «КАФЕ ФАНКОНИ»

«Независимая газета», апрель 1994 г.

Заметки вице-губернатора на полях
отчетов Госкомстата

«Статистика... всегда идет далее тех границ, которые предписываются благоразумием». Порицание это высказывал благонамеренный персонаж Салтыкова-Щедрина. И оно пришло мне на ум, когда я читал статистический отчет о состоянии экономики СНГ в первом квартале года. Статистика наша стала вольной и зрячей, но суровость ее нам как бы не очень по нраву. Лукава теперь не цифра. Уклончивы сами толкователи из числа гайдаровцев. Президент обронил замечание о реальной угрозе экономического краха. И тут же последовали «разъяснения», что оценка «вырвана из контекста». Еще, дескать, не вечер... Зато есть «хорошие» цифры уровня инфляции. В России растет реальная зарплата. По сравнению с первым кварталом прошлого года чуть даже подрос товароборот.

Между тем на самом-то деле Госкомстат ничем не утешил, напротив. Вот только два факта: на треть упал за год выпуск грузовиков, на 82 процента – тракторов. Любой человек со здравым хозяйственным чутьем смекнет, куда дело валится. Паралич этих двух отраслей тянет за собой реальную деиндустриализацию. И не окажется ли приличная «инфляция» – предмет нескрываемой гордости кабинета – той самой писаной торбой. Трудно взять в толк, чего больше – лицемерия или недомыслия в уверениях, что происходит «сдвиг к экономике потребления». И впрямь, произ-

водство ширпотреба падает медленней, чем выпуск средств производства, которое вовсе сходит на нет. И что из того?

Попросту мы проедаем основной капитал. Основные фонды – выбывают, инвестиции мизерны и неподъемны при бешеной дороговизне кредита. Сначала мы «разденем» базовые отрасли, а потом и сами станем щеголять в обносках. Ни одна индустриальная держава в новой истории не пускала так, без оглядки, под гору нажитой капитал – инфраструктуру, технологии, в особенности – высокие, в которые вложены триллионы не рублей, но долларов. Нет, господа монетаристы, то, что происходит, это не перемещение акцентов в пику «монстрам» ВПК, которые, как складно вы объяснили публике, высасывали соки из гражданской промышленности с ее узким, по госплановским ранжирам, потребительским сектором. Происходит совсем другой процесс: идет «упрощение» всего экономического уклада, попятное движение к более примитивной структуре производственных сил. Восстанавливается дистанция, которая отделяла нас от Запада в канун жертвенной нашей, но удивившей мир индустриализации. И тут-то проступает как раз нечаянная «системность», которой, увы, лишены реформы с самого того дня, когда цены были храбро отпущены, а вожжи «концептуально» брошены.

В самом деле, по мере смены персонажей на капитанском мостике, экономический курс, утопический и доктринерский в своей сути, выглядел как цепь спонтанных действий, «проб и ошибок», поздних озарений, непостижимых нелепостей, как, например, уступка госмонополии на экспорт нефтепродуктов и винокурение. Но итог этого хаотического рыскания являет картину стройную и почти, увы, завершенную.

Вряд ли был умысел или соблазн из среднеразвитой державы, самодостаточной и обладающей вторым в мире, но невостребованным заделом высоких технологий, сделать сырьевой придаток индустриальных стран. Не обременяя себя ни глубокой переработкой богатств российских недр, ни капитализацией накопленных в обществе интеллектуальных продуктов – товара товаров на исходе XX века. Но именно в такой метаморфозе и сделан мощный «рывок». Мы катимся к такой простоте экономического уклада, которая хуже воровства. Сопоставьте

весь статистический ряд, характеризующий «качество» спада, якобы неизбежного и даже желательного по логии «младочикагцев». Структура экспорта, производительность труда, отдача фондов, товарность фермерских хозяйств, качество питания и здравоохранения, «ненужность» образования – все деградировало и «обрело свой вид» – диковатый, но близкий к типу страны «третьего мира».

Это и есть «сверхзадача» либерального проекта для России? И хотя автор этих строк привержен традиционным консервативным и либеральным ценностям, Михаил Евграфович был куда как прав: «такими либералами только заборы подпирать можно!». И хотя «архитекторы» у всех на виду, не столько в персоналиях тяжкий грех, а в самом «алгоритме» поведения наших «государственных семинаристов» у кормила власти. В той, с одной стороны, круговой бедовой безоглядности, с какой наши радикал-демократы пустили под откос отечественную экономику, а с другой – безрукости воздыхателей по рынку из числа номенклатурных либералов. А что до последней серии президентских декретов о коррекции экономического курса, то их разработчики проявили то, что французы называют «сообразительностью на лестнице». Им бы хватиться год, а то и два назад. С горки катались одни, а возить «саночки» выпадает, как видно, другим.

Когда я боролся за избрание в Совет Федераций, то намотал по Подмоскovie не одну тысячу верст. Избиратели допытывались: «За какой партийный список сами- то будете голосовать?» Ответил так: «Могу лишь сказать, за кого уж точно не стал бы. За Жириновского, «верных ленинцев» и за «Выбор России». «Почему?» «Первые наобещают выше макушки, но наверняка обманут, а «выбороссы» – те уж точно не обманут – дорушат экономику». И впрямь, чутье не подвело. Читаю майские и июньские протоколы Думы по голосованию о горемычном нашем бюджете. Депутаты от КПРФ и «жириновцы» накануне говорили: бюджет никуда не годится. Но в решающий момент проголосовали «за». А приоритеты, за которые они перед выборами ручались твердо стоять, оказались побоку. Может, здесь был тактический расчет? Уж очень рьяно «выбороссы» и «Яблоко» хотели бюджет потопить.

Но не в тяжбе «западников» и «почвенников» надо искать разгадку думской интриги вокруг бюджета. Правительство не обидело ни аграриев, ни топливные отрасли, а как раз они имеют самое влиятельное представительство в Думе. Вот и сладилось большинство «за». А как же Великая Россия? Ведь в новые времена залогом могущества и безопасности страны является высокотехнологичный эшелон промышленности. А уж коли ассигнования на оборонный заказ для ВПК упали ниже критического минимума, то, вопреки вульгарным обличителям «милитаристского» бюджета, такой выбор обернется не убылью танков и ракет («на нас никто не собирается нападать»), а спровоцирует по цепочке развал производств, наверняка очень далеких от ВПК. Похоже, кое у кого из думцев на душе кошки скребут. Не потому ли после на рысях проведенного голосования, без обсуждения поправок, по цифрам бюджета затеяно, вдогонку, рассмотрение – считай, третье слушание – уже Закона о бюджете.

Не думаю, что такой однобокий бюджет гладко пройдет у нас в Совете Федерации. Потому что, кроме отраслевых интересов, есть не менее острые – региональные. Смею предположить, что с интересами собственно России как целого они больше имеют близости. Из этого следует другой мой вывод: на основе политических комбинаций и компромиссов партий и коалиций в Москве нам нескоро выйти на национальную политику восстановления в экономике регулирующей роли государства, которая неизбежно придет на смену невежественному «либерализму». Ведь речь уже идет именно о восстановлении экономики. Монетаристскими припарками ее не оживить: после «шокотерапии» грянет реанимация, у которой совсем иной арсенал процедур, чем у коновалов, начитавшихся вершков Милтона Фридмана. Последний, к слову, недавно в «Бизнес уик» прозрачно дал понять, что наш «либерализм» в экономике, воплощенный в конфискационной налоговой политике, – сапоги всмятку.

Попробую пояснить, чего мы лишимся, отдав на закланье высокотехнологический сектор, который весь – ВПК. Частный пример: если мы не обновим группировки коммуникационных спутников на орбите, срок жизни которых короче американских, окраины страны останутся без связи. Если на Дальнем Востоке уже сегодня

чувствуют себя брошенными Центром, если там энергетический голод, а оседлое население Камчатки, Севморпути, брошенное на произвол судьбы, хлынуло на материк, то спонтанное «свертывание» средств связи и сообщения означает, ни много, ни мало, «выталкивание» Дальнего Востока из России. Почти все новоселы Дальнего Востока сегодня – китайцы. Американский конгресс прислал делегацию изучать ситуацию под деликатным предлогом возможных капвложений, но разве не чуем мы, как «нашенский край» становится сироткой с богатым приданым в сундуках, которого найдется кому пригреть? «Флюиды» дезинтеграции движутся не только от окраин к Москве, но и из самой белокаменной.

Мое убеждение: думские партии в Москве не родят нового федерализма для России. Между тем региональные интересы, по просту интересы выживания в условиях экономического бедствия, которое уже не прогнать с порога, по самой природе своей – надпартийны. Это как в зеркале видно в Совете Федерации. Там нет политического театра «правоверных» и «еретиков». Поэтому нам, даже при противоположности политических убеждений депутатов, приходится действовать в отношениях с исполнительной властью как одной корпорации. Теперь с нашим участием создан инструмент непосредственного влияния субъектов Федерации на процесс принятия важнейших решений в правительстве – губернаторско-правительственное рабочее совещание. Зная, как круто может усугубиться положение с занятостью, доходами, ресурсами – словом, выживанием регионов, на этот неформальный орган, в отсутствие прочного партнерства правительства с профсоюзами и предпринимателями, падет и доля ответственности за то, как мы перезимуем экономическое ненастье.

Большое «Кафе Фанкони» – вот что напоминает якобы рыночный уклад сегодняшней России. Говорят, во время гражданской войны в отрезанной от мира Одессе бывшие дельцы и маклеры, собиравшиеся по привычке в кафе «Фанкони», продавали друг другу накладные на мифический товар, который идет морем из Стамбула. В самом деле, все эти фальшивые авизо, чековые инвестиционные фонды, которые ударяются в бега один за другим, бесследно исчезнувшие кредиты – «жанр», который процветает в нашем предпринимательстве. Но перл из перлов – тотальные

«неплатежи». Требуется много терпения, чтобы растолковать западному человеку эту официально признанную дефиницию, неизвестную в мировом рыночном хозяйстве.

Если «неплатежи» – разрешенный трюк, то зачем дрожать над копеечкой? Издержки производства, экономия, сбережения становятся фантомными понятиями. Все знают, что чума неплатежей возникла из-за игнорирования «шокотерапевтами» сложнейшего дотационного механизма плановой экономики. И теперь мы не имеем ни плановой, ни рыночной экономики. Мы со своими «неплатежами» стоим дальше от рынка, чем в 1985 году.

Сколько же это вымороченное состояние будет длиться? Видит око – надо запускать механизм санации предприятий да начать жить по стандартным правилам рынка – да зуб неймет. Такой разнесло флюс у экономики, пока обходили сторонкой кричащие проблемы конкуренции, монополизма, платежеспособного спроса и оборотных средств, банкротств, что разруби сейчас указом гордиев узел, тотчас получишь армию безработных, миллионов в 20 человек. Власть мешкала, выжидала какого-то чуда. Похоже, теперь наконец воля явлена: запустить в обращение векселя и, с Божьей помощью, начать процедуру банкротств и распродажи неэффективных предприятий. Перестать передразнивать рыночное хозяйство, а жить по его законам. А в стране нет ни финансовых ресурсов, ни социальной системы вспомоществования миллионам, которые к осени лишатся работы. Если решать одним махом, как мы умеем, то массовая безработица власть сметет. И на плечах реформаторов – «вивисекторов» экономики – к власти прорвутся радикалы того или иного толка, которые введут прямое карточное распределение ресурсов в промышленности и на потребительских рынках.

Что же делать и сколько мы будем ходить кругами вокруг проблемы пресловутых «неплатежей» и бездействующего механизма конкуренции, санации, слияний предприятий и проч.?

Перво-наперво необходимо снять с экономики монетаристские колодки от МВФ, в которых она уже третий год ковыляет к сияющему храму либеральной утопии. Как бы ни расстроил меня из МВФ российский реалистический, а не бумажный бюджет, своя рубашка ближе к телу.

Вовсе не из западных кредитных крох способны мы финансировать бюджетный дефицит, а только из внутренних источников. Таких два: долги стран СНГ и кредитная эмиссия. Долги СНГ, похоже, неоплатные. Значит, остается одалживать у самих себя – кредитная эмиссия. Нет никакого другого способа предотвратить коллапс промышленности с непредсказуемыми социальными потрясениями. Россию попросту нельзя содержать на тот нищий национальный доход, до которого она скатилась.

Другое дело – как с умом распорядиться инфляционными вливаниями, расплести удавку неплатежей. Прежде всего, отсечь криминальные и спекулятивные структуры, которые уже хорошо поживились на «дешевых» кредитах для промышленности и села. Никаких раздач! Девятый вал инфляции надо гасить встречной волной экономического интереса, в которой немалые денежные накопления коммерческих банков, основные фонды предприятий, высокие технологии образовали бы гибкий, взвешенный оборот. А нам тем временем подсовывают такую необольшеvistскую модель разрешения проблемы банкротств-неплатежей, когда страна превратится в циклопических размеров лавку старьевщика, который проворно скупит ее достояние по цене старых примусов. И тогда сами мы, люди наемного труда, останемся лишь с «вечной иголкой для примуса» в память о том, как нас, ушастых, обобрали.

Если и новый российский вексель окажется братом ваучеру, всех нас ждет горькое раскаяние. Много ума не надо, чтобы денежным мешкам втихомолку скупить обесцененные векселя, а стало быть, и вполне справные заводы, фабрики, колхозы и космические НИИ. Только какой прок?

У 95 процентов населения за душой нет и ломаного доллара. Вся собственность банкротов окажется в руках 5 процентов населения. Это и есть формула социального динамита. И эти 5 процентов еще пяток-другой лет потратят, чтобы собственность эту многократно переделить. До эффективности ли, наполнения товарных рынков, признания за социальной сферой будет ли этим новым собственникам, которые, подобно Чичикову, станут колесить по городам и весям, скупая векселя безнадежных банкротов? «Сильно пострадавший за правду» при царизме, этот гоголевский

персонаж был удачно вживлен Булгаковым в нэп 20-х, но золотое его времечко пришло сегодня.

Разве ошалевший от привалившего богатства собственник, которому никто не указ, не кинется ретиво хлопотать об «оздоровлении» предприятия, выставив за ворота всех, кого сочтет лишним? Как бы пародийно ни выглядел такой «раннекапиталистический», в духе Золя, сценарий, он грядет, если во главе всего этого всероссийского процесса «векселизации» будет стоять такая круто настроенная инстанция, как Госкомимущество. Это еще почище ваучеров обернется. Ведь изобретателям ваучеризации будто невдомек, что в России нет критической массы дееспособного предпринимательского слоя, который взвалил бы на себя неподъемный воз индустриальной страны. И не для того, чтобы владеть и стричь купоны, а чтобы вывести его на другой уровень эффективности. От этого зависит место России в мировом разделении труда в XXI веке. Но так далеко Госкомимущество не заглядывает. Им бы все раздать до первых петухов. Вот они и стараются. Стахановцы капитализации из Госкомимущества никак не могут взять в толк: если фикус поливать хоть из брандспойта, он не вымахает пальмой.

Другими словами, векселя не должны стать вторым изданием ваучеров, но предназначены только для людей с деньгами. В исконном нраве российской бюрократии, когда за дозволением построить пожарную каланчу в Чите, фельдъегерь скакал с бумагой в Санкт-Петербург. Если чувствительным взрывоопасным процессом банкротств верховодить с бюрократичного Олимпа, беды и головотяпств не оберешься. Процессом санации предприятий, вексельным обращением, движением кредитных средств должны, на мой взгляд, управлять власти регионов. У нас в Московской области разработана концепция регионального механизма разрешения кризиса платежей. Он требует отдельного обстоятельного изложения. Скажу только о главных ее послылках.

Первое. Векселя выпускаются не на сумму оборота предприятий, это только разгонит инфляцию и дестабилизирует всю финансовую систему, а на сумму его реальных средств.

Второе. «Прозрачный» механизм контроля и учета векселей. Вексель передается целевым порядком в банк, где предприятие

имеет расчетный счет. Такой вексель не будет свободно гулять на рынке ценных бумаг, искушая спекулянтов. Он предназначен для банковского погашения долгов предприятия.

Третье. Новая структура в региональной системе власти – Фонд развития – выставляет против векселя предприятия-должника встречный именной вексель в пользу уполномоченного банка. Фонд платит банку из своих оборотных средств проценты по встречному векселю. Льготные кредиты государства для санации предприятий идут через Фонд и выдаются под обеспечение векселей предприятий.

Предприятие-должник, под опекой Фонда и банка, может перевести дух, выбраться из долгов и погасить их за счет улучшений на производстве. Если же, напротив, сумма долга переваливает за 80 процентов его активов, предприятие ликвидируется через механизм банкротства или реорганизуется с участием постороннего инвестора. Таков вкратце альтернативный механизм запуска вексельного обращения. В случае его развертывания возникнут региональные фондовые рынки как «кирпичики» общероссийского. Государство не будет тем добрым дядюшкой, который выпустит из рук огромные массивы общенародной собственности и умоет руки, но выступит регулятором долгосрочного процесса зарождения новой конкурентной экономики.

ПРОБКОВЫЙ ШЛЕМ ДЛЯ Г-НА ЖИРИНОВСКОГО, ИЛИ ПРАЗДНОСТЬ КАК СИНДРОМ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ

«Народная газета», апрель 1994 г.

Держать в руках две крайности, но использовать для народа лежащую между ними середину

Это самая емкая метафора политического центризма, то есть здравомыслия, из всех, какие мне встречались. Основоположник «Школы служилых» Конфуций оставил ее в наизидание «совершенномудрым» правителям. Можно сказать, после того как на парламентских выборах под «выбороссами» провалилась политическая сцена, наш Президент оказался в ситуации, когда «конфуцианский» центристский выход из политического потрясения сам шел в руки.

В самом деле, у него на руках недвусмысленный вотум недоверия избирателей праворадикальной группировке, ответственной за крах экономической реформы. Перед ним свободное поле для маневра, И мы знаем, как поступил социалист Миттеран, заполучивший правоцентристский парламент, или консерватор и примерный католик Валенса, оказавшийся с глазу на глаз с бывшими коммунистами в новом «левом» составе сейма. Потому у многих, в том числе и у меня, было ожидание, что Президент не

замедлит использовать возникший у него шанс. «Держа в руках две крайности», переложит штурвал государственного корабля от радикализма к середине». И тем даст шанс на неповторение октябрьской братоубийственной трагедии, которая камнем лежит на совести всех россиян.

Между тем экономика дышит на ладан. «Обесточенный» Дальний Восток на грани того, чтобы палить лучину. Миллионы рабочих выталкивают в «отпуска» без содержания. И о чем уже третий месяц не затухает сыр-бор в кремлевских палатах и депрессе? Стоит стон о судьбе «реформаторов».словно самоотверженные эти мужи стоят с непокрытыми головами в каре на Сенатской площади, а не попивают кофе на тусовках обожающего их бомонда! И затянувшийся сюжет с отставкою двух незадачливых апостолов «бездефицитного бюджета» словно горше и апокалиптической, чем падающая под откос экономика.

В феврале прагматики в правительстве наконец хватились. Подновленный кабинет Черномырдина под косыми взглядами вслед из стана демократов намерился раздать» аграриям триллионные долги за взятые под векселя прошлогодние пшеницу и молоко и пообещал, под 200 с лишним процентов годовых, кредиты под будущий урожай. И тут же разнеслось улюлюканье «монетаристски» озабоченной депрессы: «Волк в овчарне». Но ведь для того, чтобы России уже не подняться, нужно-то лишь раз не посеять. У нас-то выбор не между инфляцией пологой или крутой, а между хлебом и лебедой. Так что, эти ответственные шаги кабинета министров – воля Президента или происки окопавшихся наверху «госплановцев»?

Далее. Едва экономический меморандум Абалкина – Петрова – Шаталина лег на стол Президента, одним глазком еще не прочитанный, как «душеприказчик» Чубайс успел возгласить, что Борис Николаевич бумагу не одобрил. И чтобы ни у кого не оставалось сомнений, что золотое «не потерплю!» по-прежнему в ходу и политическая ось стоит незыблемо, как гвоздями приколоченная, чтобы там ни показали выборы. Президент предпринял демарш с визитом в Грузию. Вопреки предостережению всех (!) фракций Думы, подписал в Тбилиси договоры, которые

еще ту же завязали гордиев узел проблем российской национальной безопасности на всем Кавказе.

Невольно задаешься вопросом: во всех этих политических передрягах преследовалась ли цель, чтобы экономику и Кавказ выволотить из пучины? Или в одном случае – умыть руки, а в другом – «проучить» думцев, дав понять, что в политике сила солому ломит?

Между тем, как бы чуя отсутствие новых инициатив и поворотов реальной политики в Кремле, наш пострел Жириновский, выступивший в поход на Кремль из своих Сокольников, просто «рвет и мечет». И очень пригодился всем демпораженцам как пугало, «вчистую» оправдывая их ностальгическую приверженность «просвещенному» либерализму Гайдара и команды.

Как если бы отныне весь наш выбор как нации – две крайности: с русским «шовинистом» Владимиром Вольфовичем – к теплым морям, или с новым Чаадаевым – Егором Тимуровичем – в Страсбург и Брюссель, смиренными паломниками в «Европу без границ».

Два миража – на выбор.

Страсбургский пирог – для званных, не про нас, почитающих членство в этих гильдиях как престижные посиделки, а не способ утоления национальных экономических интересов. А пробковый шлем «экспансиониста» Жириновского, как и вся его имперская трескотня о прорыве к Аравийскому морю, такая же бутафория, как давешние обещания г-на Козырева не давать спуску самому Биллу Клинтону, если он по приезду в Москву запросит чего лишнего по части «цивилизованного поведения» со стороны России. А он-таки запросил. И заполучил все, зачем налегке приехал.

Стало быть, не уязвленная гордыня великоросса, а стыдные реальности побудили меня в статье «Филадельфийское ситечко» («НГ», 07.12.93) сердчать, что через это знаменитое чайное ситечко мы, очень по-провинциальному, и сегодня процеживаем наши национальные интересы, чтобы не дай Бог не просочились «имперские субстанции». Уж кто вчинил «выбороссам» гражданский иск за злосчастное «филадельфийское ситечко», которым они так гордились, и обобрал их до нитки, так это Жириновский!

Он сорвал банк на выборах, поставив на черно-желто-белые имперские цвета. Блок Гайдара, поздно хватившись, теперь тоже пощипывает великодержавные струны, взывая к духу Петра Великого, но Медный всадник на их эмблеме больше напоминает этикетку на коробке шоколадных конфет с белой кружевной оборочкой.

А после того, как ночной бал фаворитов в «Останкино» обернулся нескончаемой по сей день политической тризной по радикал-либеральному проекту для России, нас, неразумных, застрашали новым Армагеддоном и пришествием Грядущего Хама. А как бы предвестие тому – похождения В.В.Жириновского в европах, которые для демпрессы не просто сахарная косточка, а настоящий кладезь для спекуляций. И многие избиратели, начитавшись всех этих страстей, готовы уже про себя повиниться. В гомоне этой истерики конфуз демороссов-выбороссов как-то незаметно перелился в гражданское негодование. Правда, всех этих беззаветных страдальцев за судьбы мировой демократии, под которую якобы подложен фугас В.В., разочаровал и усовестил консервативный обозреватель Уильям Сэфайр. Он передал из Москвы и напечатал в «Нью-Йорк тайме»: «...Является ли Владимир Жириновский – демагог с расистской начинкой – ...новоявленным Адольфом Гитлером? Нет. Является ли Россия с ее муками переходного периода новой Веймарской республикой? Нет. А мы, разжигающие страсти по поводу поддержки этого человека избирателями, оскорбляем ли мы людей, выбравших его орудием своего протеста? Да».

И у меня есть кое-что к этому добавить.

Меня мало успокаивает то, что г-н Жириновский в своем воображаемом пробковом шлеме лишь размахивает картонным мечом. Кто из голосовавших за его ЛДПР и впрямь поверит, что в этого витию вселился дух генерала Скобелева? Зато меня глубоко тревожит этот персонаж как зеркало российской смуты. Да, победу на выборах он заработал каторжным трудом на митингах, напряжением всех жил. И в Думе не дает никому спуска. Так заштатная футбольная команда из нашего подмосковного Орехово-Зуева дважды «буром» пробивалась в финал Кубка СССР. А что, если Жириновский в самом деле пробьется в финал, но уже президентских выборов?

Успех Жириновского означает не более, чем отвержение «простыми» людьми «шокотерапии» и добровольного унижения России. Но, к великому сожалению, за этим отвержением нет прозрения. Жириновский профанирует и пародирует неприкосновенные в каждом нормальном, находящемся в здравом рассудке обществе, ценности – такие, как защита прав соотечественников за рубежом, честь флага, заветы предков, национальная гордость, наконец, такую «безделицу», как неприкосновенность границ и казны государства от домогательств извне. А непоследовательность и «амбивалентность» российской дипломатии в конфликтах в Боснии, Прибалтике, на Кавказе только подливают масла в его «лампаду». Но миллионы людей, за него голосовавшие, как бы не замечают подмены. Жириновский выбрасывает неразменные карты на стол, обличая «шокотерапевтов» и «беловежских заговорщиков», но играет в подкидного, а не утверждает бытие державных ценностей в реальной политике и самой жизни измучившихся людей.

Избиратели, которых он подкупил своей страстной одержимостью, словно и не замечают, что нигде в главных, отправных пунктах, таких, как куца бонапартистская конституция и самоценность авторитаризма, он, вполне лояльно, не расходится со своим «Карфагеном» – «Выбором России». Не все смекнули, что это домашняя ссора между двумя разновидностями «радикал-либерализма».

Громоотвод Жириновского сработал, но с лихвой. Он не только оттяпал голоса недовольных и обездоленных у левых и центристов-государственников, как предвкушали, но ненароком и у тех, кто обеспечивал ему «обличительный» бенефис на официальном ТВ. Теперь извольте радоваться, похититель Державной Идеи с ватагой имеет вторую по численности фракцию в Думе. Глядишь, открылись возможности для закулисных коалиций, о которых пока мало кто подозревает.

«Синдром» Жириновского, увы, означает начало второй фазы популизма в российской политике. Удивительно, но бессодержательность и нищета популизма еще не стали явью для общества. Политическое младенчество образованного и многострадального народа заботливо пестуется. Обобранный до нит-

ки обыватель до сих пор рассматривает радикалов от политики как «идейных» игроков на ристалище, а не самых настоящих архаровцев, которые покушаются на его карман и остаток социальных гарантий.

Это и есть живучий «тоталитарный» синдром. Мое убеждение в том, что российская «культурная революция» продолжается. Фразеология иная, но смысл все тот же: схватка незрелых множества элит за власть и собственность. А в закладе – судьба страны, которая откатывается в третий мир. Накануне октябрьской трагедии я не терял веры: «В российской «культурной революции» точку поставят центристы». Выходит, я поспешил?

«Правители владений имеют три драгоценности: землю, народ и дела управления». (Мэн-цзы, «Школа служилых»).

Мэн-цзы, по преданию, ездил от одного правителя к другому, но нигде не пришелся ко двору. 23 века спустя его иерархию ценностей в государстве, где «правители занимают незначительное место», в России мало кто разделяет.

Итак, «земля, народ и дела управлений». Насколько возвышенны эти близкие мне как политику консервативные ценности в теперешней России? Землей мы распорядились умней некуда: свой урожай, не оплаченный правительством, пропадает в амбарах, миллионы десятин пашни осенью не засеяны, а страну завалили субсидированными ЕЭС просроченными консервами. О недоедающих из-за депрессии в экономике рабочих семьях в «Вестях» – вскользь. Зато очень подробно и захлеб про вчерашние высказывания эстрадных политиков. А дела управления таковы, что ученые люди в правительстве сообразили, что заполошно эвакуировать с Колымы поселки золотодобытчиков дешевле, чем загодя, в навигацию, профинансировать завоз топлива. Плюшкин, несомненно, такое бы одобрил. Перечитайте его «промонетаристские» высказывания в диалоге с ключницей.

Наш Президент два года назад по-хорошему просил не мешать править «молодому, дружному правительству», владеющему философским камнем. Кормчие-«младочикагцы» чуть было не довели до летального исхода промышленность. Скрытая безработица – более 10 миллионов человек. А Гайдар, не моргнув глазом, говорит о «структурных сдвигах». И впрямь, вместо станков

с ЧПУ промышленность перешла на выпуск дешевых, с ручным управлением. С ноября вдвое скостили инфляцию, но очень простым средством: в обращении нет денег. В промышленности из-за дороговизны кредита никто никому не платит, недоимки и «неплатежи» превысили 10 триллионов рублей. Рано или поздно придется снять финансовую глиняную запруду, и инфляция, бюджетный дефицит вернутся к пиковым отметкам, какими им и положено быть в неуправляемом, падающем, охваченном хаосом хозяйстве. Но «монетаристски» озабоченные газеты внушают читателям, что неминуемый толчок инфляции – это не неизбежное последствие развязанных с умыслом, но без ума нашими «шокотерапевтами» слепых экономических стихий, а расплата за отставку двух министров-чудотворцев.

Что было бы предпринято при такой оказии в любой самой дюжинной стране? Профсоюзы и крупнейшие работодатели спровадили бы такое правительство, которое действует очертя голову. Или позволили бы ему уйти с миром. А что делаем мы? Повышаем ставки в политических дрязгах и драках. Отставка правительства невозможна, потому что приравнивается к светопреставлению. Политика ходит по головам сограждан, она языческая ценность. И длится такое уже, считай, с 1987 года. «Первые ученики» Джеффри Сакса и Джеймса Бейкера низринули Россию на 149-е место в мире по надежности климата для иностранных инвестиций. Казалось бы, вот вам знамение, пора опомниться, хватит революций, стрельбы, транжирства и попрошайничества. Но эти оглашенные демрадикалы даже в отчаянных усилиях здравомыслящего крыла правительства остановить умирание крупной промышленности видят лишь злокозненный заговор «красных директоров». Им нипочем никакие жертвоприношения на алтарь праволиберальной идеи. Эти витии все хотят победить демонов большевизма. «...Оставить голого человека на голой земле!» Этот отчаянный вопль – гипербола автора «Рассказа о семи повешенных» невольно приходит на ум. Не такова ли цена «необратимости реформ?» Тотальное отрицание «скверны» директивной экономики распространилось уже и на материальное тело страны. Оно верней будет, если ВПК, наука, племенные хозяйства, кинематограф,

пионерлагеря и бесплатные больницы, издательства и поселковые Советы, «проклятое тоталитарное прошлое» сгинут и обратятся в тлен – тогда, глядишь, большевики уж точно не вернуться, чаша минует.

У нас в России дееспособной власти нет не потому, что ей кто-то «мешает». Говорю это по своему опыту работы в администрации Подмосковья. Никакая власть в великой державе, вошедшей в тяжкую полосу своей судьбы, не справится, если облегчит свою ношу, поступившись унаследованной в веках ответственностью, геополитическим предназначением, от которой зависят благо и покой не только своих сограждан, но и других народов (Балканы, Кавказ...). А развал всей российской науки – отказ многим поколениям на экономическое процветание, которое определяется прогрессом новейших технологий. Такова, наверное, участь всех радикальных переворотов, что новые власти не способны стать тотчас вровень с императивами национальных интересов. Ведь и большевики долго носились со «всемирной республикой Советов» («У пролетариев нет Отечества»), пока не угомонились и, повзрослев, вернулись на столбовую дорогу «государственников». Такая эволюция, уверен, происходит и с нами. Россию и «реформаторов» спасают до поры ее избыточные ресурсы, природные и промышленные. Если бы «младочикагцы» с таким проворством взялись бы раскурочивать экономику, скажем Вьетнама, им бы хватило полгода, чтобы наступили глад и мор.

...У меня не было больших иллюзий перед последними выборами. И все-таки теплилась надежда, что мы, политики, тяготеющие к либеральным и консервативным ценностям, нанесем на этот раз поражение безответственному радикализму. Я рискнул замолвить; «Вызревает новое качество российской политики – мощный, определяющий ее центр с традиционными крыльями – либеральной и социальной направленности».

Увы, центристы упустили свой шанс, а «шары» упали в крайние лузы. Избиратели не почуяли за центристами силы, политической воли, ясной, привлекательной программы. Жириновский утолил их печали полней.

Думаю, «Гражданский союз» проиграл выборы и никак не может и по сей день вернуть себе инициативу из-за отсутствия по-

литического темперамента. Его выборная кампания стилем живо напомнила мне незабвенный облик «партии умеренного прогресса в рамках законности» – по Ярославу Гашеку. Если уж партия представляет интересы крупной промышленности и предпринимателей-производителей, которые криком кричат от проделок «шкочотерапевтов», благонамеренностью никого не прошибешь. И все-таки расклад сил в новой представительной власти, по-моему, высветил главное: «Выбор России» стал политическим аутсайдером. В цивилизованной стране отставка всех «выбороссов» из правительства стала бы автоматической. У нас же мудроно кого-то выкурить из правительства. Тот же Чубайс держится в седле как влитой. Это своего рода политическое родео при всем честном народе. И все-таки неспроста сами «выбороссы», от греха подальше, решили вывести своих лидеров из правительства. Черномырдин дает понять, что надо ждать прагматических поправок курса. В ответ из радикальных кругов «президентской команды» невпопад слышны реплики, словно парафразы из «Вишневого сада». Кормильца-производителя материальных благ «купца Лопахина» там по-прежнему меньше празднуют, чем «многоуважаемый шкаф», где хранятся бесценные бумаги «шкочотерапевтов».

Вот это и есть – праздность. Праздность, если на то пошло, как состояние правящего истеблишмента России – не политическое эпикурейство. Напротив, это весьма деятельное, в духе картины «Ленин в Смольном», состояние коловращения. Министры, записные демократы, вечные депутаты, приближенные казачьи есаулы, аппаратные серые кардиналы не дают ни на день опомниться российскому обывателю, чтобы с холодной головой осознать, что над нашим отчим домом не съехала, а вот-вот займется крыша... И протокольные ужасные обиды, причиненные российской государственности экс-президентом Никсоном, который чаевничает в Москве с кем вздумается, вызывают у власти большее душевное потрясение, чем падающий, темпом 5 процентов в месяц, валовой продукт страны. Эта праздность – верный признак того, что у расколотой правящей коалиции нет адекватной реальностям стратегии, политической воли и полновесной ответственности. Она плывет по течению и это не кажущееся впечатление о курсе государственного корабля. Как бы вывернутой

наизнанку праздностью предстают зычные «волевые» выкрики, требующие введения чрезвычайного экономического положения. Что за этим? Неужто реквизиции вместо налогов, разверстка заместо свободной торговли, опять указы вместо законов? И это последнее слово либерализма? Как будто с помощью режима ЧП можно сбалансировать бюджет, выплатить долги государства и заполнить по осени житницы!

На мой взгляд, все-таки существует парламентский механизм для смены курса реформ в сторону прагматизма, возобновления экономического роста и спасения наукоемкой, лучшей части промышленности, на которую гайдаровцам, знаю по судьбе нашего подмосковного ВПК, – начхать. Это путь широкой коалиции в Думе и Совете Федерации. По существу, названная, гипотетическая пока, коалиция могла бы сформировать правительство национального единства. На мой взгляд, более осуществима, чем коалиционное правительство, идея кабинета технократов на беспартийной основе, которую автор этих строк выдвигал еще в сентябре, в самые первые дни кризиса власти, разразившегося после злосчастного Указа №1400. Слишком обольщаться не приходилось, что за этот шанс ухватятся, сознавая, какой самодовлеющий, чугунный вес обрела нынче исполнительная власть. Но события после амнистии стали разматываться со скоростью колодезного ворота, пущенного вспять. Послеоктябрьское головокружение власти сменилось отрезвлением.

Слова о примирении, согласии, даже покаянии произнесены. Уже есть, на выбор, два меморандума о гражданском перемирии – думский и президентский. Только отчего же не раздался в обществе вздох облегчения? Напротив, змеятся по кулуарам опасливые слухи о новых силовых форс-мажорах. В сенате и Думе крен в пользу пакта о гражданском перемирии, на мой взгляд, порожден более трезвым пониманием реальностей в экономике. Еще немного, еще несколько делений на шкале спада – и хозяйство начнет рушиться по-настоящему. Умеренные и патриотически, то есть ответственно, настроенные силы есть во всех фракциях парламента, за исключением, пожалуй, «выбороссов». И они готовы на компромисс, уступки, готовы пройти свою половину пути. Это касается, надеюсь, и новой коалиции

левого толка, во главе которой мы видим Руцкого и Зорькина. А что по ту сторону? Хотел бы ошибиться, но не угадывается в президентской команде того потенциала, который делает компромисс бесповоротным, когда каждая из сторон, что называется, отрывает что-то от сердца. Увы, охотники «разыграть» миротворческую карту есть по обе стороны политического противостояния.

В том же ряду «обыгрыша» общественного мнения риторика президентского послания парламенту, которая по жесткости превосходит критику курса «либеральных» реформ из наших центристских кругов. Впечатление такое, что Президент отсутствовал все два года сокрушительных шоковых реформ, а возвратившись из своего далека, как Одиссей, застал экономику разваленной, казну разоренной, а народ в унынии. Но, увы, в «сухом остатке» президентского послания продолжение все того бесперспективного «радикального» курса, но с оглядкой и тактическими реверансами. Это ли основа для национального компромисса?

Диктор ТВ случайно оговорился, вымолвив, что со стороны оппозиции последовал демарш «президенту поддержать их почин – провести в память безвинно убиенных в октябре «День ПОВИНОВЕНИЯ» вместо «поминовения» по тексту. Эта случайная запинка речи показалась мне символичной. В самом деле радикалы в президентском окружении понимают и толкуют компромисс как ПОВИНОВЕНИЕ другой, противной стороны. Подписка о благонадежном поведении? Но ведь расклад сил сегодня не таков, чтобы, надевши на голову чепчик, наносить визиты Красной Шапочке оппозиции.

«Пробный камень» компромисса во имя умиротворения страстей – выбор людей, приглашенных на совет к Президенту, на котором заявлено было о будущем меморандуме о гражданском примирении. Даже политики из ПРЕС, служащие в правительстве, не были званы в это избранное общество. Как не вполне «благонадежные»? Так ли начинают мировую? Президент улетел в Сочи размышлять, работать над меморандумом, но, если судить по последующим событиям в парламенте, на улицах Москвы, «накату» на оппозицию с телеэкрана, в ходу-то старая тактика – не мытьем, так катаньем.

Мое мнение: нельзя, опасно и недостойно играть с идеей гражданского согласия и политического компромисса. Надо создавать коалицию умеренных и по-государственному мыслящих политических сил и лидеров – снизу, отбросив гордыню, обиды и амбиции, расстаться со стереотипом праздности как способом существования незрелой политической элиты в переломные времена.

...Мало веры, что стойкий компромисс будет достигнут за счет «обмена меморандумами» между «президентской партией» и думской оппозицией. Для того, чтобы исторический компромисс при сегодняшней ожесточенности в политике состоялся, потребуются, рискну назвать вещи своими именами, политическое разоружение сторон. Это должен быть компромисс на беспартийной, паритетной и прагматической основе. Единственной его целью является сохранение жизнеспособности экономики, управления, правопорядка в ситуации, когда центробежные тенденции могут опрокинуть почву под нами всеми.

Есть ли предпосылки, субъекты такого компромисса? Я вижу их в той своеобразной ситуации, которая сложилась в Совете Федерации. В нем представлены деятели подчас противоположных взглядов. Драматическое голосование во втором туре по кандидатуре спикера разделило голоса почти поровну. Можно было ожидать, что размежевание на «наших» и «не наших» организационно оформит раскол, но этого, к счастью, не произошло. Сенат остается как бы надпартийной корпорацией. И это неспроста; другой тип интересов привел всех нас в Совет Федерации – интересы выживания регионов в депрессии, охватившей хозяйство. Партийные дразги и праздные «заморочки» в столичном политическом мире для «провинциалов» мелки. Думаю, здесь, в Совете Федерации, может проклюнуться «завязь» гражданского компромисса, который сделает явью то, во что верится с трудом – согласие политических кровников перед лицом надвигающейся беды на социальном и экономическом горизонте. В Совете Федерации автор этих строк выступил с неформальной инициативой создания совещательного органа, где представители регионов и правительства сообща находили бы решения неотложных проблем и расширили бы узкую, подчас повисающую над реальностями, базу принятия решений

в Кремле. Этот рабочий орган, возможно, послужит зачином более широкого согласительного механизма.

«Совершенномудрые, управляя Поднебесной, стремятся, чтобы имелись бобы и просо в таком же количестве, в каком имеются огонь и вода... и разве тогда кто-нибудь из народа окажется нечеловеколюбивым?» (Мэн- цзы).

Задолго до Адама Смита в «школе служилых» ведали, как важно «простого продукта» иметь вдоволь не только для порядка в обществе, но и для человеколюбия, то есть морального здоровья нации. Давайте оглянемся на путь, которым мы влачимся с достопамятного 1990 года, когда мы в России бесповоротно отреклись от тоталитарного прошлого. Недавнее чинное празднование столетия Мао-Цзэдуна в Пекине невольно бросило гротескный свет на головотяпскую горячность, с какой мы поставили вверх дном страну после 40 с лишним созидательных лет после Отечественной войны, прожитых в ранге «сверхдержавы», но в отсутствие плюрализма и эротического массажа. Божница председателя Мао – для почитающих предков китайцев всего-то кумачовый реликт посреди настоящего капиталистического бума под вывеской «социалистического» рынка. А чем вознаграждены мы, переплюнув осмотрительных китайских коммунистов по части причащения, взасос и без памяти, к либеральным ценностям? Теперь каждый из нас волен проводить отпуск на Багамах, не спрашивая разрешения у Большого Брата. Зато вот съездить из Могилева в Москву погостить к свату надо спрашивать в белокаменной дозволения у околоточного, платить подать. Вот и вся свобода передвижения!

Все это, скажут вам записные демороссы, издержки и временные гримасы перехода к рынку, становления новой российской государственности. А давайте-ка станем на точку зрения человека, равнодушного к «измам» и совершенно, представьте, аполитичного. Что дали ему все перманентные нововведения, реформы и потрясения после того, как советское общество сорвало с устоев и кидает по волнам, словно отвязавшуюся баржу? Если он чем-то не приторговывает, а завести «свое» дело, бодро ручаются новые аллилуйщики режима, может каждый,

стоит ему только слезть с печи, то живет он теперь впроголодь, по улице ходит озираясь, а работы, неровен час, скоро лишится. А ему тем временем внушают, что во всех своих бедах он виновен сам, потому что слишком зажился при застое.

Ему внушают, что правительство не обязано теперь его бесплатно лечить, учить его детей, ручаться за рабочее место. Если он спросит, на кой ему такое правительство, то ему растолкуют, что священной задачей молодых властей является создание «рыночной инфраструктуры», чтобы его дети могли прибиться к какому-то сословию – капиталистов, наемных работников или, может быть, подались на черную работу за границу.

Самое поучительное для меня, что многие обездоленные сограждане, стыдясь прослыть «красно-коричневыми», голосовали за «выбороссов». Несмотря на весь неприкрытый цинизм их программных обещаний и образа действий во всем – от несчастных ваучеров до предвыборных незабвенных плакатов в классическом ракурсе базарных фотографов: «Люби меня, как я тебя».

Что происходит с нашими людьми? Меня отнюдь не обнадеживает и не успокаивает их стоицизм. Доверие к примитивной, неискренней пропаганде «шокотерапевтов» – род общественного недуга, когда люди не могут осознать своего изменившегося, подчас катастрофически, социального статуса. Два-три процента снижения среднего дохода американца стоили Джорджу Бушу, который ни в чем не провинился, президентского поста. Двукратное падение уровня жизни дало на апрельском референдуме «положительный ответ» пострадавших от «либерализации» соотечественников.

Нет, господа, умиляться такому «порогу чувствительности» опрометчиво и опасно. Надо знать и особенности российской психологии, долготерпимую, но взрывную ее природу. Между тем правительство обвыкло; еще, мол, потерпят. От «радикалов» слышны все те же настырные требования прекращения субсидий, дотаций, социальных выплат. Минфин хладнокровно наблюдает, как останавливаются тракторные заводы, вполне справные и конкурентоспособные, из-за того, что нет сбыта. Если в Иванове больше не ткут и половины ситцев от прежнего, а страна завалена иноземным тряпьем, то, что означает такая «открытость», как

не погибель собственной легкой промышленности? Дальнейшее критическое снижение среднего душевого потребления притом, что разлет доходов «новых богатых» и обнищавших квалифицированных рабочих и инженеров достиг такой кратности, что и в «третьем мире» не везде такое встретишь, подрывает социальную базу режима и неудержимо, как в омут, влечет общество к спонтанному социальному взрыву. Чуть не грянувшая остановка нефтепромыслов и вещания на ТВ – предвестие. Вот тогда-то объявится не один, а сразу дюжина Жириновских. И начнутся – экспроприации, национализации и реквизиции. И прости-прощай обетованный берег гражданского общества.

Пока не устранена угроза коллапса промышленности, массовой безработицы в 20-25 миллионов человек, феномена, на мой взгляд, совершенно невыносимого для советского типа сознания и поведения, до тех пор должен быть заказан политикам радикализм, доктринерство и алчный передел массивов собственности.

На мой взгляд, сегодня угроза обществу идет от политического авантюризма радикалов на обоих полюсах. Последние задают тон, являя обществу симптомы невменяемости. И то, что в политической мистереии праздности на краю беды «западник» Гайдар и «русский империалист» Жириновский, фигурально, таскают друг друга за грудки, только очень наивных людей может впечатлить.

«НАГОЕ ЕДИНОНАЧАЛИЕ» КАК СОБЛАЗН ВЛАСТИ, ИЛИ ОТ АНАРХО-ЛИБЕРАЛИЗМА К ГАРНИЗОННОМУ ГОСУДАРСТВУ?

Сборник «Быть ли России “тигром”?».

Написано в ноябре 1995 г.

«Ну, этого, брат, сам Мак-Магон и тот ... не одобрит», – порицал благонамеренный персонаж одну из «дерзостей» либерализма в «Господах Молчалиных». А вот и сама дерзкая сентенция: «...Единоначалие, предоставленное одним своим силам, не только ничего не достигает, но нередко приводит на край гибели, да и само при этом погибает жертвой непризнания иных руководящих начал, кроме собственного критерия, ограниченного лишь внезапностью».

Вдумайтесь в щедринский сарказм. Не проясняет ли он кажущееся до сих пор непостижимым для здравого ума импульсивное, хотя и неизбежное, использование властью вооруженной силы в Чечне? Неявка накануне силовых министров в Совет Федерации, внезапность войсковой операции на Кавказе, ощущение непоправимого просчета государственной воли – все, в аккурат, ложится в щедринскую, исконно российскую идеологию.

На роду ли нам что ли написано быть заложниками архаровского способа ведения государственных дел, которое Михаил Евграфович прозвал «нагим единоначалием»?

Почему не сработали конституционные механизмы разделения властей, упреждающие возможность невзвешенных волевых решений у зыбкой грани гражданской войны? Отчего в многонациональном, федеративном евразийском государстве губернии и республики были поставлены перед свершившимся фактом массированного использования армии на территории одного из субъектов Федерации? И в самом ли деле, как нас уверяли, чрезвычайная акция в Чечне стала поворотным пунктом – от центробежного к центростремительному ладу в судьбе Российской Федерации?

Эти вопросы задают после трагедии в Буденновске мои коллеги в Совете Федерации, избиратели, все мыслящие гражданскоотечественники. Уже был прецедент, когда президентская власть не посчиталась с недвусмысленно высказанным неодобрением выборных органов власти в русских губерниях и национальных республиках – в октябре 1993 года, когда танковые калибры «устранили» проблему «двоевластия», мешавшего развитию реформ.

Теперь – Чечня. На этот раз Конституционный Суд с находчивостью стряпчего, под благовидным процедурным предлогом, уклоняется от вердикта по поводу нашего, сенаторов, запроса: «Конституцией ли или «высшей целесообразностью» освящен приказ войскам войти в Чечню.»

Чем бы ни завершилась война в Чечне, даже при запоздалом мирном компромиссе сторон и восстановлении закона и порядка, на мой взгляд, российский федерализм понес непоправимый урон. Сбит еще один обруч, крепящий всю государственную постройку. И вовсе не о том спор, допустимы ли в правовом государстве немирные способы восстановления законности в чрезвычайных обстоятельствах. Власть не только вправе, но и обязана отвечать насилием на насилие, когда на карту поставлена не только целостность страны и ее выживание, но и жизнь и безопасность людей. И – отметим – чеченцев и русских, оказавшихся заложниками мятежной клики. И, будьте покойны, цивилизованный Запад при таких угрозах государственности не ведает рефлексии. В Ольстере Соединенное Королевство на протяжении многих лет держало на мушке и подвергало арестам

боевиков ИРА и всех «подозрительных», чтобы предотвратить перетекание конфликта в горячую фазу по югославскому или чеченскому сценарию. Но... Строго соблюдало процедуры закона, которыми ограничены полномочия на использование силы против мятежного меньшинства. В Чечне же Президент и силовые министры ретиво пошли в обход законодательной власти, будто на парламентских скамьях засели «шпаки», которые непременно повиснут у них на руках.

Этот маневр «все вдруг» и привел в конце концов исполнительную власть к тысячам жертв среди неповинного гражданского населения в Грозном, фиаско в Буденновске и думскому голосованию по вотуму недоверия. «Нагое единоначалие» обнажило свою оборотную сторону – «бессилие государства» – тезис, которым пестрят газетные аншлаги после Буденновска.

Я не причисляю себя ни к записным «пацифистам», ни к пылким обличителям «партии войны». У лидеров «выбороссов» и блока «Яблоко» в трагические дни штурма дудаевской цитадели разве что не оказалось на головах каракулевых горских папах – до того они вошли в роль «заступников» чеченского народа. Сразу несколько фальшивых герценов тотчас предстали перед толпой на Пушкинской площади. Но Чечня не Польша времен Николая Первого, а Дудаев не Костюшко. Да и где, в каких эмпиреях витали заступники многострадального чеченского народа, когда узурпатор в генеральном мундире долгих три года бесчинствовал и куражился, доведя до последней крайности нищеты и бесправия своих соплеменников? И сделал невыносимой жизнь ближних и дальних соседей разбойничьими безнаказанными набегами и взломами казны подметными авизовками. Не с легкой ли руки теперешних фрондирующих выбороссов вроде Бурбулиса воцарился Дудаев в Грозном после августовской виктории ниспровергателей «имперского» СССР? «Шаферы» и благословители дудаевского воцарения из крутых послеавгустовских «демократов» сегодня словно в рот воды набрали. Расчет на короткую память сограждан наивен. Никто не позабыл, что танки, самолеты и «Калашниковы», которыми генерал оснастил свою незаконную армию, не в пещере Алладина отыскились, а со складов российских армейских частей, убравшихся, налегке и восво-

яси, из Грозного три года назад. Словно Чечня и впрямь какая заграница.

Впрочем синдром отшибленной памяти у тех, кто метит в «совесть нации», посетил их вовремя. Эти «голуби», которые запомнились воинственным клекотом в октябре 1993 года, сегодня так же рьяно колеблют треножник российской государственности. «Пацифизм» их самого авантюрного и фальшивого свойства. Наживать предвыборные очки на грянувшей общероссийской беде, накликая Вторую Кавказскую войну – безответственно, зато вполне укладывается в матрицу всегдашнего политического поведения радикал-демократов. Ведь в Чечне взорвался фугас, часовой механизм которого запущен, как ни горько это признать, актом о суверенитете России от горбачевского «центра». Не все-ми еще позабыты и прозвучавшие тогда абсурдные требования «делить вооружения» и прочий государственный скарб между РСФСР и Союзом ССР. Плевелы безумной «суверенизации» были посеяны анархо-либерализмом (не ищите здесь гибрид Кропоткина с Хайеком, это попросту идеология расстриг и новых откупщиков) именно тогда, в пылу борьбы с номенклатурой КПСС за власть и собственность. Раздача «суверенитетов» продолжилась и после Августа. Увы, и после эпохального головоути-ства в Беловежской Пуще радикал-демократы не угомонились, не умерили свой «антиимперский», на поверку антигосудар-ственный, пафос маргиналов. «Унитарность» государственного строительства, унаследованную от империи Романовых – этот завидный для всего мира евразийский цивилизационный фено-мен, предвосхищавший будущее наций и послуживший, и тут впо-ру локти кусать, оплотом надежности общего крова ста на-ций при власти Советов, эта «унитарность» обличалась узколо-быми «государственными семинаристами» (Салтыков-Щедрин) как зловередный пережиток тоталитаризма. Как будто где-то еще в почитаемом ими «цивилизованном мире» сыщутся доброты, согласные променять, как золотой на пятаки, «унитарность» на дюжину беспутных и сиротских «суверенитетов».

Впервые в новой истории Европы этнический сепаратизм, по-раженческий в самой своей первооснове перед твердыней круго-вой поруки западных демократий, как зеницу ока оберегающих

государственную целостность, после нашего бесподобного «парада суверенитетов» оказался теперь обнадеженным и пришел в движение. Как и предсказывали, чума сепаратизма перекинулась из Беловежской Пущи на Запад континента – и Босния лишь крайний случай и, возможно, предвестие. Таков «вклад» наших радикал-демократов в преуспеяние Старого Света.

Увы, пришедшая к власти в августе 1991 года политическая сила закоснела в своем анархо-либерализме. Чего-чего, а государственного пафоса и здравомыслия за радикал-демократами никогда не водилось. Все их прожекты «обустройства России» насквозь пропитаны маргинальным духом «космополитизма», суть которого в беспамятстве и отступничестве от исторических интересов и всего духовного наследия страны. Российская империя как «образ мира», тигль, в котором органично сплавлены народы с разной родословной, но общей судьбой, радикал-демократами была поделена и разобрана с проворством и безоглядностью шариковых.

Тотчас возникла и прижилась идея, что и Российская Федерация – тоже своеобразный конгломерат суверенных национальных государств и российских губерний. А когда национальные элиты взяли свое, дошел черед и до «калужской законности» (Ленин). Новая власть опаматовалась лишь тогда, когда «суверены» на местах перестали сполна выплачивать Москве ясак. Стало доходить до государственных голов в белокаменной, отличившихся скоропалительной и невежественной, как если бы сельский лекарь заделался нейрохирургом, раскройкой геополитического монолита СССР в Беловежской Пуще, что эдак скоро их собственные властные prerogatives сравняются с королевскими в Британии. И тогда анархолиберальная власть, по выражению великого русского сатирика, «разделила аппетиты на ранги». Местным президентам и губернаторам прозрачно дали понять, что по части «суверенитетов» только «действительно сильный и вполне сознающий себя аппетит может выйти из того ранга, в который его поместила судьба» (Салтыков-Щедрин). И Татарстан, Башкирия, Якутия, полуявочным порядком, и впрямь «вышли из ранга», а «демократическая» Чечня и вовсе тогда завела свою армию и МИД, став «государством в государстве».

Странно только, что лишь на третий год Москва опаматовалась, хватилась пропажи. И была дана команда: «В ружье!». Означал ли этот такой оборот дела отречение Кремля от анархо-либерализма как доктрины, а на практике от изворотливого торга с региональными элитами вокруг «ранжированных» суверенитетов – поворот «все вдруг» к твердой государственной доктрине «нового федерализма»? Запоздалое прощание с грехами молодости российской «демократии»?

Нет, на мой взгляд, на поверку новые тяготения Кремля означают вовсе иное: попытку расширить властный ресурс московского авторитаризма до размеров, когда постылый парламентаризм и лакомые, на словах, «права человека» становятся уж вовсе безделицей. Это на самом деле обернется возвращением, кружным путем, либеральных реформаторов российского общества не куда-нибудь, а в исходную точку – к плоской модели общественного устройства образца 1985 года – с пустотелым демократическим декорумом и «гласностью» всех оттенков желтизны. За вычетом, правда, промотанного наследства окаянного коммунистического режима – обороны, образования, здравоохранения, границ, золотого запаса, экономической независимости и репутации просвещенной нации. Таков угрюм-бурчеевский счет за 10 лет «культурной революции» по Горбачеву-Фридману.

Федерализм, забота о целостности России стала сегодня разменной картой в планах наматывания вожжей на кулак – нового поветрия в президентских структурах, из-за которого мы и завязли на пепелищах Чечни.

Теперь, после резни в Буденновске, и власти, и общественное мнение в полном смятении. Ветви власти никогда не были столь чужды друг другу. Меня заботит и более широкий контекст новой ситуации, которая создалась на всем Юге России после неслыханного акта «этнического» терроризма в Буденновске, а именно судьбы федерализма и государственности. В тягостной картине действий московских властей в Буденновске соотечественники увидели воочию, чего стоит на деле такой авторитаризм и легионы его стражников. После «оптимистичекой трагедии» августа 1991 года, Россия, выбравшая путь к гражданскому обществу, стоит сегодня перед угрозой утраты не только последних демократических

завоеваний, но и скольжения по исторической спирали вспять в допетровские времена, от имперского – к «мелкопоместному» тоталитаризму. Когда каждый воевода (атаман) в своей вотчине был и судьей, и благодетелем для обывателей.

Оглядываясь на былое, первым на Руси, кто замыслил добиться «регионального хозрасчета», был тобольский воевода Гагарин. Другими словами, затеял, шельма, присвоить государеву пушную ренту. За этот изменнический подкоп под государеву казну воевода жестоко поплатился. Мученик за идею проклят, но не забыт потомками. Дух воеводы Гагарина явно проявился, через века, в Омской директории, в Дальневосточной республике, мечтательном сепаратизме окраин империи, который соблазнялся, едва наступали времена очередной смуты, выгодами близости иноземных рынков и избытком «подножных» природных богатств.

Российский сепаратизм, представляется мне, всегда был как бы сумеречной, потаенной изнанкой духа державности и соборности, на котором стоят испокон веку великороссы. Последними по сроку его «выразителями» оказалась выродившаяся до крайнего худосочия к началу горбачевского правления номенклатура КПСС на местах («местничество»), которой почивавший на царстве Леонид Ильич даровал ярлык, на котором был начертан лукавый «принцип доверия кадрам».

Так, опрометчиво и малодушно, посеян был из белокаменной невидный до поры глазу будущий чертополох сепаратизма, дележа союзной территории на «улусы» и вотчины. Дело шло к этому исподволь и лишь Советская Армия и андроповский КГБ как оплоты государственности до поры давали острастку этим поползновениям номенклатурной вороватой черни.

Но вот грянули головокружительные времена горбачевской вольности, и химера сепаратизма тотчас взыграла, повалила государство и, нелегкая, влечет нас в неведомое. А вспомним, как меняла она, эта химера, личины: сначала обронена была «сверху» идея «территориального хозрасчета» (сапоги всмятку), потом она плавно перетекла в «экономический суверенитет», а когда бабочка вылетела из кокона, она уже имела пышную окраску «государственного суверенитета», но с «великодушным» делегированием немногих полномочий Центру.

По-видимому, неизбежные сегодня договоры Москвы с рядом автономных республик о взаимном делегировании полномочий уже создали двусмысленный конфедеративный прецедент в государственном устройстве России. Между тем статья 6 Конституции гласит, что все субъекты Федерации равноправны. Если по пути индивидуальных договоров с метрополией последуют все 89 субъектов – кто сколько суверенитета «проглотит» – то что это будет за диковинное государство?

...Русские губернии не могут протиснуться к «особым» имущественным раскладам с метрополией из-за своей, так сказать, этнической бесцветности. Шаг до того, что обнаружив, скажем, в своей губернии алмазные россыпи, пошехонцы-демократы вспомнят, что по Карамзину они вовсе не пошехонцы, а племя древлян и тогда возникает их «этническое» право как титульной нации жаловать им особую привилегию сбывать камешки прямо в руки «Де Бирса». Это, конечно, гипербола, но таков политес в дележке, которая вдет под сенью псевдоимперского орла.

Между тем покуда торг с региональными элитами вокруг мирских благ шел своим чередом и почти полюбовно, в тени оставался созревавший стратегический замысел, который шел как бы контрапунктом – президентская власть все более обособлялась и входила во вкус самовластья, все меньше склонная делиться властными прерогативами ни с парламентам, ни с субъектами Федерации. Это со всей обескураживающей ясностью высветил ход политических событий накануне и все полгода войны в Чечне и то, как Совет Федерации «вывели из игры». Поползновения Думы заблокировать неконституционное использование армии во внутреннем конфликте оказались несостоятельными. И эта стреноженность законодательной ветви власти не может не вызывать глубокой тревоги и опасения у нас, членов Совета Федерации, особенно на фоне популистских спекуляций вокруг чеченского синдрома, «наката» на вооруженные силы в средствах массовой информации по уже знакомому сценарию. Словно речь идет о ватаге разбойников, а не о солдатах регулярной армии, выполняющих приказы.

Бравый вояка с кремневым ружьем и в треуголке, которого спросили в походе, куда он путь держит, ответил: наше дело

убивать и быть убитыми, а что до целей войны, то про это ведаёт начальство. Этот старинный анекдот невольно приходит на ум, когда думаешь об упрямом намерении исполнительной власти и силовых структур действовать в чеченском кризисе самочинно, безо всякой оглядки на Основной закон и прерогативы трех ветвей власти.

Вспомним: на исходе 70-х годов несколько пожилых сановников, озабоченных дальними интересами национальной безопасности, посоветовавшись в узком кругу, заодно послали войска в Афганистан. Власть и общество жили тогда в разных мирах, на особицу. Но не с этой ли узурпации государственной воли и права решения судеб нации начались все наши последующие несчастья? А ныне чеченский «синдром» опасно сместил ось власти в России, и без того опрокинутую на один бок. Таким ли путем мы добьемся торжества федерализма? Имеет ли вообще безоглядное упование на применение силы в государственном строительстве перспективу при теперешнем немощном состоянии институтов федеральной власти, противоречиях, которые есть, к примеру, в конституциях России и Татарии?

Президент еще год назад заверил нас, что угроза распада России окончательно миновала. А из его последующих заявлений о Чечне следует, что жестокое и массированное использование силы является драматической, вынужденной мерой во имя отражения непосредственной угрозы целостности Федерации. Какая из этих двух разноречивых оценок действительна?

Черномырдин не устает заверять соотечественников, что экономика выздоравливает и возобновление экономического роста не за горами. Много ли директоров и предпринимателей поверят и утешатся такой благой вестью? Реальности слишком наглядны и неутешительны. Этот неизменный зазор между тем, что прокламируется – и на самом деле происходит – и с экономикой, и с властью, – наводит на размышления. Реальная ответственная политика не может строиться на утешительных мифах. Не являемся ли мы свидетелями опасного «упрощения» всего механизма отправления власти в России? Похоже, и впрямь наметилась тенденция к «построению». И десантники на броне в Москве – лишь внешний признак. На этом силовом фоне присмирив-

шие было «шокотерапевты» вознамерились щедро плеснуть из ковша на раскаленную каменку «монетаризма», чтобы выкурить, что называется, голыми на мороз обанкротившиеся и увязшие в долгах, брошенные на произвол судьбы высокотехнологичные предприятия-банкроты. Этот административный восторг обуял власть и в делах федеративных. Мыслимо ли силовое утверждение под угрозой разгона Думы властного баланса между парламентом и исполнительной властью, между метрополией и самоуправляемыми территориями? Есть подозрение, что эта коррекция курса происходит не от того, что власть осенило на зрелые решения, а из скрытного от простых смертных и «супротивников» понимания деятелями в верхних эшелонах исполнительной власти сущей неотвратимости крупных потрясений в экономике и социальной сфере в канун выборов. Если и в самом деле так скверны дела, то весьма опрометчива решимость президентских закоперщиков поставить всех и вся вокруг во фронт. Если искус «нагого единоначалия» проник так глубоко в святая святых исполнительной власти, то напрасны и непростительны иллюзии, что реформаторы на гусеничном ходу преуспеют больше, чем незадачливые и неугомонные «монетаристы», потерявшие свои лакированные штилеты «от Сакса» в оврагах российского Пошехонья.

«КОРОТЕНЬКАЯ» ПОЛИТЭКОНОМИЯ ПОРФИШИ

«Независимая газета», август 1998 г.

Куда податься после масленицы «монетаристов»

«СМЫСЛ изучения экономической теории... в том, чтобы научиться не попадаться на удочку экономистов». Это предостережение американки Джоан Робинсон вспомнилось к месту. 17 августа рухнула не только пирамида ГКО. Рухнул сияющий декоративный фасад храма «монетарной» утопии.

Бред наяву

А за день до краха «фиктивной экономики» (Явлинский) над первой гильдии «реформатором», если не отцом, то шурином российской демократии, занялась огнем крыша его обиталища в Китайском проезде. Брандмайор российских финансов разрывался надвое, борясь с огнем, пожирившим остатки валютных резервов казны и вверенную ему штаб-квартиру российского электричества. Первый раз публика увидела Чубайса, прибившегося к какому-то живому делу.

Председатель ЦБ в сей скорбный час прозрел, что «повышения эффективности российской экономики» не приключилось. Кириенко, в котором прорежимные газеты души не чаяли только

из-за того, что экономические премудрости и словечки у него от зубов отскакивали, признал, что «монетарный» курс, которому он присягнул, окончился полнейшим дефолтом. Вот и пришлось, дескать, выбрасывать белое полотенце на ринг.

«Финансовое сообщество» опрометью побежало на Неглинную и, припав к стопам руководства ЦБ, выпросило многомиллионные субсидии под залог акций, чтобы честь по чести расплатиться с вкладчиками. Но по дороге с Неглинной домой вовремя смекнуло, что клиент не барин, подождет. И кинуло напоследок занятые миллионы в спекулятивную скупку вздорожавшего доллара, как в памятный «черный» вторник.

Другое вероломство испытали на себе сонмища банковских столоначальников и клерков, у которых отобрали сотовые телефоны и вытолкали без пособия на улицу.

Дубинин в Думе громогласно произнес, что альфа и омега момента – не реанимация замордованного в кровь «монетаристами» отечественного производителя, а нахождение «новой конструкции финансового рынка». На колу мочало – начинай сначала. А честнейший Лившиц дополнил, что хоть пропади они пропадом – ГКО, но без этого «волшебного» финансового инструмента государство сгинет. А без денег как таковых экономика уж как-нибудь перебьется, поскольку три четверти товарного обмена «колодники» из реального сектора наловчились проворачивать бартером – последнее слово «монетаризма», – а вот ростовщиков обездолжить надо-де остеречься.

Удивительно: все эти «пресвитеры» либерального сектантства, прожужжавшие нам уши про то, что святая обязанность государства в экономике, сбросив, как варежку, разоренную ими самими отечественную промышленность, впредь без разбору одалживаться у рантье, урезать расходы и снова втридорога занимать, даже в Судный день, так и не вспомнили об отечественном производителе. Будто невдомек им, что он, как ни ловчи с эмвэффовскими «траншами», – единственная тягловая сила, способная вытянуть из трясины гибнущую страну. Думское заявление о новой социально-экономической политике государства еще гнездились в чернильнице и в набросках, а либеральная печать уже заклеила его как ретроградское, тщетное и, конечно, «домотканое».

Этот круговой либеральный «но пасаран» на пепелище «гайдарономики» удручает и заставляет задуматься. Тургенев говорил, что у «русского человека мозги набекрень». Это относится и к тем, кто голосовал за «гаранта» не столько «сердцем», сколько кредитной карточкой VISA, а сегодня, когда банкомат показывает ему фигу вместо кровных денежек, все надеется, что «пронесет». В свой черед, и неимущие, обобранные до нитки, но «уверовавшие», доверчиво разевают рты, когда рупоры «младочикагцев» страшат ГУЛАГом и обобществлением основных фондов.

Да, и впрямь многие не шибко зажиточные сограждане, в особенности в мегаполисах, считают крах 17 августа лишь досадной оказией вроде потопа из квартиры наверху (финансовый кризис в АТР). И даже не отчаялись пройти весь крестный путь к «обществу потребления». Влачиться сквозь челночные тернии, попирая ближнего (конкуренция) и благоговей перед рыночным «изобилием» вприглядку. Таких «ваньков»-страстотерпцев у нас хоть пруд пруди. Уж не рецидив ли некоего наследственного недуга в общинной стране это либеральное умопомрачение, для которого нипочем никакая «рыночная» встряска, даже 50-процентная обираловка по валютным вкладам, которую посулили «стражи» интересов вкладчиков с Неглинной.

А ведь духовный предтеча новых русских – этот нарицательный тип известен – Порфиша, увековеченный Салтыковым-Щедриним. Мировоззрение его представляло собой «бред наяву». А «коротенькая политическая экономия», в которую Порфиша уверовал, тем замечательна, что «законы, правящие миром промышленности и труда», представлялись ему в виде игры, в которой нет «трепета действительной, конкретной жизни с ее сытостью и голодом». Игра в кредит, по Порфише, «разрасталась в роман, игра в ажиотаж (МММ, ГКО, ОФЗ и проч. – А.Д.) превращалась по мере развития в бесконечную поэму». «Кредит, – толковывал Порфиша непонятливым, – это когда у тебя нет денег и вдруг – кляц – они есть! Надобно платить ну и опять в кредит!.. Нынче все в государстве так живут».

Порфиша и поныне льстит себя надеждой, что выполняет «провиденциальную» задачу. «...Недалек день, когда он явится с зажатыми горстями, торжественно разожмет их и покажет

изумленной публике пустые ладони», – прорицал Михаил Еврафович наш последний дефолт. Разве не явление Порфиши мы и лицезрели 17 августа? Молодчик и глазом не моргнул.

Кириенко, сбиравшись с духом, заявил думским партиям, что охотников взять на себя ответственность за выживание страны он ни в ком из них не подозревает. И придется, дескать, нам, сердечным, и дальше терпеть верховенство его «коротенькой» политэкономии. Даже в роли «банкрута» «коллективный Порфиша» и впредь не хочет лишиться себя удовольствия снимать барыши и сливки с наших общих убытков, а не с прибыли, как увещевал его один преуспевающий сатирик, который не нарадуется масленице «монетаристов».

Караульный у ворот

«Даже караульный у ворот не может избавиться от желаний, – замечал Сюнь-цзы. Однако то, чего он добивается, можно ограничить». Так еще до новой эры в школе служивых понимали соотношение выгоды, долга и справедливости. А государственного мужа, который, пренебрегая долгом, превозносит выгоду, чистоган, прозывали «величайшим разбойником».

Мы пренебрегли этим и поплатились. Между августом 91-го и августом 98-го «караульный у ворот» госсобственности – исполнительная власть – пустился во все тяжкие. Еще в сентябре 1994 года в «НГ» я напечатал 12 тезисов под риторическим заголовком «Кто за старшего в доме Советской Вдовы?». В числе их был и такой: «Правительства Гайдара и Черномырдина последовательно придерживаются идеи высокой нормы прибыли... В падающей экономике это – ненормальность. Ее источники – монополизм и перемещение капитала из производства в сферу обращения». Сегодня, четыре года спустя, мы заплатили за это мотовство и безрассудство сполна.

Что такое ГКО? Валютный коридор? Секвестр бюджета? Все это, вместе взятое, – способ изымания не только прибавочного, но и необходимого продукта у людей наемного труда. Обратите внимание на синхронность падения эффективности экономики

с нарастанием лютости, с какой «железная пята» менял неумолимо душила экономику. «Реквизировала» без оглядки оборотные средства предприятий, зарплаты, пенсии... Когда, к примеру, рентабельность экспорта российской металлургии за счет разницы мировых и внутренних цен достигала 40% и забрезжило, что металлургия, как локомотив, может вытянуть из оцепенения обрабатывающую промышленность, «монетаристы» заверещали, на беду, о твердом рубле и валютном коридоре. На этом «зажиме» экспортеры металлов потерпели за год убытков 17 трлн., старых рублей, а рентабельность отрасли к 1998 году съехала до 4%. Сдирали с производителя последнюю рубаху, чтобы умиловить держателей ГКО, которым вынь да положь барыша двугривенный на пятак. Сергей Глазьев привел точный системный подсчет: чистая прибыль государства от ГКО за все эти годы «пира ростовщиков» составила 30 млрд, руб., а выплаты – 400 млрд! Отечественные и заезжие спекулянты и ростовщики, которым прилепили благозвучный титул «инвесторов», загребали такую маржу, какая не снилась со времен фараонов.

Но главный смотритель казны после краха рубля пришел в Думу не с повинной головой, а живописал, как ЦБ и Минфин героически сдерживали надвигающийся потоп целых десять месяцев. «Развели» финансовый кризис в Азии с доморощенным – стратеги! Держали на плаву до последнего заниженный курс рубля – «поплавок» фискальной стабилизации. Во время этой «героической» обороны «курса» спекулянты зарабатывали на ГКО до 90 центов на «инвестированный» доллар. Тем временем экспортеры как очумелые в отсутствии внутреннего рынка не сбавляли убыточного экспорта российской нефти, металлов, в том числе редкоземельных, в ненасытную утробу «семерки». Нефтяники вымолили себе отмену вывозных пошлин. Внутренний покупатель металлов и горючего теперь платит субсидию западному импортеру. И пусть никто не говорит что хищный «монетарный» насос наладила «невидимая рука рынка». Внемлющий да вспомнит, что неотложные меры по реструктуризации госдолга были загодя предложены еще в феврале прошлого года на слушаниях в Совете Федерации. Неавральная отсрочка платежей, санация и оздоровление финансов легли в основу думского законопроекта,

благополучно проваленного партией власти. Зато отсрочка краха государства, о которой с видом стойка говорил председатель ЦБ, обошлась российскому налогоплательщику в 150 млрд, новыми. Четырехмиллиардный долларовый стабилизационный кредит от МВФ, из которого «монетаристы» божились и цента не потратить, канул в ту же прорву без всякой пользы для рубля.

Когда вавилонская башня «МММ» рухнула, толпы вкладчиков – бывших инженеров, совслужащих и просто лоботрясов – «волонтеров» лучезарного августа 1991 года, записавшихся в мелкие рантье «гайдарономики», жгли костры на Варшавском у офиса «МММ», на что-то еще надеясь. «Благодетеля» и «кормильца» Мавроди они в сомнениях и терзаниях на руках несли в Думу. Были ли они все до одного новыми Порфишами с его чудотворной теорией «кредита» и «неразменных червонцев»? Неведомо ли им было, что «самовозрастающая» функция денег – ахинея? Сомневаюсь. Их, конечно, смутило, что Мавроди не провел в Думе билля о возврате им дивидендов. Но уж вера их в «лучшего в мире» министра финансов несокрушима. Ведь если Мавроди попросту пустился в бега, то «младореформаторы», обрушив свою пирамиду, пустились петлять в закоулках Охотного ряда. И не покаяние видели мы, а смиренную гордыню «обращенных» перед темнотой «язычников».

«Тройчатку» – коновальское средство из девальвации, дефолта и «прощения» всех, кому казна осталась должна, уловку, с помощью которой они попытались воскресить погубленную ими экономику, даже единовец Шохин назвал безумством и незаконием. Но из всего этого каким-то чудом следовало, что стратегический курс «реформ» все же «правильный». Это и Черномырдин не погнушался подтвердить, когда явился в Думу просить мандат. Выходит, что крылатое премьерское «мало занимались монетаризмом» вовсе обмолвкой не было. Проклятая путаница: то, что они лукаво называют «монетаризмом», – это, как говаривали в Одессе, «товар для Кременчуга», то есть бессодержательная «туземная» версия известной западной, жесткой и двусмысленной по реальным последствиям модели ведения развитого рыночного хозяйства. В нашем обиходе так называемый монетаризм, и этого не понял до сих пор только Леня Голубков,

имеет лишь три значения: грандиозная ростовщическая афера, присвоение капитала нации и еще – шаманская тарабарщина для расстриг из партхозактива. Все «в одном флаконе».

И другого содержания у российского «монетаризма» никогда и не было.

Ясноглазого Кириенко думцы юно записали в «анфан террибль». Если говорливого Гайдара наши Порфиши из либерального бомонда до сих пор по недоразумению почитают Чацким, Витте и Хайеком в одном лице, то нижегородец был на своем месте. Это образцовый глава туземной администрации. В этом контексте Москва – европейский квартал Шанхая 20-х годов, «опиумная война» в разгаре («экстази» для «сынков» и вещание НТВ), а мандарины в провинциях уже исподтишка торгуют пахотной землей...

Сообразительный, гуттаперчевый Кириенко, не укорененный в тучные ФПП, в которые перекочевал партхозактив, куда как по сердцу был западным опекунам. Однако главного не успел, видимо, Кириенко на пару со своим наперсником из РАО ЕЭС: сдать саморазрушившийся золотушный финансовый рынок России (коль свои банкиры заворовались и у вкладчиков веры им нет) «нерезидентам», то бишь западным банкам, под руку. Расчленив (реструктуризировать) «Газпром» – российскую энергетическую цитадель и прочие чудища – естественные монополии. И заодно выкурить пенсионеров из их хором, взвинтив квартплату в пылу кавалерийской атаки во имя упразднения остатков советской социальной системы обеспечения. В последний момент, говорят, олигархи осадили, сообразив, что не только пенсионерам, но и им самим небо покажется с овчинку после всамделишного выполнения эмвээфовской ударной директивы. «Оппозиционер» Шохин был слишком риторичен, когда осерчал, что «у нас нет правительства». У нас правительство всего-то – приводной ремень. Разве приводной ремень может своевольничать?

Плановое язычество

Господин Камдессю рассердился, что директива его повисла. И вовсе не стенания международных спекулянтов, жировавших на

русских ценных бумагах, которых Кириенко и компания кинули, так проняли главу МВФ. Менялы уже довольно нажили в России. «Разочарование» господина Камdessus носит чисто «идейную» основу. Ему привиделось, что русские вероломно хотят взяться за старое, вернуться к «язычеству» – плановой экономике. «Государственному вмешательству в экономику». И – страшно вымолвить – печатанию денег! Пока финансовый «суховей», который семь лет сквозил с Неглинной в базовые отрасли и ВПК, превращал промышленность в пустыню, все было чудесно. Глядишь, эмиссионное кредитование оборотных средств предприятий вновь оживит промышленность. И российские алюминий, нефть, сталь, электричество начнут питать российскую же промышленность и, чего доброго, производство высокотехнологичных вооружений, которые на заре «монетаризма» обещали помаленьку покупать на Западе, чтобы самим освободить руки и не делать ничего «лишнего».

Билл Клинтон прибыл в Москву с той же анафемой «командной экономике», которая подкрадывается к Садовому кольцу.

«Коварство заставляет ржаветь цепи дружбы», – поговаривают земляки Клинтона – индейцы-делавары.

В самом деле, коварство и настырность, с которыми западные доброты наперебой стращают нас жупелом командной экономики, превышают меру приличия. Но наши Порфиши при одном упоминании о командной тотчас впадают в святое негодование. Как богомольная старушка при упоминании лукавого. И этот синдром засел в нашей массовой психологии, словно склонность к падучей. Что?! Опять ГУЛАГ, очереди, пустые полки и «саперные лопатки!» «Третьего не дано!» «Лучше под бандитом, чем под Госпланом!» «Голосующие сердцем» сегодня вновь навострили уши. Только что у них сосало под ложечкой от пустых щей, но, если верить ТВ, Порфиши грудью готовы встать на защиту новобретенных, но, увы, мифических «рыночных институтов».

Пусть уж рассудительный Джон Кеннет Гэлбрейт остудит горячие головы наших Порфиш и «государственных семинаристов». Вот что пишет создатель теории постиндустриальной экономики о существовании государственнической «ереси», которую так пылко обличают западные радетели за Россию: «До Великой

депрессии экономическая система рассматривалась всеми неоклассическими направлениями (экономической науки. – А.Д.) как саморегулирующаяся... Идея, что производство само собой создает для себя спрос, уже более ста лет была святой истиной... Ее формальным выражением стал закон Сэя. Принятие или непринятие человеком закона Сэя было до 30-х годов основным признаком, по которому экономисты отличались от дураков. Историческим достижением Дж. М. Кейнса... явилось полнейшее уничтожение закона Сэя и тем самым иллюзии саморегулирующейся экономики». Гэлбрейт раскрыл, как на самом деле работает «планирующая система», которая является ядром постиндустриальной капиталистической экономики. Высмеял сказки о свободной конкуренции. Например, крупнейшие корпорации американского ВПК, по Гэлбрейту, лишь по вывеске являются частными. Весь оборотный капитал им предоставляет государство. Администрация Клинтона и показала, кто стратегически распоряжается активами высокотехнологичной промышленности, благословив слияния крупнейших американских корпораций авиакосмического комплекса «Боинг» и «Макдоннелл-Дуглас» и, напротив, запретив унию «Нортрон» и «Грумман», которая не впрок государству. А наши неугомонные «монетаристы», напротив, норовят приватизировать «сливки» ВПК по обкатанной ростовщической схеме.

Вообще жупел «командной» экономики смешон и лжив донельзя. Кто провел закон, по которому под страхом тюремного заключения гражданам запрещалось держать сбережения в кубышках? Бухарин? Нарком Зверев? Франклин Делано Рузвельт! Кто разделил насильственно одержимые чистоганом банки на коммерческие и инвестиционные и прошелся по ним железной метлой? Зюганов? Нет, все тот же Ф.Д.Р. Он переломил через колено спесь и алчность менял, «спасая капитализм от капиталистов».

«Ростовщики бежали со своих постов», – с этих слов он начал, провозглашая перед американской нацией свой «новый курс».

Мы в России стоим у того же Рубикона.

Если кто-то примется вас уверять, что после бани, которую демократ Рузвельт задал твердолобым дельцам, западный мир

якобы вернулся к классическому капитализму, напомним, что республиканец Никсон ввел в 70-е годы контроль над заработной платой и ценами. И его бывший министр финансов Коннэли впоследствии отнюдь не из лести сказал, что президент проявил «удивительное мужество, смело взявшись за проблему, с которой столкнулось Свободное Предпринимательство».

Так что, защитникам «завоеваний рыночной экономики» в сегодняшней России пора уgomониться и перестать вешать лапшу на уши согражданам. Таковых «достижений» нет в наличии. К рыночной такая экономика имеет далекое отношение, потому что в середине «туземного монетаризма» не механизм конкуренции, а «золотое правило»: кто смел, тот и съел.

Экономика, где три четверти бартера, по определению, является не столько рыночной, сколько феодальной. Норма прибыли, которая у нас в ходу, тоже феодальная. И по способу стяжания, и по безумному соотношению ее с фондом оплаты труда. Мы превратились в Рим эпохи упадка – «город миллионеров и нищих».

Заявление Думы о социально-экономическом курсе – не просто прокламация. В нем содержится верная система идей сдвига к госкапитализму – единственному створу движения к возобновлению товарных потоков в народном хозяйстве, который нам остался после краха чубайсовских художеств. А заклинания господина Камдессю и клаки МВФ в Белокаменной против «командной экономики», в пучину которой мы, дескать, сверзимся из теперешнего «скромного» благоденствия, по интеллектуальной начинке рассчитаны на «дураков, верящих в закон Сэя». А в политическом смысле означают негодование кредиторов России тем, что страна, чего доброго, возвратит себе экономический суверенитет.

Правительство не ведало...

Чаадаев в письме графу Бенкендорфу в 1832 году: «Правительство не ведало, насколько наше историческое развитие было отличным от Европы, насколько, следовательно, политические теории, которые там в ходу, противоположны требованиям

великий нации, создавшей себя самостоятельно, нации, которая не может довольствоваться ролью спутницы в системе современного мира, ибо это означало бы истратить все начала силы и жизненности».

Это проницательное, вещее суждение помудревшего «западника» Чаадаева, которого концептуалисты курса на «Европу от Дублина до Урала» зачислят чуть ли не в свои предтечи, нам наука. «Либерализм» времен горбачевской маниловщины от псалмопений «правам человека» и «экономики потребления», обращенной к потребностям индивида, ловко вымостил дорожку менялам. Теперь «либералы» стараются смотреть в сторонку, куда-нибудь в окрестности Кельнского собора, когда с этого индивида сдирают три шкуры. В «противостоянии труда и стяжательства» наши «западники» безошибочно жмутся ближе к соровской раздаче.

Ведь и Порфиша неспроста про себя думал, что его деяния на ниве «кредита» имеют виды не просто на продление «масленицы». Когда Сысуев рассылает по губерниям незаконную директиву платить под сурдинку всем пенсионерам по 250 рублей и ни гривенника больше, это не бесчинство вовсе, а поступок стоика, положившего живот за бездефицитный бюджет. Ради «воссоединения с Западом» надо потерпеть. Пенсионеры не понимают, что подрывают концепцию бездефицитного бюджета.

А старорежимные «производственники» норовят производить «никому не нужную» продукцию, как-то: уголь, сельхозмашины, станки с ЧПУ и авиалайнеры, которые лишь безбожно жгут керосин. И обыватель верит, что его обкрадывают не «рыночники», растащившие «Аэрофлот» по 400 частным лавочкам, а «Туполев». Лишь злые чары телевидения способны вживить в умы эту низкую ложь. Не получилось присоединиться к Западу, так хорошо было бы, славно, если бы Россия стала Мексикой, «благоденствующей» под экономичен протекторатом НАФТА! Исчерпывающ практический смысл «западничества» сегодня – апология протектората над Россией. «Монетаризм», «рыночные ценности», «бездефицитный бюджет», «западные инвестиции» и пресловутый профессионализм Чубайсов и ясиных – это всего лишь реквизит, набор «фомок» и фантомов.

Друг Билл запросто получил почтительнейшие заверения в Москве, что смена курса – лозунг для внутреннего потребления, а за дефолт охальников- младореформаторов примерно наказали, и впредь по кредитам Запада проценты будут платиться исправно. Если даже к следующему 1 сентября все проблемы народного просвещения придется решать по рецепту Скалозуба. Клинтону наобещали возобновление псевдорыночных преобразований сызнова.

А как же насчет патетически обещанного эндээровцами «нового» явления Рузвельта? Это чисто словесная фигура, ораторский перл. Ведь нашим приказчикам от МВФ из проторенной колеи – никуда. А пресловутые условия МВФ, означающие окончательный слом экономики и подножный корм для четырех пятых населения, святы для них, как «Отче наш». Те, кто пустил в распыл лучшие фонды экономики СССР – высокотехнологичный ВПК и фундаментальную науку, – наладились уже жить продажей сырой нефти и других «колониальных товаров». Им нужно лишь политическое перемирие. Напротив, думское Заявление о новом социально- экономическом курсе – разрыве с «монетаризмом» – сулит немалые прагматические выгоды промышленности и воссоздание после паралича внутреннего рынка. По кейнсианской модели стимулирования спроса, инвестиций и занятости. А не по Кавальо-чудотворцу, которого ввиду отведенной ему демпрессой роли судового эскулапа, что пушит кровь и поставит пивявки российской экономике, так и подмывает прозвать Коновальо. При всем уважении к этому достойному сеньору и, наверное, неплохому профессионалу. Насколько я знаю, сугубо собственных выдающихся ноу-хау Аргентина добилась разве что в футболе. Страна третьего мира – нам не указ. Кавальо – факир на час, – ясное дело, понадобился, чтобы публика в охотку проглотила идею «валютного комитета», своего рода смирительной рубашки для российской обрабатывающей промышленности. В особенности эта эмвээфовская затея примечательна тем, что содержалась, как в коконе, еще в Парижской хартии 1990 года. Именно с этого года, по внезапному откровению «непричастного» Бориса Федорова, в России и повелась порочная макроэкономическая политика. При Мао такие «самокритики» назывались «кампанией по

исправлению стиля», со ссылкой заблудших на перевоспитание в сельскую местность. А если без иронии, то альтернативный экономический курс, за который проголосовали 303 российских законодателя, в контексте обязательств «реформаторов» перед Западом – просто «крамола». Потому на ТВ пропаганда «младореформаторства» все окаяннее и злее. Мол, придется нам, беспутным, испить горькое лекарство до дна. Потому и призвали маэстро-аргентинца, раз у самих не хватает духу и дальше «урезать» по живому социальные статьи расходов.

Что за умопомрачение нас терзает – в двух шагах от коллапса народного хозяйства?

Только слепой не видит: все, какие есть, «зацепки» за продолжение «монетарного» курса (повторю, что это только кудрявое название прозаичной методы обстригания делишек по завету Порфишек) смыло после потопа 17 августа. Накоплений – ноль. Воспарившая «семибанкирщина» сама себя порушила. Контрольные пакеты рухнувших банков – в закладе у ЦБ. Мифические иностранные инвестиции – только в табак, кока-колы и биг-маки. Спекулянты ретировались и увели свои деньги. В Москве ежедневный доход бюджета города враз упал с 220 до 80 млн. руб. Сияющая витрина «ельцинизма» вот-вот погаснет. А губернии на самом- то деле вовсе не жаждут отлепиться от столицы – Москвы, смекая, что негде будет разжиться копейкой, когда работающие на экспорт сырьевые регионы перестанут сполна платить налоги в федеральный бюджет. Сегодня – концовка всей многоходовой партии Запада в игре с Россией. Туземный «монетаризм» угорел от алчности, как от сивухи. Рубль – в свободном падении. Политики – в клинче. Замешательство и отчаяние публики ловко используют, чтобы навязать «спасительное» решение о прямой внешней финансовой опеке. «Валютный комитет» – отходная российскому национальному капиталу, едва народившемуся. В мировом разделении гурда в XXI веке России уготовили участь «пристяжной» и «сырьевого лабаза» «семерки».

Есть ли альтернатива списанию России из геополитического реестра как независимой страны с самодостаточной экономикой? Да, это восстановление внутреннего рынка, запуск мощностей прозябающей обрабатывающей промышленности,

протекционизм. Возобновление производства товаров с высокой добавленной стоимостью. Ведь, к примеру, девять десятых российского алюминия экспортируется в слитках на Запад и в АТР, а стапелы нашей крупнейшей в мире авиационной промышленности замерли. Для восстановления промышленности у нас не утрачены предпосылки – технологии, инфраструктура, квалифицированные кадры, резервы сырья. Нужны лишь политическая воля, давление общества на политиков, которые за нашей спиной малодушно уже примеряют хомут «валютной управы». А где обретается российское промышленное сообщество, когда решается его судьба? Кто в лес, кто по дрова, РСПП причитавший все семь лет погрома промышленности, окончательно запропастился. За «круглым столом» в Кремле место российского аналога влиятельной «конфиндустрии» пустовало. А ведь есть что обсудить и предложить – прагматические выходы из коллапса, которые грех упустить. Обрушение «валютного коридора» и разрыв связки сырьевиков с лопнувшими в одночасье банками создали новую ситуацию. Износ фондов у «сырьевиков» до 70% и более. Высокотехнологичные предприятия ВПК в отсутствие оборонного заказа уже приноровились к спросу и готовы выполнить заказы на современное оборудование для ТЭКа на 8 млрд, долл. В этом заинтересованы «Газпром», другие корпорации ТЭКа. До сих пор они из-за всеобщего безденежья импортировали оборудование, часто втридорога, по связанным кредитам с Запада. Теперь из-за «дорогого» доллара у ТЭКа на какое-то время финансовые дела поправятся, и заказы на оборудование можно разместить дома.

Эти 8 млрд долл, могли бы стать «завязью» реального протекционизма и новой промышленной политики.

Страна кипит, а исполнительную власть словно заклинило. Как заговоренные талдычат о «неизменности курса» на некие рыночные реформы. Бессодержательность этой посылки ввиду реальностей никого не смущает, а аргументами никто не озаботился.

А ведь «час роковой». И есть пример, как вели себя люди вменяемые в пекле национальной беды. «Рузвельт стоял перед

альтернативой: или уступить давлению «большого бизнеса» и возглавить антирабочее правительство крайней реакции, – свидетельствует историк М.Н. Яковлев, – или идти навстречу требованиям масс о более эффективных мерах для борьбы с депрессией. Он выбрал второе». И, добавим, спас «американскую мечту».

Тот же, по большому счету, исторический выбор сегодня перед нами. Чтобы не кусать потом локти, надо наконец загнать под лавку «монетаристов» и сделать решительный шаг к государственному вмешательству в гибнущую экономику.

В Америке в президентах побывали не только Рузвельты. Как и у нас, в России, в премьерах не все были Столыпиными. И все не исполнена, как толкуют, мудрости присказка, что каждый народ имеет то правительство, которого заслуживает. Был такой президент в Америке – Калвин Кулидж, сибарит, человек дюжинного ума, любивший перекинуться в картишки в Белом доме. В его бесславное президентство темным дельцам тоже была масленица. О Кулидже осталось предание, что стране он запомнился тем, что оставил ее в покое.

ЧТО НЕМЦУ ГОДИТСЯ, ИЛИ ОТ ЧЕГО ПРЕДОСТЕРЕГАЕТ РОССИЮ ДОКТОР ЦАЙДЛЕР

«Рабочая трибуна», ноябрь 1993 г.

Как же так случилось, что интеллектуальный и технологический капитал бывшей сверхдержавы оказался никому не нужен?! Почему нас явочным порядком превращают в страну третьего мира, которая торгует лишь сырой нефтью и газом?!

Что ж, поразмыслим. В истории нет примера более стремительной деградации экономики такого масштаба, как российская. Нам говорят: единственное наше спасение – клочок бумаги под названием ваучер. Если большую часть основных фондов заполошно передать в частные руки, то это якобы автоматически разрешит проблемы повышения эффективности и структурной перестройки экономики. Как будто продавец мышеловок, завладев лазерными технологиями, впрямь обратит их в звонкое золото прибылей.

Нас хотят убедить, что все про все, включая сферу созидания высоких технологий, должно быть самокупаемо. Тогда как во всех развитых странах разработки технологии двойного назначения в ВПК открыто субсидируются государством. Для вице-президента Союза германской промышленности д-ра Цайдлера технологическая конкуренция всей Европы с США и Японией возможна лишь при подключении научно-технических возможностей России. Поэтому даже немцам не по себе, когда они видят, как мы пускаем по ветру наш наукоемкий капитал, в который, по мировым ценам, вложены сотни миллиардов долларов.

Все это мы волей-неволей ставим в упрек нашим смелым реформаторам, начавшим с января прошлого года «шоковую» реформу. Только резкий упадок высокотехнологичной части промышленности – уже достаточная причина для вывода: подобная концепция реформ стихийному бедствию сродни...

Политические потрясения последнего времени порождены не только тем, что все ветви власти ожесточились друг против друга. Само ожесточение порождено скорее тем, что экономика идет вразнос и все меньше веры в то, что этот процесс обратим. Запас прочности в базовых отраслях – обратная сторона неэффективности социалистического способа производства – удерживает пока российскую экономику на плаву. Если разрушение экономики обратимо, то кто с этим может справиться?

Обратимся и к другим сторонам нашей действительности. Как относиться к увещаниям, будто за обвальным спадом производства и крушением «монстров» индустрии надо видеть вызревание благой рыночной среды? Появился, дескать, подрост среди старого сухостоя индустрии, в котором заявлена более высокая эффективность, отзывчивость на потребности рынка. Это живо напоминает мне чудотворных кладези «передового опыта», какие фабриковались в ЦК КПСС. Например, обнаруживалась целая область на юге России, где напрочь вывелись «отстающие предприятия». Зачем сегодня-то этот самообман, эти невидимые глазу добросовестных экономистов рыночные чудеса в решетке?

Что на самом деле происходит с эффективностью, так это настоящая издевка. Судите сами. Более чем на треть упала производительность общественного труда. Энергоемкость единицы национального дохода не уменьшилась, а возросла. Тогда как цены на энергоносители поднялись в сотню раз. Этому мотовству не придумано никакого «рыночного» объяснения. Просто монополисты-«вольно отпущенники» предлагают товар по псевдосвободным ценам, включая все свои сумасшедшие издержки в себестоимость и цену.

Вообще давно нет на слуху разговоров в правительстве о динамике фондоотдачи, себестоимости, соотношении производительности и выплат работникам. Словно это вовсе не рыночные категории. Из новых, современных технологий я могу отметить

разве что некоторое распространение на улицах автоматов, поджаривающих кукурузные зерна...

Коль мы способны как нация изжить этот позор и не побираться, то с чего нам начать? Какое бы правительство «однопартийное» (из демороссов?) или коалиционное ни пришло бы к власти после декабрьских выборов, оно должно получить полноценный мандат доверия. Не на митинге избирателей или симпозиуме «мудрецов», не от бухгалтеров Международного валютного фонда, а мандат тройственный – «капитанов» промышленности, людей наемного труда и новых предпринимателей. Надо наконец избавиться от большевистского зуда реформирования способом выкручивания рук, держания в черном теле тех, во имя кого якобы и совершаются эпохальные реформы. Нам нужно правительство компетентных администраторов по контракту с национальной промышленностью и предпринимательством, а не кружок затейников, тихой сапой протаскивающих свои доктринальные идеи либерального капитализма с дарвинистским уклоном, который должен водвориться немедленно после кончины «развитого социализма». Как если бы после февраля грянул тотчас знойный август...

Думаю, свою долю вины за самую безуспешную экономическую реформу, когда-либо предпринятую в промышленно развитой стране, несем и все мы, кто причисляет себя к российскому научно-промышленному истеблишменту. Да, нашего мнения не спрашивали, когда бросали экономику в пике, но и мы в большинстве стояли, скрестив руки. Кто-то думал, что все вернется на старые рельсы, а кто-то рассчитывал выжить в одиночку, раз уж государство теперь не отвечает по обязательствам предприятий.

Промышленники, и в особенности ВПК, и впрямь сегодня остались «на дне колодца», откуда взирают на творящееся в высоких правительственных сферах. Подобная позиция ничего хорошего не сулит. Полагаю, в кругах правительства созрело понимание, что глупо противопоставление госсектора и новых рыночных структур. Это напоминает большевистское противопоставление нэпманов и «красных кузниц». Правительству нельзя быть до такой степени «идейно озабоченным». В свою

очередь, госсектор и те предприниматели, которые хотят вкладывать капитал в производство, должны найти практический консенсус с правительством. Они вправе жестко потребовать протекционистских мер по отношению к национальному капиталу и высокотехнологичному «дивизиону» госсектора, способному к эффективной рыночной трансформации. Новая индустриальная и инвестиционная политика должна быть написана тремя перьями – правительства, промышленности и коммерческих банков. Сегодня немало и других разумных концепций и идей в обороте, как нам выбираться из экономической депрессии.

Как строились последние два года отношения тех, кто держит на своих плечах товарное производство и отвечает за средства к жизни для десятков миллионов занятых, с теми, кто экспериментировал на «макроэкономическом уровне» в Кремле и на Старой площади, напоминает мне игру в шахматы по переписке. Что ж удивляться, коль в мире не сыскать состоятельных инвесторов, которые рискнули бы участвовать своими капиталами в столь странном состязании. Еще не поздно представителям сторон сесть друг против друга за стол, заново расставить фигуры и играть по правилам, принятым в мире задолго до того, как мы в России решили вернуться к свободному предпринимательству – для производителей, а не для политически ангажированных чиновников и профессионалов митинга.

«БОИНГ» И «ИЛЬЮШИН»: ГОНКА С ВЫБЫВАНИЕМ?

Журнал «Авиарынок», №1, 1997 г.

Высокие технологии российской аэрокосмической промышленности – ценный капитал нации и еще не погашенный билет в постиндустриальную экономику

«...Мы – нищие, но многих обогащаем. Мы ничего не имеем, но всем обладаем» (из «Послания к коринфянам»). Библейская строка – не о земных, духовных благах. Но не таков ли, если толковать о благах земных, насущных, сегодняшнее, неисповедимое и ущербное, положение России в мировом разделении труда? Наш прибавочный продукт, по оценке осведомленного «Форин афферс», до 300 млрд долларов, как ветром сдуло на Запад. Казна пуста. Явочным порядком секвестрирован, похоже, «бюджет развития», – эта щепотка дрожжей всей погруженной в спячку высокотехнологичной промышленности. Скандал вокруг финансирования МИГ-29 для Индии. Сыр-бор, а правых-виноватых не сыскать. Зато прозрачно видно – в комбинациях комбанков роль ободранной липки предназначалась МАПО МИГ. А прорицания скорых инвестиций в обрабатывающую промышленность все больше напоминают пошехонский крестный ход в засуху, с хоругвями и молением о дожде. Еще одна загадочная интрига

приключается с СУ-37 в Ле Бурже. А юбилей исторического перелета чкаловского экипажа в Ванкувер остается почти незамеченным. Потом каскад неполадок на станции «Мир» и злопыхатели в конгрессе США. НАСА и Российское космическое агентство вместе держат оборону от хулителей.

Что происходит? Если отвлечься от злобы дня – неоплаченного правительством прошлогоднего оборонного заказа, просроченных векселей и кредитов, замерших стапелей самолетостроительных заводов, надвигающихся и предвкушаемых банкротств в оборонке, то происходит следующее: авиакосмическая промышленность России стала обузой, тяжким бременем для обессиленной, убыточной, сырьевой по структуре ВВП, «опростившейся» экономики России образца 1997 года.

Может ли баснословное богатство быть обузой? Ведь «сумма технологий» российской авиакосмической промышленности, стоимость ее основных фондов исчисляется в мировых ценах не одной сотней миллиардов долларов. А накопленный в XX веке отечественный научный, инженерный и конструкторский потенциал и вовсе цены не имеет. В ответ говорят: по одежке протягиваем ножки. Если из-за безденежья Вооруженные Силы превратились в Большое Интендантство, заказывающее маргарин вместо пушек и самолетов, то где взять денег на поддержание на плаву двух тысяч предприятий и КБ, связанных с высокими технологиями? С их огромной нормой накладных расходов и 5-10-летним циклом разработки «изделий» нового поколения?

Уже шестой год как оборонка – на подножном корму, а про света и не видно. Горячий интерес верхов к закону о Соглашениях о разделе продукции, полуколониальная суконная подкладка которого колет державное самосознание думцев, о многом говорит. Похоже, планида России в XXI веке как сырьевого лабаза «семерки» вроде бы сама собой определена. Мы, бывшая сверхдержава, спешились и держимся за стремя развитых стран, чтобы вовсе не отбиться от поступи цивилизации. Если не судьба нам выходить на мировое торжище с нажитыми, но ставшими неподъемными наукоемкими технологиями, то, образно говоря, вместо циркуля и логарифмической линейки надо братья за за-

ступ и кирку. Роспуск Минобороны и промышленности вкуче с Минпромом – события знаковые. Как будто подведена черта, после которой шанс России попасть в клуб постиндустриальных стран, живущих с интеллектуального капитала, а не с продажи сырья по произвольным ценам, оценивается как чисто умозрительный, а по «трезвому» разумению, иллюзорный. Возобновление экономического роста ожидается через зарубежные инвестиции в сырьевые отрасли. Живет же, дескать, Австралия припеваючи, торгуя сырьем, шерстью и бараниной? Но мы-то не теплая, малонаселенная Австралия, живущая на отшибе!

Рано петить отходную российской аэрокосмической промышленности. Она продемонстрировала удивительную живучесть. И остается средоточием промышленного инновационного интеллекта страны. Без госзаказа, в кабале ростовщических процентов по кредитам, дороговизны материальных ресурсов, она выжила и даже удерживает лидерство во многих передовых сферах. Экспорт высокотехнологичного оружия из России достиг 3,5 млрд долларов в год, а сумма подписанных контрактов «Росвооружения» – 7 млрд. По сей день пожинаются плоды огромных вложений в высокие технологии в советские времена. Выходит, после распада административных схем кооперации ВПК бывшего Союза произошла переналадка на новые рыночные схемы кооперации. Не утрачен технологический и кадровый потенциал, а инвестиции, копейка к копейке, делаются и при зарплатах, которые под стать пайку голодных военных лет. Истребитель XXI века Су-37 создан, и технологический порог перешла Россия, а не богатый Запад. Станция «Мир» выработала уже два ресурса с лишком, а американская «Альфа» еще только «кураца в гнезде». Америка купила маршевый двигатель для своих новых космических ракет у нас. «Локхид-Мартин» участвует в грандиозном тендере на ракетноноситель XXI века, на котором будет стоять российский двигатель производства НПО «Энергомаш», опережающий их разработки на 10 лет. Если «Локхид» одержит верх, то это 20–25 лет работы на стабильный рынок для завода не только в Химках. Кипр, несмотря на ревность и выкручивание рук со стороны американцев, закупил наши комплексы С-300, которые не чета американским «Патриотам».

Уже готовится сверхсовременный российский комплекс «Искандер», футуристический в сравнении со штатным вооружением НАТО.

В ряде областей высоких технологий двойного назначения мы идем впереди Запада. Приходится только сожалеть, что в советской плановой экономике не было коммерческого оборота технологий и ноу-хау между «оборонкой» и гражданской промышленностью. Поколение высокоэффективных технологий состарилось в тереме сугубой секретности оборонки. А после крушения СССР аэрокосмическая промышленность попала в новый переплет. Оборонка, космос, передовая техноструктура «звездных войн» были отождествлены с оплотом и «материальной основой тоталитаризма». Это наваждение уже стало забываться, но словечко «монстры» ВПК нет-нет так и сорвется с уст какого-нибудь «продавца мышеловок», записавшегося в «политологи». То, что западные правительства берегут и лелеют как зеницу ока – национальный ресурс высоких технологий – у нас сохраняется не благодаря, а вопреки всем радикальным экспериментам с экономикой после 1992 года.

В Советском Союзе парк гражданских самолетов составлял около 2500 единиц. В 1990 году Аэрофлот перевез 100 млн. пассажиров. Сегодня у нас около 500 авиакомпаний, а перевозки сократились в 5 раз, тарифы в соотношении со средней зарплатой вздорожали вчетверо-впятеро. Износ самолетного парка 70%. Все годы реформ в экономике гражданское самолетостроение было в простое. Алюминиевые заводы имеют экспортную зависимость 90%. Новое поколение российских лайнеров Ил-96 и Ту-204 подготовлено к серийному выпуску, а денег на закупку самолетов у перевозчиков нет. Кредитные линии не открыты, лизинговые схемы повисли в воздухе без реальных гарантий правительства.

Внутренний российский рынок гражданских самолетов оказался на распутье. Конечно, не может быть и речи о том, что огромная, раскинувшаяся между двух океанов, страна свернет свой воздушный флот. При любом сценарии развития экономики в России в следующие 50 лет воздушные перевозки будут расти. Но парк новых самолетов – уже не тысячи, а 600 единиц придется заводить в ближайшие лет десять. Весь вопрос – будут

ли это «ильюшины» и «Туполевы» или «Боинги» и европейские аэробусы? Таков жесткий выбор. «Боинг» уже предложил в лизинг, по демпинговой цене, свои лайнеры Аэрофлоту. И первая сделка состоялась. Расчет Аэрофлота, в котором государство, как-никак, имеет контрольный пакет, прост и незамысловат: «Боинги» экономичнее старых отечественных машин, а кредитные линии американская компания открывает как по маслу. Тогда как фирму «Ильюшин» никто толком не подпирает – ни правительство, ни по большому счету, российские коммерческие банки. Первый взнос надо платить живыми деньгами. В оправдание созерцательной позиции федеральных властей слышны сейчас такие утешительные речи: «Боинги» и «ильюшины» будут бороздить российское небо, так сказать, конкурентно. Это складно вписывается в установки «открытого» рынка, но, на поверку, это настоящая гонка с выбыванием. Исход ее предрешит финансовая мощь «Боинга», а не совершенство его лайнеров. И Россия не вернет, не окупит миллиарды полновесных рублей, вложенные еще в советское время в разработку нового поколения гражданских лайнеров. Увы, мощности ее огромной, сопоставимой с американской, авиационной промышленности, при таком развитии конкурентной борьбы большей частью будут свернуты, а частью станут сборочным цехом американских конкурентов. России грозит перспектива утратить способность к воспроизводству высоких технологий, которые дают возможность строить новые, все более совершенные воздушные суда. Две страны уже выбыли из списка великих авиационных держав – Германия и Япония. Но такова была кара союзников за развязывание мировой войны.

Пережив после войны экономическое чудо, Германия и Япония, тем не менее, уже не помышляли самостоятельно вернуться в стратегически ключевой и прибыльный бизнес авиастроения. Они утратили преимущество в воспроизводстве технологий. Если Россия, покорившись обстоятельствам национального кризиса, соскользнет на путь спонтанного свертывания авиакосмической промышленности, то это будет вовсе не поражение в свободной конкурентной борьбе. Потому что никакой свободной конкуренции на сверхдоходном элитарном мировом рынке авиастроения нет в помине.

«Как идет новый ковбойский боевик?» – спрашивают владельца кинотеатра в сонном тexasском городишке. Ответ: «В первый день вообще никто не пришел, а потом посещаемость несколько снизилась.» Это в точности напоминает картину финансирования федеральным правительством отечественной аэрокосмической промышленности. Вопреки посулам, правительство срезает ассигнования. А вместо живых денег норовит заплатить ценными бумагами, за которые комбанки дают живых денег едва рубль за два.

«Скупые рыцари» из Минфина и Минэкономики объясняют просто: «Денег нет». Найдите хоть одно, за исключением, быть может, Тайваня, правительство, у которого водятся лишние деньги. Все дело в выборе приоритетов. Олимпийские игры? Скоростная магистраль, параллельная «Красной стреле»? Чем зряшнее затея, чем больше почему – тем больше энтузиазма наверху. Возьмем, например, США. 75% федеральных ассигнований на поддержку промышленности страны идет в аэрокосмическую промышленность, которая и без того не бедствует. А в автомобильную – всего 7%. Это и есть стратегическое планирование и протекционизм в действии. И вся риторика «свободной торговли» и даже антитрестовские законы – побоку, когда на карту поставлены конкурентоспособность и экспансия американской авиакосмической промышленности. Федеральные власти в Вашингтоне, по сути, властно инициировали слияния крупных корпораций. Безропотно сошли с круга гиганты «Рокуэлл» и «Нортроп». На рынке остались лишь троица «Боинг», «Локхид» и «Рейтон». Произошла недвусмысленная монополизация и раздел рынка. Почему? После окончания холодной войны мировой рынок вооружений стал тесен для всех. Французское правительство ответило на затею американцев решительными мерами по слиянию частной «Дассо» и государственной «Аэроспейсьяль». В преддверии жесткой беспощадной конкуренции на рынках XXI века Европа предчувствует, что ей не поздоровится. А чем ответили мы? Привечанием «Боинга» дома? Роспуском Минобороны? 2000 предприятий по России остались без координации и государственного протекционизма. Из них около 700 находится в собственности государства. Безоглядная риторика благодати

«рыночного провидения» зашла так далеко, что власти безмятежно наблюдают, как российские производители военных и гражданских самолетов конкурируют и подставляют друг друга на внешнем рынке. Если США по средствам содержать только три сверхмонополии в авиакосмическом комплексе, то где же нам наскрести средств на существование дюжины?

Сегодня следует откровенно признать: России тоже надо «ужаться» и применить американский маневр слияния корпораций в аэрокосмическом комплексе, внутри которого царят конкурентные отношения. Вместо этого мы видим, как дышащие на ладан предприятия втягивают в новый водоворот приватизационных затей. Аукцион, банкротство, залог – вот три, прямо скажем, бедные, но универсальные идеи, которые на слуху. А жизнь востребует совсем другое: четкой и взвешенной политики государства в отношении бывшей «оборонки», которую правильно теперь называть национальным фондом высоких технологий. Это – протекционизм, оптимизация структур, субсидирование прорывных технологий.

Начиная с 20-х годов авиация, а позже космонавтика были у нас прерогативой первых лиц государства. И это не «тоталитарные» замашки, а ответственный государственный подход. Так Ф.Миттерран опекал «Конкорд». Так президенты и премьеры, как заправские коммивояжеры, проталкивают товар отечественных производителей на рынки других стран. И это нормальная политическая практика. «Делающий колесницы желает людям богатства». По тем, древнекитайским временам, колесницы были высокотехнологичным товаром, дорогим. В подтексте иносказания – в бедной, разоренной, раздираемой раздорами стране много ли продашь колесниц? Нам в России во что бы то ни стало надо расширить внутренний рынок аэрокосмических товаров и услуг. Наши летчики летают на старье, а китайцы партиями закупают Су-27. Куда это годится? Спрос на самолеты, военные и гражданские, в сегодняшней ситуации тотального безденежья способно стимулировать лишь государство. Хорошо, что в эти трудные годы, когда наша аэрокосмическая промышленность, по сути, оказалась предоставлена сама себе, многие генеральные конструкторы и генеральные директора не опустили рук.

НПО «Энергия» и фирма Хруничева запускают для «Мотороллы» десятки спутников, а Россия до сих пор не имеет собственной коммерческой глобальной телекоммуникационной системы в космосе. У американцев их полтора десятка. НПО «Звезда», фирмы Сухого, Камова, «Факел», МАПО и многие другие «киты» ВПК нашли рыночные ниши за кордоном. Их-то товар и оказался более чем конкурентоспособен. Но даже те, кто нашел заказы и заработки для своих людей, остались отрезаны от финансовых ресурсов. Было бы наивно уповать, что связанный незримой корпоративной порукой западный финансовый рынок раскошелится для конкурентов. А российский банковский капитал приучен все последние годы играть в подобие «домашнего лото» с правительством с ГКО. Этот барыш верней, чем головная боль вложений кредитных средств в аэрокосмическую промышленность. Рынок ГКО теперь выдохся и банки оглядываются, где бы еще заработать не копейку, конечно, как банкиры в Европе, а «рубль». Понижена учетная ставка, но движения кредитных ресурсов в сторону авиакосмического комплекса с его длительным воспроизводственным циклом не наблюдается. А все упования на финансово-промышленные группы в этой сфере оказались неоправдавшимися. ФПГ приноровились работать с быстрым оборотом металлов, нефти, химикатов, но в авиакосмической отрасли погоды не сделали. А положение с нехваткой оборотных средств просто отчаянное.

Куда нас заведет финансовый голод? Готовых решений нет, но есть понимание альтернативных путей. Если все оставить как есть: без управления, без протекционизма, кто в лес, кто по дрова, то лишь часть высокотехнологичных предприятий в ближайшие годы выстоит. Многие, включая градообразующие, проведут массовые увольнения, а третьи за долги будут по дешевке скуплены кредиторами и окажутся в невесть чьих руках. Примеры такие, увы, на виду. Полагаю, лишь новые инструменты управления могут переломить ситуацию с финансовыми потоками в аэрокосмической отрасли. Это, как представляется, согласованные со всеми властями, продуманные меры косвенного регулирования вектора движения всех кредитных ресурсов в стране. Ведь капиталы наших молодых, обороти-

стых и ухватистых комбанков, ни для кого не секрет, откачаны из промышленности. Находятся они в обороте «коротких денег» и портфельных инвестиций. Пока Госкомимущество по дешевке и споро распродает огромные куски промышленной собственности, все банковские загашники будут уходить именно в скупку, портфельные инвестиции, потенциально сверхдоходные на вторичном рынке. А вырученные казной средства, как это было до сих пор, будут уходить на спешную раздачу долгов правительства по зарплате и социальному обеспечению. Другими словами, бум портфельных инвестиций в сегодняшнем экономическом контексте это все равно, что продажа исподнего вместо того, чтобы деньги работали и оборачивались в реальном секторе. К примеру, покупка по лизингу, прокредитованному или гарантированному правительством, лишь одного Ил-96 даст казне больше прибыли, чем если бы был продан с торгов сам ильюшинский завод. Куда как простое соображение, но поди ты... Наша Лига содействия оборонным предприятиям будет добиваться именно такой переориентации финансовых потоков и кредитных ресурсов. У правительства для этого достаточно законных рычагов. Все дело в политической воле.

Надо смотреть правде в глаза. Многие нежизнеспособные, особенно дублирующие друг друга предприятия бывшей «оборонки» придется отпустить на вольные хлеба, чтобы не лишить кислорода предприятия еще здравствующие. Зреет убеждение, что власти после того, как государство, по существу, ушло от прямого управления бывшей «оборонкой», придется заново структурировать ее на началах рыночного корпорирования. Прообразом такого разумного объединения, может быть, является ПО «Компомаш». «Коренником» корпораций в аэрокосмической отрасли должны стать конструкторские бюро, а лидерами – генеральные конструктора, а не серийные заводы. Завод все-таки можно перепрофилировать или запустить вновь, а «рыночное» исчезновение КБ повлечет утрату целых технологических миров, воссоздать которые практически невозможно.

Рыночной «вольницей» бывшая «оборонка» сыта по горло. Пришло время сомкнуть ряды, выстроить корпоративные порядки. Все предпосылки и ресурсы для того, чтобы выстоять

в конкурентной борьбе на мировых, особенно периферийных, таких как АТР, рынках высокотехнологичных товаров и услуг, в России есть. Государство способно мобилизовать и самые дефицитные – финансовые, кредитные ресурсы. Ставки высоки. В будущей мировой постиндустриальной экономике Россия должна жить с ренты интеллектуального капитала, а не с продажи невозполнимых ресурсов. Говоря словами Михайло Ломоносова, для этой цели России придется одолеть все «разделения, утеснения, нестроения».

ЗАПАД, «ТИГРЫ» И РОССИЯ

Журнал «Металлы Евразии», №4, 1997 г.

Наш геополитический выбор: высокие технологии
в обмен на инвестиции

«В государстве должно быть достаточно пищи и достаточно оружия, и тогда народ будет доверять правителям», – утверждал Конфуций.

Подходит ли сегодняшняя Россия под эту емкую меру вещей? Половина нашего несытного теперь продовольственного обеспечения покрывается за счет экспорта нефти, газа и сырой стали. Лишь четверть вооружений армии РФ морально не устарела. Бесшумные подлодки, суперистребители семейства Су, системы ПВО С-300. превосходящие натовские аналоги, покупает у нас лишь заграница. А у российского военного ведомства казна давно пуста. Тем временем чиновники МВФ посылают на Краснопресненскую набережную подобия папских булл. Наставляют вице-преьера, записного «рыночника», как урезать социальные статьи бюджета и вытряхивать из индустрии недоимки. Суверенитет России, о твердыню которого расшибла лбы «всесильная» горбачевская союзная бюрократия, «котируют» сегодня менялы с медной деньгой за душой. Уже предводитель лавочников-челноков из Калининграда излагает по ТВ «бизнес-план», как окончательно отлепиться от нерадивой мачехи – Москвы. А Збигнев Бжезинский, некогда насылавший с горных высот Гиндукуша на соперничающую сверхдержаву геополитическую «порчу»,

куражится на радостях, видя свои, казалось, несбыточные химеры в яви, даже с лихвой. На этот раз он прорицает спонтанное сползание РФ к конфедеративному устройству, с Сибирской и Дальневосточной республиками. Как если бы солнце Ермака и Дежнева для нас, потомков, не восходило, а «едва не зашло на Востоке».

Никто уж не смеет оспаривать, что экономическая, продовольственная, военная безопасность страны на исходе. Доверие к государственности тает во всех слоях общества – от безработных до предпринимателей. На всей земной тверди у России, на поверку, нет ни единой страны – союзника, кроме Белоруссии.

Это геополитическое одиночество – верный знак, что мы потеряли дорогу и перестали различать, когда нам в ладонь кладут камень, а когда – хлеб. Геополитический вес России находится в обратном соотношении с территорией, наследием, ресурсами, ядерной мощностью и ответственностью перед другими государствами и народами. Эта неприкаянность и смирение бывшей сверхдержавы ничем не оправданы. Удивительно, что после резвого выдвижения передовой инфраструктуры НАТО к Бугу и вызывающей рекогносцировки в Крыму наши фрондирующие новые «государственники», припадающие к мощам Романовых и Столыпина, никак не могут взять в толк несуразность даже «умеренного» западничества («возвращение в лоно цивилизации»). Не отдают они себе отчета и в бесплодности, пародийности «либеральной» экономической модели для России, даже когда 70 процентов основных фондов благополучно «отписано» в частный сектор, на поверку состоящий почти сплошь из «портфельных» инвесторов. Второй приступ либеральной горячки, «младореформаторство», заканчивается таким же пшиком. Заведомо ясно, что это эшелонированный проект со внутриккомандной сменой лидера, как в велосипедной гонке. И кто же следующий? Сохранившие белизну манишек «оппозиционеры» из «Яблока» со своим пылким «вотумом недоверия», на самом деле явно норовят завести старую гайдаровскую волюнку на новый лад. Этой «чистой» публике мнится, что нам мешает присоседиться к Западу целиком и полностью лишь грубость «тоталитарных» нравов и склонность к лихоимству. Словом, «пережитки» и «ментальность», но

не неумолимый порядок вещей в мировом экономическом сообществе.

А ведь острые геополитические и экономические интересы России – в «зерне» остаются те же, что брали нацию за горло в 1914 и 1941 годах... Эти интересы не зависят от идеологий, они укоренены в судьбе России от века. Спасибо Бжезинскому, который при всей чисто иезуитской «тонкости» своих построений о «месте России» в теперешнем и грядущем мире, по части политеса сродни скорее гоголевскому Ноздреву. Архитектор «Рах американа» не оставил нашим «западникам» ни одной лазейки, где они могли бы утешиться и дальше заводить «на колу мочало...» Оказывается, Россия, без шуток, – «лишняя страна». И пока, надеюсь, мы еще властны над своей национальной судьбой, пора провести геополитическую сверку вектора нашего пути в XXI век.

Действительность такова, что за 2000 годом грядет новый, не ружейный передел мира и «лимитов» великодержавия. И на это торжище Россия поспела в ядерных доспехах, но не с тугой мощной, а с сумой. Иного не скажешь, если брать в расчет ее платежный баланс, угасание обрабатывающей промышленности, беззащитность внутреннего рынка, пущенные с молотка основные фонды... Единственное, что еще не сгнуло, так это ядро высоко-технологичного сектора ВПК, образовательный и природный ресурс. Намеренно ставлю богатства российских недр на третье место. Дело не в более низких издержках добычи и транспортировки аравийской нефти и норвежского газа в страны ЕС. Сырьевой сценарий равнозначен не вовлечению России в «мировое сообщество» («восьмерка»), а наоборот выдавливанию ее из тесного круга промышленно развитых стран.

Нобелевский лауреат экономист Дж. Кенна Гелбрейт еще в 1973 году подметил нарастающую новую мировую тенденцию: «...» исчезновение империалистической заинтересованности в рынках бедных стран». По Гелбрейту, «сырая нефть, железная руда, медь, бокситы, электроэнергия, природный газ и продукты леса более важны, чем сбыт готовых товаров». Потому транснациональные корпорации «подчиняют внешнюю политику Соединенных Штатов», а уж, соответственно, что говорить о российской,

«своим потребностям в сырье». Гелбрейт дело говорит. Вопреки маниловским мечтаниям («мост, а на мосту лавка») о новом издании плана Маршалла для России, страны семерки («золотой миллиард») твердо и последовательно нацелились исподволь и без спешки заполнить в мятущейся России контроль не только над третью мировых запасов сырья, но и готовую дорожную инфраструктуру для его товарного использования «транзитом». Схема «соглашений о разделе продукции» является ничем иным, как рычагом такого транзита потоков российского сырья мимо издержавшихся покладистых хозяев. Ответной покладистостью западный финансовый истеблишмент не балует.

Иностранные вкладчики инвестировали в 1996 году в реальный сектор одного только коммунистического Шанхая 11 млрд долл. А вот российской промышленности в прошлом году перепало из-за рубежа менее... 900 млн. долл. И так повелось из года в год: «либеральную» Россию с западного рынка товаров и капиталов выживают, а «красный» Китай привечают. Правда, наконец-то отыскалась причина обидной несурезицы. Оказалось, вся загвоздка в том, что нет у нас закона о «свободной купле-продаже земли». Вот ежели не чиниться, наладить «оборот» и залог воронежских черноземов и ямальской тундры, то бесприютному ныне иностранному инвестору будет где примоститься. Даром, что в том же осыпанном золотым дождем Шанхае иностранные инвесторы довольствуются арендой земельных участков, а офисы свои безропотно переводят по велению городских властей, в новый строящийся Сити. До Шанхая далеко, а до долговой ямы близко! Идея земельной обвальнoй приватизации, спущенная сверху, просто окрылили клерков в Госкомземе. Они исчислили, что если полегоньку начать закладывать землю банкам, пустить в молотилку колхозные пай, а когда дело пойдет веселей, начать распродавать треть всего незагаженного индустрией пространственного ресурса земной суши, к нам притечет до 5 трлн. (!) иностранного капитала. О чем тужить? Эта новейшая государственная идея является последним, заключительным словом российского «либерализма», производным от золотой мысли о благотворности банкротств и распродаж по дешевке гигантов индустрии, в особенности «монстров» ВПК.

«Рыночные» мистификации о «неминуемости» крупных иностранных инвестиций – для тех, кто обманываться рад. А если всерьез, без фантазмагорий и архаровских замыслов вселенской распродажи наших активов, нам своими силами трудно сняться с мели. Воссоздать жесткую централизованную модель хозяйства несбыточно. Утрачены былые возможности планового механизма мобилизации накоплений, концентрации кредитных ресурсов. Пущены по ветру все виды ренты, питавшие госбюджет. А фондоотдача и производительность труда обвалились так, что лучше о них и не заикаться. Зато внутренняя цена первичных ресурсов теперь – выше мировой. Бюджет нищий и треть его уходит на выплату непомерных процентов банкам по краткосрочным займам. Все это, вместе взятое, казалось бы – нулевая предпосылка для возобновления промышленного роста в России с опорой на свои силы и капитал. Отсюда – «придите и володейте!» Но ведь в такой же, если не пуще, безысходной ситуации очутились после Второй мировой войны Германия и Япония. Где-то они теперь?

Даже посреди отчаянной экономической ситуации России 1998 года не утрачены предпосылки для оздоровления экономики и прорыва на внешние рынки там, где нам не советуют пытаться судьбу доброты из МВФ. Сама жизнь востребовала протекционистскую модель реформы, которая поневоле соединит две связанные цели восстановление способности экономики к расширенному воспроизводству и структурную модернизацию. Это будет более компактная, менее ресурсоемкая экономика, где львиную часть дохода и выручки от экспорта даст восстановленный и вовлеченный в рыночный оборот высокотехнологичный сектор промышленности.

Итак, и восстановление, и модернизация экономики. Недавно осторожный Егор Строев, вопреки заверениям «младореформаторов» о безальтернативности экономического курса, обмолвился, что пересмотр курса исподволь, уже идет. Думаю, уж что на самом деле происходит, так это осознание в российском истеблишменте исчерпанности и мертворожденности примитивной «либеральной модели». Есть и хорошо обоснованные программы альтернативного экономического курса – у Сергея

Глазьева, академика Дмитрия Львова, в думских и сенатских комитетах.

Остановлюсь на проблемах геополитического выбора и самоопределения России в мировом разделении труда, как на прагматической альтернативе «младореформаторству». В мире подспудно соперничают разные модели развития и центры экономической мощи. Убежден, что западный вектор сулит России «счастливый» исход окончательно кануть в лету «сырьевого» сценария. Другой вектор – на Юго-востоке, в Азиатско-Тихоокеанский регионе – открывает для России шанс побороться за такой тип экономической интеграции, когда оказывается востребован наш находящийся под спудом ценнейший капитал – высокие технологии и фундаментальные знания, а не только кладовые сырья.

Выдвижение на рынки АТР, не в пример западным, не будет для нас появлением в Туле со своим самоваром. Не забудем – за нами 300-летняя промышленная родословная. А азиатские «тигры» на нашей памяти стремительно ворвались в мировое промышленное сообщество, подчас прямо из бамбуковых хижин. «Тигры» преуспевают, но собственной базы высоких технологий у них нет. Доступ же к ноу-хау Запад ограничивает. И в Китае, без пяти минут экономической сверхдержаве, основы индустрии и инженерии заложены в годы нашего тесного союзничества. Маоистский лозунг «Ветер с Востока довлеет над ветром с Запада», правда, с другим, рыночно-конкурентным смыслом, стал явью. Мы в России, замороженные западниками, проглядели все геополитические выгоды своевременной ориентации на АТР. Успешная модель рыночного преобразования автаркического планового хозяйства за Великой Китайской стеной была для московских либералов почище суловского агитпропа. Теперь эти лукавые чары развеялись. АТР одно время стала даже бойкой темой, новым упованием в правящем истеблишменте. Но... лишь как вспомогательный сюжет на «столбовом» пути на Запад.

Россию запоздало приняли в ассоциацию Азиатско-Тихоокеанского сотрудничества. Но тут разразилась буря, поднялось цунами на валютных и фондовых биржах Азии. Как на грех, потрясения в АТР совпали с нулевой точкой семилетнего экономического спада в России. Казалось бы, если дела пошли на поправку, что

нам до биржевой паники в Гонконге и Джакарте, когда наш товарооборот и присутствие на финансовых рынках АТР – с булавоочную головку? Ан нет, волна цунами из Азии, накатив на Русскую равнину, по оценке осведомленного американского эксперта Маршалла Шульмана, смыла до 50 процентов стоимости акций крупных российских компаний. Из этого кое-кто поспешил извлечь выгоду, чтобы преподать нашему легковерию три ложных назидательных урока.

Первый: если уж толчок с азиатских фондовых бирж смел, как битой городки, кропотливо выстроенную архитектонику нашей финансовой стабилизации, то это знак, что мы уже заправски, органично встроились в мировые финансовые рынки.

Второй урок: не слишком заглядывайтесь на АТР как на первый по перспективности рынок, где уже производится 1/2 мирового ВВП, а держите равнение на западных кредиторов и опекунов. И третий «логичный», под раскаты финансовой грозы в Азии, вывод – сама азиатская экономичная модель, с сильным акцентом государственного протекционизма и патерналистских начал, заведомо в подметки не годится либеральной западной модели «открытых рынков» и «свободы конкуренции». Спасибо за науку – этот пронзительный голос «сирен» с Запада обязывает нас держать ухо востро.

«Те, кто хочет управлять живущим в данное время народом методами покойных правителей, похожи на ожидающих у пня зайцев», – утверждал Хань Фэй.

Этот мыслитель древности считал богатства и численность населения источником различий и распрей в Поднебесной. «Поэтому народы и борются друг с другом». Да, испокон веку так. Никакая громогласная риторика «открытого общества» и космополитической роли денег не отменяет геополитические реалии. Вернемся, исходя из этого понимания, к драме АТР. Что там на самом деле происходит, в чем острое беспокойство Запада и наш, напротив, интерес?

Лондонская «Таймс» пророчит, что Азия якобы стоит на пороге «великой депрессии», угрожающей «превратить в пустыню

экономическое чудо последних десятилетий». «Возможно, это грозит превратить переход Гонконга в Китай из политического триумфа в экономический кошмар».

Здесь под обстрелом – вся «азиатская модель» капитализма с конфуцианской, отличной от западной, цивилизационной основой. «Таймс» винит в развязывании азиатского экономического «кошмара» Японию, обрушивая свои сарказмы на влиятельную «атавистическую консервативную фракцию в Минфине» Токио, которая ни в какую не хочет отступить от «устаревшей» экономической стратегии. Между тем островному государству вдали от источников сырья, помимо экспансии на мировых рынках, присуща теперь роль международного заемщика капитала. Мало того, что «Таймс» вешает всех собак на «доминирующую» в Азии Японию. Она прямо подбивает премьера Хасимото затеять своего рода «перестройку», а для начала отбояриться от отечественных «консерваторов». И сулит ему, как в свое время Горбачеву, лавры Франклина Рузвельта 90-х годов. «Таймс» прямо-таки заклинает Хасимото решиться на крутой поворот в экономической политике Японии в духе англосаксонской риторики глобальных «открытых рынков». В противном-де случае в азиатской экономике грядет такое, что никому мало не покажется. Независимо от того, уверяет газета, являются ли экономики «азиатских тигров» здоровыми в своей основе, они провалятся в пучину.

И впрямь, не все ли равно – «здоровыми» или недужными являются эти экономики? Азиатский ли это «грипп» на биржах Гонконга и Куала-Лумпура или чума?

Меру лукавства «Таймс» можно постигнуть из обстоятельного и объективного анализа напечатанной в «Форейн Аффэйрс» статьи под заголовком «Возрождение Азии». Стивен Раделет из Гарвардского института международного развития и профессор Джеффри Сакс, тот самый, что насоветовал нашим «младочикам» пресловутую шоковую терапию, словно во искупление грехов, подошли на этот раз с тонким пониманием предмета к проблемам восходящей азиатской экономики. Они в корне расходятся в своей главной оценке с «Таймс»: валютный кризис в ЮВА «свидетельствует не о конце азиатского роста, а, скорее, о рецидиве... той финансовой нестабильности, которая часто

сопровождая быстрый рост». По мнению гарвардцев, азиатские экономики непременно возобновят быстрый рост и два-три года. Аналитики склонны считать, что ряд стран ЮВА, «любимцев международного инвестиционного сообщества», пострадали в результате «операций денежных воротил внутри и за пределами этих стран». Неспроста еще в августе прошлого года премьер-министр Малайзии прямо обвинил «глобального» валютного спекулянта Сороса в целенаправленной биржевой игре на сбивание курса местной валюты, в результате чего страна в одночасье потеряла 20 процентов своего достояния.

Впрочем, то, что американские финансовые группы приложили руку к обвалу на биржах Гонконга, Бангкока и Куала-Лумпура, общеизвестный, хотя не до конца проясненный факт. А привязка валюты «тигров» к доллару облегчила исполнение замыслов спекулянтов, сыгравших на длительных тенденциях усиления доллара против иены. Дж. Сакс и С. Раделет, как бы то ни было, утверждают, что «валютные кризисы (если ими правильно управлять) не ставят под вопрос основную стратегию роста в этом регионе». Оспаривают они и расхожее на Западе мнение, что быстрый рост экономик Восточной Азии «сомнителен» и «неубедителен», поскольку основывается якобы на приросте инвестиционных затрат, а не на производительности. Как бы не так! В Корее, например, последние тридцать лет быстрого роста предельная производительность капитала определяется примерно в 20 %, гораздо выше 11% в США. «В 2025 году Азия, – предвидят Сакс и Раделет, – вероятно, ... займет свое место в центре мировой экономики». К этому сроку «на Азию будет приходиться 55-60 % мирового дохода, а доля Запада может снизиться примерно с 40 % сегодня до 20-30 %». Добавим к этому, что подушный доход у четырех «тигров» с 1965 по 1995 год возрос более чем в семь раз, а в Китае и ЮВА – вчетверо.

Так куда, как это ни невероятно звучит, через четверть века переместятся задворки мирового хозяйства? «Ветер с востока» и впрямь дует. Да, азиатская «экономическая модель» – протекционистская, с сильным государственным регулированием, умеренно авторитарная, не падкая на благочестивую западную «ересь» «прав человека» и словословия «открытому обществу».

Но она беспримерно плодovита и эффективна – вот главный для нас акцент оценок Джеффри Сакса с коллегой в издании для американской элиты. «Не важно, какой масти кошка»... (Дэн Сяопин). Но нашим реформаторам – подавай масть. Для России «азиатская модель» развития – «скромная», если по Гайдару, или просто не по зубам – по Явлинскому, потому как нет у нас по белу свету зажиточной китайской родни (хуацяо). Оно и понятно. Наломав таких дров е обвальнoй «либерализацией», потеряв на либеральной авантюре («зуб дракона» – программа «500 дней») более половины ВВП, на «азиатскую модель» глаза бы теперь не смотрели «Младореформаторам» один остается свет в окошке – Запад и тэтчеровские монетаристские прописи в духе фарисейских назиdаний наставников Оливера Твиста в работном доме.

Понятно, почему Запад так ревнует к азиатским «тиграм», хотя не считает за грех делать хороший профит на экономическом буме в АТР. Но все те же, наперебой, предостережения и настырные советы с Запада обрушиваются на российскую паству в связи с дорогой оказией – потрясениями на азиатских фондовых и валютных рынках. В закладе этих предостережений – геополитические «искушения» России, три четверти территории которой после расчленения СССР – по ту сторону Уральских гор.

«Как Россия может избежать катастрофы, постигшей Азию?» («Бизнес уик», 19.01.98). Простой как репа рецепт спасения передала Патриция Кранц из московского бюро еженедельника. «Строители капитализма в российском стиле (хохломском? – А.Д.), – озабоченно подмечает Патриция Кранц, – призадумались: городить ли им и дальше «открытый рынок в американском стиле» или предпочесть более «закрытый стиль управления экономикой, процветавшей до последнего времени в Азии». Намек: сколько веревочке не виться... Казалось бы, сокрушается американская Леди, тут и сомневаться-то нечего, но русским думка запала. Мало им греха с растащиловкой, распродажей по дешевке государственного имущества. Так их новоявленные российские «гигантские промышленно-финансовые группы» подозрительно напоминают г-же Патриции Кранц кэйрэцу в Японии и чеболь в Южной Корее. А они-то как раз, возгордившись, и довели, мол, до беды в Азии.

Если бы наши российские холдинги, битком набитые доставшимися за бесценок акциями промышленных гигантов, сподобились хотя бы на четверть повторить ошеломляющий взлет «чеболь», мы бы горя не знали. Но, видно, это примерещившееся Патриции Кранц сходство городушек наших «портфельных инвесторов» с могущественными «чеболь» – в строку. Повод предостеречь россиян от соблазна следовать за «чеболь» – процветающими корейскими конгломератами. Вместо этой пагубной перспективы «Бизнес уик» призывает нашего президента, не мешкая, «начать новую русскую революцию». «Кризис в Азии наглядно показал, – назидает орган деловых кругов США, – что система, основанная на дешевом кредите и... нетранспортности, рано или поздно рухнет под собственной тяжестью».

Выходит, система, основанная на дорогом, недоступном кредите, напротив, сулит нам вечное блаженство. И впрямь из 125 млрд, долларов активов российских коммерческих банков в прошлом году промышленности пожаловано всего 9 млрд – на один зуб. Но и этим заемщикам, по мнению редакторов «Бизнес уик» напрасно ссудили ненадежны. А что, скажите на милость, делать-то? Ужель свершить еще одну «русскую революцию» – «прорыв к открытой экономике западного типа?» Президент России должен, – именно так, черным по белому, «должен» – «поддержать и благословить на подвиг «прорыва» двух первых вице-премьеров. Курс – на «транспортный рынок», то бишь, снимай с петель ворота отчего дома и – никаких поползновений к протекционизму. Далее. Федеральная комиссия по рынку ценных бумаг, оказывается, признана притянуть к суду директоров предприятия, которые «нарушают право вкладчиков». Каких таких «вкладчиков»? А тех удалцов, что скупают по дешевке у оглодавших рабочих и инженеров акции, чтобы в удобный момент предъявить контрольные пакеты «господам хорошим» – тем же директорам предприятия. А премьеру «не следует» противиться решениям, под сурдинку отдающим в процедуру банкротств «неплательщиков» и т. д. Зачем, на кой эти угрюм-бурчеевские подвиги? Венец дела и не скрывается редакторами «Бизнес уик»: «Новый приток иностранных и местных (?) инвестиций может привести к развалу (!) крупных (отечественных – А. Д.) групп и вдохнуть новую жизнь в русскую экономику».

Не вдохнуть, а испустить дух – вот удел такой экономики.

А что, если мы не заколотим окно в АТР, слушаемся? Ответ наготове: «Будет уготован крах в азиатском стиле». И кто должен внимать этому самонадеянному вздору? Люди с песьими головами?

«...Используя мудрых, управлять четырьмя сторонами света», (из времен династии Шан).

Отношение западного истеблишмента к азиатскому кризису двойное. Джордж Сорос в статье в «Файнэншл таймс» в сдержанном и бесстрастном стиле объективного профессионала, ведающе тонкую и «загадочную» природу гигантских по обороту финансовых рынков, высказывает свое понимание происходящего. Нельзя-де зарекаться, что эта азиатская «холера» не перекинется на здоровую американскую почву, где экономика на подъеме, а доллар, не в пример валютам «тигров», здоров. Об отменном здоровье зеленой купюры, конечно, свежо предание, учитывая астрономический внешний долг американского правительства. Между тем золотовалютные резервы Китая – 130 млрд, долларов. Сопоставимые резервы накоплены у Гонконга и Тайваня. Сложите вместе эти авуары, да помножьте на жесткость и осмотрительность Пекина – и неуязвимость китайского финансового сообщества в АТР проглядывает надолго. Возьмем, далее, в расчет введение «евро» в Старом Свете... Сорос, озабоченный такой перспективой, мягко клонит к новому порядку вещей в АТР, когда МВФ и вновь создаваемые «страховочные» наднациональные финансовые институты получают опеку над экономикой «тигров». Чтобы не отбились от рук!..

Роль доллара как резервной валюты в АТР в следующем веке – в дымке, зато возрастающий вес иены и юаня, напротив, вполне предсказуемы.

Япония – крупный держатель ценных бумаг американского правительства – это особая головная боль Запада. «Почему роль Японии столь важна? – сетует в «Ньюсуик» эксперт Майкл Хирш. – Потому что корни нынешнего кризиса лежат в безрассудном использовании мирового капитала, который Япония аккумуля-

лировала в огромных размерах. В 1970–1980-х годах Япония просто вызывала раздражение своей дерзкой стратегией «захвата рынка», выбрасывая за рубежом дешевые товары, что финансировалось супердешевым банковским капиталом. Банки мало заработали на этом, – М. Хирш словно попрекает японских финансистов-стратегов в недостатке алчности, – способствуя своим нынешним бедам... Подобная практика принесла Токио огромное положительное сальдо, вызвав этим вспышки гнева в Вашингтоне, но и только. Уроки нынешнего кризиса заключаются в том, что подобная практика может стать поистине опасной. Сейчас Япония владеет огромной долей мировых сбережений, которую можно инвестировать, и большая часть их растрочена на просроченные ссуды при недосмотре со стороны правительства».

Эта длинная цитата стоит того, чтобы вдуматься в ее гротескный смысл. Обличительный пыл автора напоминает пристаивание городского к нищему, или, правильнее сказать, по теперешним раскладам, «мирового жандарма» к удачливому разбогатевшему конкуренту, приструнить которого – руки коротки. Между тем, американцы хвастают, что прибыль в Банках в США, в среднем, вчетверо выше, чем в японских. В США, уверяют, передовая стопроцентно рыночная банковская система, а в Японии предпринимательская самостоятельность банков – одна видимость. Почему же тогда «все золото мира» в японских банках, а не в американских? Почему Япония лидирует в передовых макротехнологиях? Не потому ли, что «азиатская» конфуцианская модель мудро строит отношения национальных банков с заемщиком из промышленного сектора на манер отношений родителей и детей. Кредит доступен, экспортеры обласканы, страна богатеет. Это вовсе не исключает серьезность и многосложность проблем, выявившихся в японском банковском сообществе. Наша, увы, беда вовсе другого толка: российские банки слепо переняли жесткую американскую модель, доведя апологию высокой нормы прибыли до абсурда и безответственности. А тезис о «пагубности» азиатской корпоративной морали в бизнесе, на которой и взошли «тигры», не более чем пропаганда. Обличения «азиатской модели» слишком ретивы. Нам бы в России призадуматься, – почему? Но по святой вере отчаявшихся, но неугомонных

«монетаристов» у российской экономики один удел – клин вышибать клином.

Хорошо, положим, из «четырёх сторон света» автору этих строк приглянулась восточная конкретнее, регион АТР, «новое Средиземное море человечества», по предвидению Александра Герцена.

А с чем мы придем на этот процветающий, ломящийся от капиталов и товаров рынок? Об энергетических проектах скажу коротко. В свое время, работая зампредом Совета Федерации, участвовал в первой проработке проекта магистрального газопровода с месторождений Тюмени и севера Иркутской области в Китай. Все предпосылки проекта были налицо, но с российской стороны не было выраженной политической воли. Китайская сторона, сознавая эту вялость и оглядку партнера на «марью алексеvну», тоже выжидала. Наконец, сам ход событий вокруг Газпрома выявил необходимость «антиподов» западным маршрутам российского газа. И впрямь, свет клином на Старом Свете не сошелся. Превосходящая емкость рынков Китая, Южной Кореи, Японии востребовала восточный вектор торговли энергоносителями. Завязалась нешуточная конкуренция вокруг китайского маршрута российского газа с участием крупных инвесторов.

Энергоносители – отдельный и пространный сюжет. Меня, как главу Лиги содействия оборонным предприятиям России, он интересует в той мере, в какой массивированный экспорт энергоносителей на Восток даст толчок общему товарообороту и инвестициям. Но главный, столбовой путь нашего проникновения в АТР связан с российскими высокими технологиями, сосредоточенными в ВПК. Неспроста менеджеры ВПК нынче предпочитают другое самоназвание – ВСП, высокотехнологичный сектор промышленности. Что мы уже успели на этом поприще? Наше высокотехнологичное оружие стали покупать. Истребители Миг-29 проданы в Малайзию. Филиппины и Индонезия интересуются нашими военными кораблями последнего поколения. Интерес к российским качественным образцам оружия и технологии в АТР разрастается. Но не ускользнуло от внимания, что едва Индонезия вместо американских Ф-16 заявила о закупке наших Су-30

и о контракте на миллиард с лишним долларов, как разразилась беда с индонезийской валютой. Джакарта в одночасье стала некредитоспособна. Но, объективно, «тигры» заинтересованы в крупных закупках передовой российской военной техники и диверсификации рынка. И здесь без государственного жесткого протекционизма, «сопровождения» и «пробивания» контрактов на высшем уровне не преуспеть. Рынок оружия узкий» схваченный» и политизированный. Но в АТР наш интерес крупнее. Если говорить об Азии как главном и выверенном векторе нашего геополитического выбора на перспективу, то в основе его рыночная кооперация и разделение труда с партнерами в области высоких технологии. Цель – создание новых конкурентоспособных рыночных продуктов гражданского назначения. Российские высокие технологии дают шанс странам АТР на «второе дыхание». В таком разделении труда, технологических обменах и перекрестном инвестировании – наш крупный шанс.

А реестр высоких технологий в России все еще широк. Аэрокосмические технологии уже входят в оборот, но невостребованный экспортный потенциал нашей авиационной промышленности и космических услуг, по оценкам экспертов – 200 млрд., долл.

Это совпадение интересов в Азии – технологии в обмен на инвестиции – не придумано. «Для развивающихся стран характерно многолетнее отставание от развитых стран в применении новых технологий, в производстве, в сфере услуг, – свидетельствуют те же Дж. Сакс и С. Раделет, – НИОКР, как правило, отстает от мировых стандартов. Главным образом применяется для освоения уже испытанных технологий развитых стран. Как же нагнать мировых лидеров?»

«Большой скачок», по мнению аналитиков, потребует непомерных затрат, да и историческое время не наверстать. Реалистический ответ уже прозвучал: технологии в обмен на инвестиции! Таков наш взаимный интерес с АТР и, быть может, особенно, – с Китаем. Технологии двойного назначения, которые все еще сохранены у нас, несмотря на все художества «шокотерапевтов», – вторые в мире по широте реестра. Авиакосмические, ядерные, лазерные, биотехнологии, композитные материалы, точная

механика, а также технологии, основанные на новых физических принципах...

Является ли восточный вектор, соединение российских высоких технологий и инвестиционных ресурсов «тигров», а говоря без обиняков – совпадение наших долгосрочных геополитических интересов – выходом из заколдованного круга российского безвременья или это – еще одна иллюзия?

Время покажет. Но именно теперь, на рубеже веков, азиатское направление российского предпринимательства, новые комбинации разделения труда – и есть свет в конце тоннеля.

САМОВЫРАЖЕНИЕ ВМЕСТО ПОДРАЖАНИЯ

«Независимая газета», сентябрь 1999 г.

«О национальной научно-промышленной политике России XXI века»

Сложившаяся в научно-промышленном комплексе страны ситуация не оставляет выбора между консервативной и инновационной стратегией научно-промышленного развития. Суть инновационной стратегии должна заключаться в переходе от преобладающего сегодня принципа минимизации рисков к принципу максимизации использования возможностей, открывающихся в переменах, к созданию условий для раскрытия и реализации соиздательно-творческого потенциала России.

Мировые универсалии и национальные особенности российской экономики

Бессмысленно, конечно, отрицать тот непреложный факт, что сложившийся в СССР по законам планового хозяйства научно-промышленный комплекс принципиально не соответствует рыночным представлениям о «должном». Это обстоятельство, однако, не опровергает наличия самого комплекса и вовсе не

свидетельствует о научно-технической и индустриально-производственной отсталости России. Примитивизированные оценки проблем российской экономики с универсалистских позиций глобальной системы капитализма не позволяют вскрыть реальные причины кризисных явлений, учесть специфику национального хозяйственного развития и активизировать потенциал движения в постиндустриальном направлении. Углубленное же и сбалансированное отношение к мировому опыту и национальным особенностям России приводит к необходимости признания права на существование национальной модели экономики. Ее своеобразие определяется целым рядом известных объективных обстоятельств: от холодного климата и протяженности территорий до специфики российской коллективистской культуры и истории страны как «осажденной крепости» с громадными расходами на оборону и милитаризованностью экономики.

Принципиальными особенностями обладает и осуществленная в России индустриализация. В ее основу была заложена специфичная структура технологического уклада, ориентированного на обеспечение военной безопасности, быстрое послевоенное развитие и совершение важнейших технологических прорывов. Но эта структура оказалась слабо восприимчивой к потребностям информационного общества и постиндустриального развития. Российская экономика с построенной по отраслевому принципу государственно-монополистической промышленной системой, принципиально отличается от корпоративной частно-капиталистической экономической организации индустриальных стран. Но и эта особенность не дает, однако, оснований для унижительной оценки российского народного хозяйства как «недоразвитой» экономики. В свою очередь, объективно назревшая необходимость реформ не означает и не может служить оправданием разрушения накопленного научно-промышленного потенциала, «человеческого» и «общественного» капитала. Политически конъюнктурная подгонка российского общества под такие западные стандарты, которые воспроизводят в своих странах принципиально иной тип социально-культурной организации и ценностных ориентаций общества, имеет закономерный деструктивный результат.

Означает ли такая позиция отказ от использования зарубежного опыта и возврат к экономической самоизоляции страны? Безусловно, нет. Однако этот опыт должен быть исследован и осмыслен не на уровне выборочных разрозненных фактов для «интеллектуальных дуэлей» с оппонентами. Это должен быть уровень обобщения и понимания тенденций мирового развития, объективного анализа реального положения России в непрерывном историческом времени и целостном экономическом пространстве, имеющий целью выработку позиции для ее достойного самоопределения в глобальных процессах вместо мстительных попыток сведения счетов с недавним прошлым.

Из маловразумительных объяснений штатных «реформаторов», назначенных «олигархов» и «продвинутых менеджеров» относительно того, что мешает им вернуть Россию в лоно мировой цивилизации, может сложиться впечатление, что в этих самых «цивилизованных странах» существуют только фондовые, валютные биржи и банки. В действительности же основу их благосостояния составляют крупные научно-промышленные корпорации, а экономическая мысль за пределами рекомендаций МВФ не только существует, но и успешно развивается.

Куда идет мир?

Усиление внимания современных государств к технологическому развитию своих стран связано с тем, что наукоемкий продукт становится определяющим фактором экономического развития в XXI веке и главным источником пополнений бюджетных средств. Это оказывается очевидным из следующего соотношения цен на промышленную продукцию:

- продажа одной тонны сырой нефти приносит до 20-25 долларов прибыли;
- один килограмм бытовой техники дает 50 долларов прибыли;
- средняя норма прибыли от реализации одного килограмма авиационной техники составляет 1000 долларов;
- один килограмм наукоемкого продукта в информатике и электронике позволяет извлекать до 5000 долларов прибыли.

В силу того что политический статус современных государств сегодня определяется в большей мере конкурентоспособностью наукоемкой продукции, чем их военной мощью, то вопросы необходимого технологического обеспечения национальных потребностей становятся приоритетной задачей государственного управления. Фундаментальной основой экономической организации и социальной инновации современных обществ становятся корпорации, а все главные изменения в хозяйственном и социальном развитии связываются сегодня с усилением роли крупных научно-промышленных объединений и модернизацией их структуры. Существенно важным для современных корпораций является расширение спектра неэкономических целей, усиление их взаимодействия с другими институтами общества. Формирование новой корпоративной культуры разрушающим образом сказывается на фундаментальных институтах собственности и стоимости капиталистической экономики. При этом резко возрастает несоответствие между традиционной бухгалтерской отчетностью и новой экономической реальностью по причине возрастания роли творческого потенциала и нематериальных активов в сравнении с обычными материальными ресурсами и имущественными правами.

Инвестиционная активность складывающейся «интеллектуальной экономики» концентрируется на «человеческом капитале» и информационных технологиях с осуществлением соответствующей перестройки организационных структур и систем управления. В данном процессе заметной тенденцией становится размывание понятия «модели продукции», стирание грани между товарами и услугами, а также организация массового производства по индивидуальному заказу.

Особого внимания заслуживает то обстоятельство, что в современной экономике утрачивает свой первоначальный смысл понятие «национальной продукции», так как она приобретает вид составляющих компонентов транснационального производства. При разработке научно-промышленной политики следует иметь в виду, что вершину пирамиды в современной мировой экономике занимают лица и компании, выявляющие и организующие решение новых проблем участников мирового рынка.

За ним иерархически следуют производители символов, стилей жизни и образов массовой культуры; ученые и исследователи продвигающие свои разработки транснациональным корпорациям; консультанты в области менеджмента, инжиниринга, финансов, права, архитектуры, дизайна, рекламы и шоу-бизнеса. Исходя из такой иерархии видов интеллектуально-творческой и производственной деятельности принципиальное значение для национальных экономик приобретает сегодня не факт создания того или иного товара, а степень их участия в успешно действующих глобальных сетевых структурах на основе широкого распространения информационных технологий, интегрируемых Интернетом. В этих так называемых «виртуальных корпорациях» характер исполняемых функций в международном разделении труда важнее факта окончательной сборки сложных наукоемких изделий.

Наиболее актуальной для понимания перспектив экономического развития России является тенденция неуклонного снижения роли сырьевого сектора, традиционных сфер производства и персональных услуг при возрастании стоимости знаний (концептуальной стоимости), которая уже превосходит сегодня стоимость, получаемую за счет повышения эффективности классической промышленности.

Сегодня набирает темпы общемировой процесс смены технологических укладов с изменением характера и структуры общественного потребления, сдвигом потребительских предпочтений в пользу образования, информационных услуг и здоровой окружающей среды, а также утверждением новых ценностей со сменой стереотипов «общества потребления» на ориентации «качества жизни» и творческой самореализации. Новейший технологический уклад приобретает отчетливый информационно-телекоммуникационный облик с ключевой ролью глобальных информационных сетей, систем искусственного интеллекта и интегрированных высокоскоростных транспортных коммуникаций при дальнейшем развитии энергосберегающих и экологических технологий, ядерной энергетики, космической техники, производства конструкционных материалов с заданными свойствами и гибкой автоматизации производства.

Мета-технологии и информационный империализм

Формирование новейшего технологического уклада, который будет определять геополитическую конкуренцию XXI века, сопровождается появлением и стремительным распространением т.н. «мета-технологий», вызывающих существенные последствия для всей системы международных отношений. Их основу составляют сетевые компьютеры и телеинформационные системы, средства и методы распространения в обществах чужеродных типов культуры и преобразования массового сознания, меры обеспечения информационной прозрачности других стран. Воплощенный в исследовательских и производственных корпорациях мета-технологического профиля интеллект становится главным источником рыночной силы. «Мета-технологии» формируют новые рамки и задают такие новые условия развития личности и человечества и целом, при которых финансы и интеллект, легко перетекающие с территории на территорию, начинают преобладать над ресурсами географических пространств с закрепленными на них людьми и производствами.

Результатом утверждения новейшего технологического уклада является относительное обесценение «старых» технологий и продуктов их применения. Наибольшему обесценению подвергаются примитивные технологии на слабо монополизированных рынках с сильной конкуренцией. В первую очередь происходит обесценение технологий добывающей промышленности и ухудшение конъюнктуры на сырьевых рынках с общей тенденцией снижения цен на сырье и продукты слабо интеллектуализированного труда. Перспективной является сегодня не любая, а наукоемкая и информационно-технологическая промышленная активность. Специальное исследование этой новейшей проблемы осуществляет в России Михаил Делягин и возглавляемый им институт.

Растущая взаимосвязь и взаимозависимость стран и регионов, глобализация международных и кредитно-финансовых отношений является заметной тенденцией современного мирового развития. Однако последствия ее усиливающегося влияния

на национальные экономики нельзя оценивать исключительно положительно. Процессы глобализации тесно связаны с распространением информационных технологий, обеспечивающих интеграцию глобальных рынков финансовых инструментов в единый мировой рынок финансов, господствующим товаром, на котором становится информация со сверхкоротким жизненным циклом. Опыт развития глобального финансового рынка свидетельствует о наличии у международных спекулянтов вполне определенной стратегии по извлечению сверхприбылей на основе дестабилизации экономики отдельных стран, которая получила название их «сплавления» в единое глобальное экономическое пространство или «асфальтирования» национальных экономик для свободного движения транснационального капитала. Достаточно аргументированно об этом говорит в своих публикациях Сергей Глазьев.

В процессе подобной финансовой интеграции происходит расслоение мирового сообщества на «осваивающие» и «осваиваемые» страны. В результате этого глобализация начинает осуществляться за счет деградации «осваиваемых» стран путем локализации носителей интеллекта и финансовых инструментов с организацией последующей утечки «мозгов» и капиталов в «осваивающие» страны.

Осмысление новых реалий, последствий применения «метатехнологий» и стратегий «сплавления» стран в единое глобальное экономическое пространство привело к созданию теории «конченных стран», которые под воздействием нового (информационного) империализма безвозвратно теряют не только важнейшие интеллектуальные ресурсы развития, но и способность их воспроизводить. Это лишает «осваиваемые» страны исторической перспективы.

Российские реформы: «возврат в цивилизацию»
или «погружение в варварство»?

Проведенный анализ тенденций мирового развития свидетельствует о том, что несмотря на многие несовершенства культивировавшейся в стране модели развития и острейший

экономический кризис предшествующими поколениями российского народа были созданы материально-технические и интеллектуально-кадровые предпосылки современного научно-промышленного развития:

- Россия в целом сплывилась с промышленной революцией и вошла в группу индустриально развитых стран;
- в России создана развитая система образования и профессионально-технической подготовки кадров, а также соответствующая самым высоким мировым стандартам наука, накоплен ценный «человеческий капитал» в промышленности;
- в стране сформировался достаточно большой «общественный капитал», основанный на естественной склонности российского трудового населения к объединению и моральной общности, накопился определенный опыт создания и результативной деятельности крупных научно-промышленных корпораций;
- в процессе индустриального развития России сформировалась современная система интеллектуального производства ценных знаний и технологических достижений.

Причина глубочайшего кризиса национальной экономики и политической системы связана, как следует из проведенного анализа, не с научно-промышленной отсталостью страны, а с ее неспособностью дать адекватные ответы на вызовы постиндустриального развития и назревшей революции в управлении социально-экономическими процессами.

Это, однако, не давало оснований для выводов о превосходстве тех или иных экономических теорий. Рыночный фундаментализм, по заключению влиятельных западных экономистов, представляет сегодня еще большую опасность, чем тоталитарные идеологии.

Принципиальным недостатком политики экономических преобразований является игнорирование фактора разнокачественности ресурсов оборонно-промышленного комплекса и гражданского сектора экономики. Именно эта особенность российского народного хозяйства ограничивает возможности применения опыта стран с однопорядковым уровнем ресурсов и выдвигает на первый план сформулированную на заре реформ Юрием

Яременко задачу трансформации военной мощи в потенциал экономического и структурного оздоровления экономики путем преодоления межотраслевых технологических разрывов.

Некорректно преувеличение роли мелкого и среднего бизнеса и его рассмотрение в качестве самодостаточного фактора российской экономики, основы возрождения и повышения ее конкурентоспособности. Такой бизнес в научно-промышленной сфере может эффективно существовать и устойчиво развиваться только вокруг крупных корпораций, определяющих технологический облик страны. Их искусственное дробление в России противоречит мировым интеграционным процессам и приносит ущерб по причине разрушения технологического единства и резкого роста транзакционных издержек на обменных операциях.

Ложным и своекорыстным представляется утверждение рыночных фундаменталистов о неизбежности прохождения России через криминальную фазу в связи с необходимостью «первоначального накопления капитала». На самом деле промышленный капитал до начала реформ был уже накоплен в государственно-монополистической форме и требовал повышения эффективности его использования, а не разворовывания и допуска криминалитета к рычагам управления хозяйственными ресурсами в процессе ослабления государственного влияния.

При происходящем сильнейшем «сжатии» национальной промышленности отчетливо проявилась тенденция ее интеллектуальной и профессиональной деградации, так как все более значительную долю в структуре ВВП составляют спекулятивно-финансовые операции. Сложившийся недопустимо низкий уровень заработной платы наемных работников не обеспечивает их нормальной трудовой активности, влечет разрушение кадрового потенциала национальной промышленности.

Увеличение диспропорций в качественных структурах экспорта и импорта разрушают многие отрасли отечественной промышленности, а накачивание потребительского импорта «нефтедолларами» превратило отечественный рынок в «черную дыру» национальной экономики, которая во всех смыслах начинает «съедать свое будущее».

Следует особо отметить, что при сохраняющемся уровне добычи и низком коэффициенте извлечения нефти из недр ее запасов в России хватит примерно на 15 лет, а угроза перехода от экспорта нефти к ее импорту в долгосрочной перспективе оценивается как вполне реальная.

За годы реформ произошло неконтролируемое снижение производственно-технологического потенциала обороны. Оборонно-промышленный комплекс (ОПК) уменьшился в объеме более чем на три четверти, а производство вооружений и военной техники (ВВТ) составляет в настоящее время десятую часть объемов 1991 года. Резко снизился уровень национальной безопасности и утрачены существенные возможности модернизации страны.

Категорические императивы научно-промышленного развития

Назревшее реформирование российского общества должно рассматриваться не сквозь призму архаических теорий классического капитализма, а с позиций нынешнего постиндустриального вызова. С позиции доминирующей тенденции мирового развития принципиальные задачи реформирования национальной экономики и ее научно-промышленного комплекса представляются следующим образом:

- осуществление смены нынешнего технологического уклада с преобладающей ролью тяжелой промышленности и использованием низкокачественных ресурсов на технологический уклад наукоемкого производства и широкого распространения информационных технологий;
- радикальное преобразование системы управления социально-экономическим и научно-культурным развитием страны на корпоративном и государственном уровне, обеспечивающее переход от властно координируемых структур к производственно-творческим ассоциациям, построенным на добровольном сотрудничестве;
- смена идеологизированной политики насаждения господствующим экономическим классом капитализма сверху на

общенациональную концентрацию усилий по реформированию корпоративной культуры;

- распространение микроэкономических корпоративных преобразований на уровень макроэкономического обеспечения государством необходимой стране революции в управлении;
- подчинение институциональных преобразований отношений собственности и стоимостного регулирования экономических процессов решению задач смены технологического уклада и реформы системы управления научно-промышленным комплексом на уровне отдельных предприятий и в общегосударственном масштабе.

Обоснованием необходимости выбора собственного пути научно-промышленного развития России являются изложенные выше особенности отечественной экономики, а также отношение к национальной культуре как к важнейшему фактору технического творчества и интеллектуального производства. Опыт развития современных обществ свидетельствует о том, что технологическую модернизацию достаточно успешно проводят те страны, которые избегают жесткого следования «объективным законам цивилизационного развития» и сохраняют, по возможности, самобытные формы своей естественной жизни, основанные на национальных нравственных традициях.

Необходимость сохранения социально культурного кода нации и потенциалов развития страны предопределяет использование в разработке приоритетов научно-промышленного развития ограничительного принципа, играющего роль своего рода «категорического императива» со следующим содержанием:

- сохранить хотя бы существующий уровень образования и научно-профессионального воспроизводства кадров научно-промышленной сферы;
- предотвратить дальнейшее разрушение научно-промышленного потенциала страны и национальной технологической базы;
- не допустить окончательной деградации оборонно-промышленного комплекса и ухудшения военно-технического обеспечения вооруженных сил;

- прекратить практику решения сегодняшних экономических проблем за счет экологии и будущих поколений;
- исключить телеинформационную колонизацию России и ее технологическую зависимость в жизненно важных областях.

Императив выживания России как энергоемкой и пространственно-протяженной державы объективно выдвигает на первый план ее научно-промышленного развития следующие приоритеты:

- сохранение фундаментальной науки как основы самостоятельного осуществления пионерских исследований и разработок прорывных направлений;
- создание безопасных технологий термоядерной энергетики;
- подготовка отечественной атомной энергетики ко «второй ядерной эре»;
- создание и использование энергосберегающих технологий;
- разработка и внедрение эффективных технологий глубокой переработки нефти и газа;
- создание скоростного, надежного и дешевого транспорта;
- создание современных телекоммуникационных систем и развитие информационных технологий.

Национальные культурные традиции, накопленный Россией интеллектуальный и научно-промышленный потенциал позволяют определить в качестве приоритетов ее конкурентоспособного развития авиационный научно-промышленный комплекс, ракетно-космические технологии и системы, а также отдельные направления судостроения.

С учетом доминирующих тенденций технологического развития, потребности мирового и национального рынка принципиально важными направлениями являются:

- развитие биомедицинских исследований и фармакологической промышленности;
- технологическое оснащение агропромышленного комплекса;
- разработка и производство оборудования для нефтегазовой промышленности;
- технологическое обеспечение модернизации угольной промышленности и научно-техническая подготовка наметившегося движения многих стран навстречу «новой угольной волне»;

- развитие индустрии дорожного строительства;
- интенсификация разработок в области приборостроения;
- адаптация к мировому рынку и новым потребностям российского станкостроения.

Сегодняшняя колониально-сырьевая ориентация национальной экономики не отвечает коренным интересам России, ее научно-промышленному и интеллектуальному потенциалу, в силу чего требуется смена вектора развития и проведение структурных преобразований народного хозяйства. Значение ТЭК как базовой отрасли не должно подменять необходимость приоритетного развития высокотехнологичных производств. Сегодня крайне необходимо увеличение объемов обрабатывающей промышленности в общей структуре народнохозяйственного комплекса. Важную роль в технологическом подъеме обрабатывающей промышленности требуется отвести реализации потенциала оборонно-промышленного комплекса (ОПК), как специфической форме сохранения национальной технологической базы и источника модернизации народного хозяйства, невостребованного ресурса для трансформации сохраняющейся пока военно-технической мощи страны в ее экономическое достояние. Достижению структурно-технологической сбалансированности российского производственного комплекса необходимо придать в процессе разработки и реализации национальной научно-промышленной политики системообразующее значение.

Изменения структуры производственного комплекса должны сопровождаться усилением экспортной ориентации российской промышленности с одновременным наращиванием объемов высокотехнологичной и наукоемкой продукции. Для этого требуется усиление активности государства, направленной на повышение конкурентоспособности национальной экономики.

Главное направление политики технологического развития и управления объектами интеллектуальной собственности необходимо ориентировать на повышение социального статуса продуктивно-созидательного слоя российского общества, стимулирование их творческой активности и предупреждение дальнейшей «утечки умов» за границу.

О преодолении комплекса исторического неудачника

Реализуемая в настоящее время модель «догоняющего» развития с опорой на сырьевой потенциал страны и интернационализацию ее социально-экономической жизни объективно способствует деградации научно-промышленного комплекса страны и превращению России в сырьевую базу постиндустриальных государств и источник дешевой рабочей силы. Альтернативой может выступить модель «опережающего» развития, реализующая идею максимально полного использования накопленного интеллектуально-творческого потенциала для ускоренного продвижения к постиндустриальному обществу.

Россия, несмотря на скоротечную индустриализацию, не усвоила тейлоризм в качестве технологически – ценностной нормы социально – экономического поведения и сохранила в сознании большинства населения общинно-культурные архетипы, навыки кустарного ремесленничества, творческого отношения к труду и коллективистских традиций. На протяжении трех столетий Россия имела и пыталась обосновать особый тип общества, отличный как от традиционной патриархальности крестьянской общины, так и от западного гражданского общества, разрабатывая также этические основания и идеалы, которые объединяли бы людей целями и установками, не сводимыми к частным материальным интересам. Попытки утверждения новых общественных идеалов, не имевших необходимой материальной основы и практической востребованности, предопределили драматизм российской истории и обогатили уникальным духовным опытом.

Сегодня же в тенденциях постиндустриального развития начинают все более просматриваться общественные идеалы, которые максимальным образом выражены российской культурой, что придает драматическому опыту России общемировое значение. Смещение вектора глобальных цивилизационных процессов в духовно-творческую сферу, где наша страна имеет несомненные достижения и мировой авторитет, создает объективные предпосылки для разработки и реализации модели «опережающего

развития» России в XXI веке и стратегии ее «самовыражения» в современном мире вместо реализуемой сегодня политики подражания и выживания.

Установка на стратегию самовыражения предполагает:

- смену идеалов потребительского общества на систему ценностей, утверждающих престиж интеллектуально-творческого труда, приоритет науки, образования и культуры;
- осуществление технологической модернизации научно-промышленного комплекса страны на базе наукоемких, энергосберегающих и ресурсосберегающих технологий, современных систем телекоммуникаций;
- масштабную информатизацию общества и создание условий для включения российского интеллектуально-творческого потенциала в мировое телеинформационное пространство;
- трансформацию культурно-генетического кода России в систему ценностей постиндустриального общества;
- использование ресурсов духовной культуры и интеллектуально-творческого потенциала российского общества для решения социально-экономических проблем, совершения технологических прорывов и суверенного включения страны в процессы глобализации.

В основе такой ориентации национальных усилий лежат прогностические исследования, указывающие на отчетливо проявившуюся тенденцию смены в начале XXI века «экономики спроса» на «экономику нового предложения» и повышения роли стилевых решений до главенствующего фактора конкурентоспособности национальных экономик:

- проявляющаяся тенденция тесно увязывается с необходимостью гуманизации экономики и удовлетворением расширяющихся потребностей людей в творческой самореализации;
- богатые культурные традиции и сохраняющийся интеллектуально-творческий потенциал общества, положение России как «места встречи» мировых цивилизаций содержат необходимые объективные предпосылки для реализации стратегии самовыражения страны в современном мире;
- основным содержанием стратегии самовыражения должна стать постиндустриальная трансформация научно-

промышленного комплекса страны и его интеграция с культурной сферой, формирование на этой основе «экономики нового предложения» с организацией производства стилизирующих решений для индивидуализированного потребления творческих услуг.

Существуют ли для подобных расчетов реальные предпосылки в структуре научно-промышленного комплекса страны? По нашему глубокому убеждению, определенные ресурсы сохранились. Несмотря на острейший кризис, российская наука продолжает существовать как важнейший компонент мировой науки и продуцировать научные результаты благодаря созданному заделу и самоотверженному труду ученых старшего и среднего поколения. Этого немало для экономики интеллектуального типа. Ведь сегодня в мире существуют только две страны (США и Россия) с развернутой в полном объеме фундаментальной наукой, определяющей скорость развития современных обществ по стратегическим направлениям. Несмотря на то, что Россия утратила свою конкурентоспособность по отношению к США в международной политике, экономике и военном деле, ее наука остается важнейшим ресурсом и показателем ее конкурентоспособности на мировой арене в XXI веке.

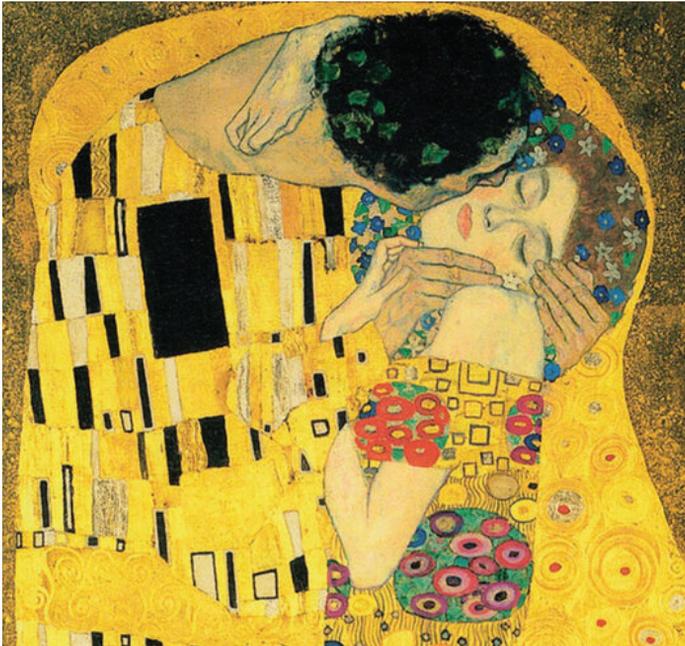
Проблема упирается, таким образом, не в отсутствие ресурсов достойного развития, а в недееспособность субъектов научно-промышленной политики, слабость политической воли государства и общую деморализацию общества, которому привит в последнее время комплекс «исторического неудачника» и «изгоя мировой цивилизации». Это, однако, уже другой сюжет...

**Анатолий Долголаптев,
Владимир Рубанов**

Часть II

ЛЮБОВЬ

Три притчи о главном

*Моим дорогим друзьям
и товарищам*

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Два слова о том, что я делал в жизни: это наука взахлеб, политика на разрыв аорты и личная жизнь, на которую, к сожалению – и моему, и близких мне людей, – оставалось (опять, о, ужасный «остаточный» принцип) мало времени и сил. Довольно много писал и печатался. Но все это была политическая публицистика, часто злая. А уже несколько лет писать об этом нет желания. Наверное, наступает время мудрости и оказывается, что все, что так волновало в предыдущие годы – все же не самое главное в жизни. Поэтому в этой книге записаны устные экспромты, родившиеся как тосты и посвященные самому главному в жизни.

ПРИТЧА ПЕРВАЯ, САМАЯ ДЛИННАЯ

Попытки выкинуть из текста линию, касающуюся путча, сильно обедняли рассказ, хотя и сокращали его больше, чем на треть. Но тем, кто прочитает ее целиком, гарантировано вознаграждение в виде все более и более коротких последующих притч. Тот, кто в нужной последовательности читал русскую классическую литературу, хорошо знает, насколько приятно двигаться от Толстого к Чехову (к автору это относится только в смысле количества текста).

Сказки об Италии или все о Еве

Все началось с путча. Тогда мне выпала одна из главных ролей, и практически всю ответственность за ситуацию в Московской области пришлось взять на себя. После этого я, как один из главных антипутчистов, был востребован в разных ипостасях. В частности, был приглашен в Италию как новоиспеченный президент Союза породненных городов, на конгресс итальянских коммун. И после трехдневных потрясений путча эта поездка в Италию была поездкой в другой мир.

Но все по порядку. Так получилось, что, как все трудоголики, уйдя в отпуск 5 августа 1991 года, я в течение двух недель исправно ездил в Москву на работу, а семья отдыхала в санатории под Москвой. И с 19 августа решил наконец-то полностью посвятить себя отдыху на оставшиеся от отпуска 10 дней. Но утренний

звонок от помощника с непонятным словом «путч» естественно порушил в очередной раз намерения предаться личной жизни. Включаю телевизор – «Лебединое озеро». Еду в Москву – наши подмосковные милиционеры рассказывают мне на всех постах ДПС, куда, какие войска проследовали. Въезжаю в Москву – въезд в центр закрыт, даже удостоверение первого зампреда Мособлсовета не помогает. «Козьими» тропами все-таки пробралась, но ничего не понятно ...

Очень интересная ситуация была около Моссовета на Тверской, 13. Там стояли бронетранспортеры с молодыми ребятами, которые не понимали, что им делать. Тут выходит из авто мужчина, вынимает из багажника канистру с бензином, обливает бронетранспортер, достает зажигалку и говорит молодому лейтенанту: «Сам уйдешь или тебе форсаж устроить?» Лейтенант уходит сам...

В здании Мособлсовета я появился часов в 12. Сразу же, попросив юристов оценить ситуацию, выясняю, что нарушена Конституция, то есть, совершено государственное преступление. А в таком случае ты либо становишься соучастником, либо занимаешь позицию борьбы с этим преступлением. Большинство пытается рассказывать, что это была схватка коммунистов с демократами. На самом деле, «путчисты» (многих из которых я неплохо знаю) были сбитой отчаянием командой «смертников», объединившей, с одной стороны, сильных и честных людей, предвидевших (и, к сожалению, не ошибившихся) последствия правления Ельцина, и, с другой, полностью выродившихся партийных «номенклатурищиков», веры в которых у большинства народа уже не было. Именно поэтому путч был обречен, а не потому, что демократы, вернее, «демишиза» проявила героизм...

Так вот, сразу предлагаю собрать Президиум Мособлсовета. Иван Михайлович Черепанов – председатель Совета – поддерживает. К четырем часам дня мы собираемся. Как выяснилось, в этот день единственным органом представительной власти, который был создан в стране, был именно Мособлсовет. Ни Верховный Совет, ни Моссовет собрать не удалось. Дискуссия, начавшаяся на нашем заседании, пошла опять в режиме «коммунист-

ты – демократы». А это худший вариант распределения людей, так как на самом деле они делятся на честных и негодяев...

Пока шел скандал, пишу короткое решение, состоящее из трех пунктов. В первом из них декларируется поддержка 59 Указа, в котором говорилось о нарушении Конституции. Остальные два пункта – поручительские: о публикации в прессе и о доведении решения до местных органов власти. Голосование проходит неожиданно просто, несмотря на предшествующую горячую дискуссию с взаимными обвинениями. Тринадцать членов Президиума из 14 голосуют «за». Единственный человек, который не поддерживает решение, – председатель Совета. Но у него была своя принципиальная политическая позиция, за которую можно только уважать человека. Таким образом, решение было принято, и, как оказалось, весьма кстати. Поскольку область, над которой сгустились тучи в виде желания Москвы поглотить ее, вышла из кризиса достойно.

Тяжелейшая ситуация, слава Богу, закончилась в области бескровно. А вовремя принятое Московским областным Советом решение, вне всякого сомнения, позволило большинству других регионов тоже занять позицию неприятия нарушения Конституции.

Дурной пример, к сожалению, повторил в сентябре 1993 года другой «черный» гений нашей политики – Ельцин. Но тогда крови уже было много, а чести мало. Как сказал тогда мудрейший из оборонщиков Виктор Дмитриевич Протасов: «Идет схватка двух мафиозных кланов за право беспрепятственно грабить страну». Я опять публично выступил против нарушения Конституции, но об этом в другой раз.

А после событий августа 1991 года Борис Николаевич очень благодарил Московскую область. Была аудиенция нового председателя Совета Долголаптева Анатолия Васильевича у Ельцина. Было решено два серьезных вопроса на этой встрече: первый – назначение губернатором Московской области Тяжлова Анатолия Степановича, второй – принципиальное решение об Указе Президента о праве области на эксперимент по приватизации оборонных предприятий. Многие наши оборонщики воспользовались тогда этим правом. Это была осмысленная приватизация. И это было правильно.

...Ну вот, таким образом, я вдруг стал очень популярным человеком. И тогда произошла эта поездка в Италию, о которой я начал рассказ.

Само по себе мероприятие было замечательным. Десять минут выступления на конгрессе, несколько официальных встреч, а все остальное время – поездки по Италии: через Флоренцию в Римини, из Римини в Венецию, потом через Болонью опять в Рим. Чудо как здорово! Во всех городах мира я пытаюсь попасть в картинные галереи. И здесь, в Италии, во Флоренции, в лучшей, на мой взгляд, картинной галерее мира – Уффици – произошел со мной случай. Сначала скажу, что там я впервые увидел целый зал Боттичелли – а это тот художник, который на многих, в том числе на меня, производит феерическое впечатление. И когда это видишь в оригинале, причем после тех залов, которые тоже чего-то стоят, понимаешь, что это совершенно немислимый уровень человеческого таланта, просто фантастический!

Тем более, что на одной из картин изображена только что рожденная из пены Венера, так похожая на мою жену, что даже возникает мысль о том, что раз в 500 лет это действительно происходит и рождаются такие женщины.

Далее, пройдя через несколько анфиладных залов с великолепным подбором полотен, я увидел две замечательные пары

картин – Адам и Ева. Одна принадлежит кисти Дюрера, а другая – Кранаха-старшего. Взору являются великолепно сложенные Адамы – красавцы, с совершенно тупыми лицами, абсолютно никаких чувств не вызывающие. Зато Евы – совершенно другого свойства, и вызывают большой интерес. А те, кто ничего приличного в жизни не видел, просто замирают перед ними. Меня же заинтересовало нечто иное: их лица. Оба они замечательные, но с разными выражениями. Одна из них – само мироуспокоение, доброта, а вторая – стерва. Для меня это было главным впечатлением от этого зала. И в голове засела мысль-вопрос: почему они столь разные? Додумался до того, что, скорее всего, по отношению к этим художникам женщины просто по-разному вели себя. Но, в общем-то, неудовлетворенный своим резюме двинулся дальше.

А ровно через 4 года я опять оказываюсь в Италии. В Турине в то время проходила парламентская ассамблея стран НАТО. *Незадолго до этого, в режиме умолчания внутри России, прошла информация, о том, что готовится решение о расширении НАТО, и мне, как руководителю российской делегации, – я тогда был заместителем председателя Совета Федерации, – на выступлении пришлось довольно четко объяснять, что это крайне неудачный ход со стороны НАТО. И если мы не враги, то расширение военных возможностей по отношению к нам – вещь недопустимая. Мало того, подобные действия заставят нас принимать адекватные меры, а это означает, что мы будем слабее выглядеть в том направлении, которое наиболее опасно для всех, и, в первую очередь, для Европы: это закипающий исламский конгломерат и Китай со своими великодержавными амбициями. И там мы должны быть по военному сильны и балансировать ситуацию. К несчастью, все, что связано с исламским терроризмом, реализовалось через некоторое время. Но с исключительной тупостью людей, которые, кроме своих сиюминутных интересов, ничего не хотят понимать, мне объясняли, что ничего плохого в расширении для России нет. А кончилось все тем, что на встрече «без галстуков» с председателем парламентской ассамблеи немцем Фишером я применил последний аргумент. Показав надетую под свитер маечку, полученную перед отъездом в спорткомплексе*

«Олимпийский», где в полуфинале Кубка Дэвиса российская сборная обыграла сильнейшую сборную Германии, я сказал своим собеседникам, что с ними будет то же самое, что и с их теннисной командой. Был гомерический хохот, но этого оказалось недостаточно, чтобы переломить процесс расширения НАТО. Тем более что МИД во главе с Козыревым способствовал всему этому процессу. И я получил такой поток ненависти, когда вернулся!... Правда, тогда укусить меня было очень сложно, тому же Козыреву. И только через 3 года Ельцин начал заниматься этой проблемой и шуметь по этому поводу. Как оказалось, поздно.

Но зато я вызвал очень большой интерес у тех, кто был на этой встрече. В том числе и у российского посла в Италии, который предложил вернуться в Рим на его машине. По пути мы заехали во Флоренцию. Разговаривали о многих вещах, и я до сих пор помню одно очень умное наблюдение нашего посла. Кстати, надо сказать, что школа советских дипломатов – выдающаяся школа, потому что в условиях страны с неадекватной экономикой, но сильной военной мощью, приходилось испуг перед нами всячески нивелировать, проводя наши интересы. В общем, все они были аналитиками высокого класса. Так вот, он рассказал мне одну историю, которую я считаю почти притчей. Касается это первого и последнего президента СССР Михаила Сергеевича Горбачева. В декабре 1989 года он, после того, как стал президентом, впервые выехал в Европу – в Италию. Популярность его в Европе была необычайной, просто

переходящей в любовь. Еще бы! Так раздать все наши многолетние завоеванные преимущества! Конечно, за это европейцы готовы были целовать от пяток до макушки «нашего» Михаила Сергеевича...

А в это время в России уже многие умные люди поняли, что они имеют дело совершенно не с тем, что нужно стране. Касалось это и генсека. Ему было тяжело, он приехал подавленный. Но облизали, обогрели – он воспрял.

И на одном из ежедневных послеобеденных совещаний делегации зашла дискуссия о том, куда идет ситуация в Советском Союзе. Кто-то употребил слово «хаос», на что Михаил Сергеевич среагировал достойно: «Хаос, – сказал он, – ну и что, что хаос. Бог создал мир из хаоса!» И мне сразу стало понятно, отчего все наши беды: Михаил Сергеевич считал себя равным Богу!..

Разговоры разговорами. Но вновь Флоренция, вновь галерея Уффици, зал Боттичелли, анфиладные залы, Адам, Ева, Адам, Ева – все на месте. Стою, смотрю. Замечательный парень – представитель общества «Россия – Италия», работающий там еще со времен, когда оно называлось «СССР – Италия», ангажированный на встречу с нами, на мой вопрос, почему все-таки настолько разные лица у Ев, пожал плечами. Он в этом музее работает давно и, по его словам, никто даже не задавался таким вопросом. Он ушел, а я остался стоять перед картинами. Через некоторое время наш замечательный переводчик возвращается и говорит: «Анатолий, пицца стынет, граппа нагревается, надо

спешить». И тут я вижу: у той Евы, которая сама ангел, в руках яблочко целенькое, у той же, которая стерва, восемь зубочков на яблочке. То есть она уж вкусила!

Мужчины, если вы хотите, чтобы ваши женщины не были стервами, не вводите их во грех. То, о чем подумало большинство, на самом деле грехом не является. А вот если женщина не удовлетворена, завидует, чувствует себя униженной, оскорбленной, она обязательно станет стервой.

**ВЫПЬЕМ ЗА МУЖЧИН, КОТОРЫЕ НЕ ДАЮТ
ВОЗМОЖНОСТИ СТАТЬ ЖЕНЩИНЕ СТЕРВОЙ!**

ПРИТЧА ВТОРАЯ

Нобелевская формула любви

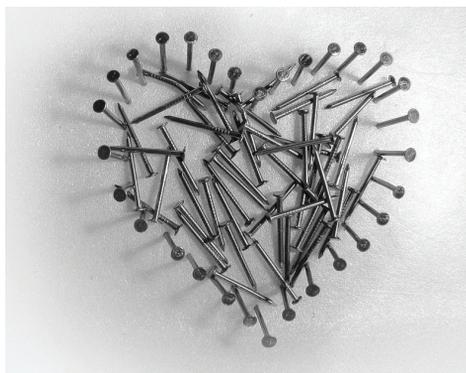
Ежегодно в моей жизни бывают два дня, когда пессимизм в отношении к жизни уменьшается, а оптимизм нарастает. Это два дня встреч со студентами в моем родном Бауманском техникуме и в дубненском Университете. В первом я учился, второй создавал в содружестве с хорошими людьми. И эти встречи – с толковой и прекрасной во всех отношениях молодежью – всегда чрезвычайно поднимают настроение! Я обычно держу речь на этих Днях студентов. Но, начиная с 1996 года, в Бауманском училище я, к сожалению, от этой почетной обязанности уволен. Потому что ректор, интеллигентный, мягкий, но необычайно принципиальный человек, счел одно мое выступление несоответствующим тому, что нужно говорить студентам.

А дело было так. В 1995 году на встрече с новоиспеченными студентами – бауманцами выступал великий наш остро слов, премьер Виктор Степанович Черномырдин. Когда у него нет куража, лучше не слышать, что он говорит с трибуны. Тоска у народа уже переходила в зевоту, когда вышел выступать наш выпускник – Секретарь Совета безопасности Андрей Кокошин. И обещал всем отчисление, если будет плохо учиться, призы-

вал к хорошей учебе и т.д. ... Угрюмое молчание в толпе из нескольких тысяч студентов уже было угрожающим. И когда мне предоставили слово, предварив это тем, что я – успешный ученый и политик, зампред Совета Федерации, все тоже ждали от меня поучений. И они последовали...

Поблагодарив студентов от старшего поколения за то, что они сделали замечательный выбор, я перешел к наставлениям. В начале я пообещал, что никто из них не получит диплом, если не научится прилично играть в преферанс, потому что 165-летняя школа преферанса в Императорском техническом училище не может прекратиться никогда. Это уже их немножко повеселило. При этом я предложил им сразу оценить, где они учатся. Потому что с момента переименования единственного в стране вуза-училища в университет во всех курилках шли дискуссии, как это нехорошо и что надо вернуть прежнее название. Поэтому я призвал их выйти в Правительство (пользуясь присутствием Черномырдина) с предложением переименовать Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана в Императорское техническое училище имени революционера Баумана, чтобы никто никогда уже в дальнейшем не искал исторических причин для переименования. Дальше я начал объяснять, что для того, чтобы получить диплом, действительно надо учиться. Но пучиться тому, что интересуется, а остальное надо сдавать. А сдают легко тогда, когда с преподавателями играют в футбол и пьют пиво. Ну и так далее... Понятно, что народ визжал от восторга! И все было бы хорошо, но через месяц, в одной из аудиторий охрана отлавливает нескольких студентов, которые играют в преферанс. И на замечание: ребята, что, вы, мол, делаете? они отвечают, что на Дне студента вполне успешный бауманец, который и в науке хорош, и в политике кое в чем преуспел, и является Президентом Клуба Императорского технического училища, присоветовал им не забывать картишки. Так что какие претензии?

После этого ректор сказал: «Толя, я тебя очень люблю, но больше выступать ты не будешь». И с тех пор я не выступаю.

Зато я слушаю. Дело в том, что в этот день в родном технлице собирается очень своеобразная публика. В кабинет ректора приходит десятка два людей – очень разных, – чтобы отметить этот праздник. И выдают такие воспоминания!!! В частности, бауманец Ни-

колай Егорычев, который в начале 60-х был лидером среди секретарей обкомов. Он тогда возглавлял МГК КПСС. Человек исключительной честности и интеллекта, в связи с чем был сослан в африканские страны послом – Хрущев его считал очень опасным.

А однажды, с задержкой на полчаса, в кабинет ректора буквально влетает куратор «бауманки» из Министерства образования. Очень симпатичная женщина, побывавшая по приглашению профессуры на бауманских кафедрах и факультетах, была в восторге: «Ну это же надо, какие мужчины!» И, действительно, профессура и преподаватели были всегда у нас высочайшего качества! Все как на подбор – видные и умные мужики! Только наши реформаторы смогли снизить их социальный статус и фактически отказаться от их поддержки и опоры на российский интеллект, средоточием которого всегда было наше технлице... И взволнованная дама предложила тут же тост за таких замечательных мужчин! И тут собравшуюся публику понесло. Все – и пожившие вдосталь, и не очень – вспомнили, что они тоже мужчины, объединились вокруг этой красивой женщины и начали наперебой говорить о любви.... Но интересней всех выступил далеко не последний советский ученый, бывший вице-президент Академии наук СССР, рассказавший о весьма занимательной жизненной коллизии на тему любви.

Я не буду называть главного героя этого рассказа. Узкий круг, который догадается о чем речь, и так знает, о ком это. А все остальные, надеюсь, оценят своеобразие происшедшего, даже если не будут знать имени.

Итак, только наш рассказчик становится вице-президентом Академии наук, как раздается звонок из ЦК с вопросом: «Что это у вас там происходит?» На что естественно следует ответ: «Да у нас все нормально. Планы по открытиям выполняются, все хорошо». А там говорят: «Нам тут звонит жена академика N., величайшего ученого с мировым именем, Нобелевского лауреата, и требует, чтобы ЦК разобрался и повлиял на N., который ушел жить к 28-летней, только что защитившей диссертацию, аспирантке (назовем ее M.). Вы там разберитесь! И сделайте, чтобы этой проблемы не было». Отметим, что N. тогда шел девятый десяток.

Наш рассказчик – человек умный и умудренный опытом – подумал-подумал и нашел гениальный ход. Он пригласил к себе другого Нобелевского лауреата – назовем его L. – и попросил его, как старого друга N., переговорить с женой того и добиться, чтобы в ЦК больше не сигнализировали... Позвонив жене N., L. порасспрашивал, что и как, и жена N. ему сказала: «Мы тут все собрались – дети, внуки, правнуки – и решили: пусть он возвращается! Мы ему даже никогда не напомним об этом. Все будет хорошо. Поэтому Вы, дорогой L., поезжайте к нему, объясните ситуацию, надавите на него, он испугается и, думаю, что вернется». «Ладно, – ответил L., – но уже вечер, а я не знаю, где живут M. и N., – завтра все разузнаю и поеду». Договорились, что после разговора с N., он позвонит.

На следующий день рассказчик и жена N. сидят и ждут звонка. Пять часов, шесть, семь, восемь – звонка нет. Наконец, жена N. начинает сама звонить запропастившемуся L. Через несколько звонков попадает на него и задает естественный вопрос: «Ну что, ты встретился?» «Встретился», – отвечает L. «Ты сумел его убедить?» – угрожающе вопрошает жена. «Нет, – отвечает L., – это он меня убедил!»

Вы согласитесь, что Нобелевский лауреат – это элита не только национальная, но и мировая, они все философы по определению, но!

**Я ПРЕДЛАГАЮ ВЫПИТЬ КАЖДОМУ ЗА СЕБЯ.
ЗА ТО, ЧТО ВЫ СДЕЛАЛИ ПРАВИЛЬНЫЙ ВЫБОР
НАМНОГО РАНЬШЕ, ЧЕМ ЭТОТ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ
МИРОВОЙ ЭЛИТЫ В СВОИ 90!**

ПРИТЧА ТРЕТЬЯ

В эту ночь решили самураи...

*Под порывом весеннего ветра
Цветы опадают.
Я еще легче
С жизнью прощаюсь.
И все же – почему?*

Счастливый Муж

Япония. Замечательная страна. Древняя история. Токио. Рыбный рынок. Недалеко от него храм с интересным названием «46 самураев». Синтоистский храм – все скромно, как во всех

синтоистских храмах. А перед ним стоит памятник: счастливый человек на пьедестале, полноват, низкоросл. Спрашиваю: что за история? Почему храм 46 самураев? Что за памятник? Выясняю, что памятник Счастливому Мужу. Храм носит название Сэнгакудзи... Кстати, японцы не возят сюда иностранцев, хотя сами ездят толпами, и считают историю, связанную с этим храмом, одним из самых сильных и точных проявлений национального духа. А история такая.

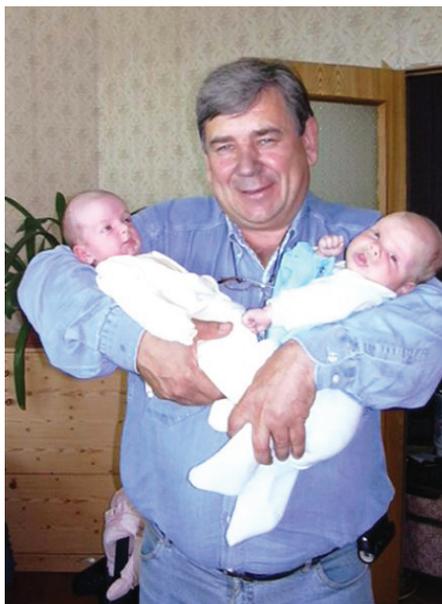
В XVIII веке, при правлении сегуна из династии Токугавы, один знатный предводитель самураев решил соблазнить жену другого знатного предводителя. А та ему отказала. Тогда незадачливый соблазнитель задумал оскорбить Счастливого Мужа. И «подставил» его в присутствии императора. Счастливый Муж выхватил оружие, но сразиться им не дали, так как во дворце императора вообще нельзя обнажать боевое оружие. Тогда Счастливый Муж на глазах у всех покончил с собой, сделав себе харакири. А 46 его вассалов поклялись отомстить за господина. И в одну из ночей хитростью взяли крепость, где прятался от мести незадачливый соблазнитель, и принесли его голову на могилу Счастливого Мужа. И поскольку жизнь всякого самурая теряет смысл после того, как из жизни уходит их повелитель, тем более они убили вышестоящего самурая, то все 46 тоже сделали себе харакири. Поэтому рядом с памятником Счастливому Мужу и стоят 46 простых, сделанных из сланца надгробий... Впечатление от всего этого тяжкое. Хотя, наверное, есть что-то возвышающее...

Я уверен, что все те, кто знают историю нашего Отечества, не припомнят подобного эпизода. И объяснить это можно с двух позиций: либо российские мужчины столь искусны и успешны, что у них не бывает промашек, либо наши женщины столь целомудренны, что ни один негодяй не решается на подобное поползновение.

ЛИЧНО Я ВЫПЬЮ ЗА ВТОРОЕ!

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Дорогие мои! В этой книге описано то, что я видел сам или слышал от близких мне людей. Каждый из вас может стать соавтором следующей книги, присовокупив свою притчу о любви к этим трем. Забавные и красивые, длинные и короткие, эти тосты будут украшать наши встречи, переводя их из разряда банальных пьянок в изысканные застолья, прославляющие любовь!

СОДЕРЖАНИЕ

<i>К читателю, рискнувшему погрузиться в омут президентских жур- и лит- изысков</i>	3
---	---

ПОЛИТИКА

<i>Сергей Глазьев. Предисловие</i>	4
«Филадельфийское ситечко», или Послеоктябрьский «катехизис» российского центриста	7
«Голлистский» сценарий для России	17
Кто за старшего в доме советской вдовы?	27
Переучет в «кафе Фанкони»	36
Пробковый шлем для г-на Жириновского, или Праздность как синдром российской политики	45
«Нагое единоначалие» как соблазн власти, или От анархо-либерализма к гарнизонному государству?	60
«Коротенькая» политэкономия Порфиши	70
Что немцу годится, или От чего предостерегает Россию доктор Цайдлер	85
«Боинг» и «Ильюшин»: гонка с выбыванием?	89
Запад, «тигры» и Россия.	99
Самовыражение вместо подражания.	115

ЛЮБОВЬ

Три притчи о главном

Вместо предисловия.	133
Притча первая, самая длинная	134
Притча вторая	142
Притча третья.	147
Вместо послесловия	150

Юбилейное издание

Том II

Анатолий Васильевич Долголаптев

ПРЕЗИДЕНТ

Компьютерная верстка – *А.А. Симонова*
Дизайн обложки – *Г.Е. Шапошникова*

Подписано в печать 27.05.2019 г.
Формат 60×90/16. Гарнитура «Peterburg»
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл. печ. л. 9,5. Тираж 150 экз. Заказ №1507

ИПО «У Никитских ворот»
121069, г. Москва, ул. Большая Никитская, д. 50а/5
тел.: (495) 690-67-19
www.uniki.ru